Метаданные

ДОКУМЕНТ

Название
ИТОГОВАЯ_ЧИСТОВАЯ_Бабаджанян_Е

Автор
Естер Бабаджанян

Научный руководитель / Эксперт
Асель Алтынбекова

Идентификатор документа
338311228

ОРГАНИЗАЦИЯ

Название организации
Maqsut Narikbayev University

Подразделение
Maqsut Narikbayev University

ОТЧЕТ

Дата отчета
2026-11-16

Дата редактирования

Объем найденных подобий

КП-ия определяют, какой процент текста по отношению к общему объему текста был найден в различных источниках.. Обратите внимание!Высокие значения коэффициентов не означают плагиат. Отчет должен быть проанализирован экспертом.

6.32%
6.32%

КП1

74869
Количество слов

1.4%
1.4%

БЮА

547777
Количество символов

Индикатор Контента ИИ

23%

Тревога

В этом разделе вы найдете информацию, касающуюся текстовых искажений. Некоторые изменения не видны при печати, но влияют на анализ текста. Эти искажения в тексте могут говорить о ВОЗМОЖНЫХ манипуляциях в тексте. В случае возникновения вопросов, просим обращаться в нашу службу поддержки.

Замена букв	ß	0
Интервалы	A→	0
Микропробелы	·	0
Белые знаки	ß	0
Парафразы (SmartMarks)	a	285

Источники

Ниже представлен список источников. В этом списке представлены источники из различных баз данных. Цвет текста означает в каком источнике он был найден. Эти источники и значения Коэффициента Подобия не отражают прямого плагиата. Необходимо открыть каждый источник и проанализировать сожержание и правильность оформления источника.

10 самых длинных фраз

Цвет текста

#	НАЗВАНИЕ И АДРЕС ИСТОЧНИКА URL (НАЗВАНИЕ БАЗЫ)	КОЛИЧЕСТВО ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВ (ФРАГМЕНТОВ)
1	https://otherreferats.allbest.ru/law/00339394_0.html	60 (0.08 %)
2	https://studfile.net/preview/16786263/	49 (0.07 %)
3	https://moluch.ru/archive/238/55266/	42 (0.06 %)
4	https://xn--80aajrcjbjmedh4bq.xn--p1ai/semya/odnostoronnyaya-sdelka-eto.html	38 (0.05 %)
5	https://www.zakonrf.info/gk/154/	38 (0.05 %)
6	https://studizba.com/files/show/doc/50816-1-30863.html	36 (0.05 %)
7	https://www.zakon.kz/4974173-primenenie-zakonodatelstva-o.html	34 (0.05 %)
8	https://psv4.vkuserphoto.ru/s/v1/d/B-SNtMHQ_lKw0PNA1af3RmJOu9guoFOvzI-eFqsBO_XGSPX_Di2jff5aJHSol2pEMbp78K2_jzzaBTrH2SHe8gvkh2TZrGBbbMZAU-…	32 (0.04 %)
9	https://documentbase.net/706031/	31 (0.04 %)
10	https://dokumen.pub/41bd183c9af4ecd4b56ad536c681397f.html	30 (0.04 %)

База данных RefBooks (0.1 %)

#	НАЗВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВ (ФРАГМЕНТОВ)
	Источник: C.H.Beck	
1	Nieważność czynności prawnej w prawie polskim na tle prawnoporównawczym, wyd. 1, rok: 2019 dr Piotr Skorupa;	16 (1) (0.02 %)
6	Medical law, wyd. 1, rok: 2019 prof. UW dr hab. Leszek Bosek, prof. dr hab. Marek Safjan;	6 (1) (0.01 %)
	Источник: Paperity	
2	Sözleşmesel Çerçevede Meydana Gelen Müteselsil Borçlulukta Borçlu Temerrüdü Davut ARMAĞAN;	15 (1) (0.02 %)
3	An unified approach to ontologies: Information Science, Computer Science and Philosophy Maurício Barcellos Almeida;	13 (1) (0.02 %)
4	Interpreting the Conditions for Imprévision: The Goals of the Reform Projects as a Decisive Tool for French and Belgian Courts Luigi Montefusco;	13 (1) (0.02 %)
	Источник: RePEC	
5	The Ability of Civil Society to Act against Corruption S.V. Anoschenkova,S.N. Pomnina,O.N. Ageeva,S.V. Petrikova;	12 (1) (0.02 %)

База юридических актов (1.4 %)

#	НАЗВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВ (ФРАГМЕНТОВ)
7	Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть)	**491 (37) (0.66 %)**
8	Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть)	137 (15) (0.18 %)

9	О проекте Закона Республики Казахстан 'О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского законодательства'	129 (13) (0.17 %)
10	О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам страхования	104 (13) (0.14 %)
11	О некоторых вопросах применения законодательства о товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью	52 (5) (0.07 %)
12	О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью	40 (5) (0.05 %)
13	Компиляция Кодекса Республики Казахстан 'О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)' от 10.12.2008 г., Закона Республики Казахстан 'О введении в действие Кодекса Республики Казахстан 'О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)' от 10.12.2008 г., Кодекса Республики Казахстан 'О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)' от 12.06.2001 г., Закона Республики Казахстан 'О введении в действие Кодекса Республики Казахстан 'О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)' от 12.06.2001 г.	25 (4) (0.03 %)
14	О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Республики Казахстан 'О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании' от 18 декабря 1992 года № 7	24 (3) (0.03 %)
15	ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС КАЗАХСКОЙ ССР	17 (2) (0.02 %)
16	Permissibility of a Power of Attorney in the Event of a Lack of Capacity to Consent	16 (2) (0.02 %)
17	Патентный закон Республики Казахстан	13 (1) (0.02 %)

Домашняя база данных (0.02 %)

#	НАЗВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВ (ФРАГМЕНТОВ)
18	Дипломная+работа_Айткалы_Риза.docx [redacted] 5/5/2026 Maqsut Narikbayev University (Maqsut Narikbayev University)	13 (2) (0.02 %)
19	Риза+диплом+окончательный+вариант.docx [redacted] 5/5/2026 Maqsut Narikbayev University (Maqsut Narikbayev University)	5 (1) (0.01 %)

Программа обмена базами данных (0.27 %)

#	НАЗВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВ (ФРАГМЕНТОВ)
20	Письменное задание [redacted] 3/15/2024 The University of World Economy and Diplomacy of Uzbekistan (The University of World Economy and Diplomacy of Uzbekistan)	20 (1) (0.03 %)
21	Документ из базы НЭУ 5447b04c-b198-4ac6-b48b-06c6c0a80d1d.doc [redacted] 11/5/2015 NARXOZ (NEU) (Information Technology Center)	18 (1) (0.02 %)

22	Письменное задание 2 [redacted] 3/20/2024 The University of World Economy and Diplomacy of Uzbekistan (The University of World Economy and Diplomacy of Uzbekistan)	17 (2) (0.02 %)
23	Принципы гражданского права в Республики Казахстан [redacted] 5/28/2021 West Kazakhstan State University named after Makhambet Utemisov (НАО "Западно-Казахстанский университет имени М.Утемисова" Отдел науки и послевузовского образования)	16 (1) (0.02 %)
24	Оспоримые и ничтожные сделки по законодательству Республики Казахстан [redacted] 5/12/2026 Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz (Karaganda University of Kazpotrebsoyuz)	14 (2) (0.02 %)
25	Проектная работа (презентация по странам и его текст) [redacted] 5/3/2024 The University of World Economy and Diplomacy of Uzbekistan (The University of World Economy and Diplomacy of Uzbekistan)	13 (1) (0.02 %)
26	ӘДІЛЕТСІЗ ШАРТТЫҚ ШАРТТАР [redacted] 5/18/2026 Kazakhstan university of innovative and telecommunication systems (Kazakhstan university of innovative and telecommunication systems)	12 (2) (0.02 %)
27	Договор дарения.docx [redacted] 4/11/2023 Kostanai State University A.Baitursynov (Кафедра уголовного и гражданского права и процесса)	7 (1) (0.01 %)
28	Договор хранения [redacted] 3/24/2021 Turan-Astana University (TAU) (Кафедра "Национальное и международное право")	7 (1) (0.01 %)
29	ГП Курсовая работа дЮ320 Мухамеджанова.docx [redacted] 12/5/2021 North Kazakhstan State University named after Manash Kozybayev ((ФИЭП) Правовых дисциплин)	7 (1) (0.01 %)
30	Правовое регулирование изменения и расторжения гражданско-правового договора.docx [redacted] 5/14/2020 Kostanai State University A.Baitursynov (Институт экономика и права имени П.Чужинова)	6 (1) (0.01 %)
31	Казакеев Д.docx [redacted] 1/28/2020 Turan University (TU) (Гуманитарно-юридический факультет)	6 (1) (0.01 %)
32	Обязательственное право [redacted] 11/20/2025 Kazakhstan university of innovative and telecommunication systems (Kazakhstan university of innovative and telecommunication systems)	6 (1) (0.01 %)
33	«Принятие наследства и отказ от наследства по казахстанскому гражданскому законодательству: сущность и значение» [redacted] 5/20/2020 Almaty Management University (Школа Общественной и Государственной Политики)	6 (1) (0.01 %)
34	Имущественные и личные неимущественные правоотношения между супругами [redacted] 4/12/2021 Turan-Astana University (TAU) (Кафедра "Национальное и международное право")	6 (1) (0.01 %)
35	Договор как основной вид сделок 2 проверка.docx [redacted] 5/7/2020 Turan University (TU) (Гуманитарно-юридический факультет)	6 (1) (0.01 %)
36	ДР_Волченкова_КОУ_2024 [redacted] 5/15/2024 Caspian University (ВШП)	6 (1) (0.01 %)

37	Гражданское право РК_ [redacted] 6/10/2026 Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz (Karaganda University of Kazpotrebsoyuz)	5 (1) (0.01 %)
38	Теоретические и практические аспекты различных сделок [redacted] 4/3/2020 Turan-Astana University (TAU) (_____)	5 (1) (0.01 %)
39	антиплаг [redacted] 5/6/2024 Yessenov University (Yessenov University)	5 (1) (0.01 %)
40	Шаповалова К. И. Ю-20-1.docx [redacted] 5/1/2022 North Kazakhstan State University named after Manash Kozybayev ((ФИЭП) Правовых дисциплин)	5 (1) (0.01 %)
41	Виды хозяйственных договоров и их особенности [redacted] 4/21/2025 Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz (Karaganda University of Kazpotrebsoyuz)	5 (1) (0.01 %)
42	Правовое регулирование совершения недействительных сделок и двусторонняя реституция [redacted] 5/4/2020 Turan-Astana University (TAU) (_____)	5 (1) (0.01 %)

Интернет (5.92 %)

#	ИСТОЧНИК URL	КОЛИЧЕСТВО ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВ (ФРАГМЕНТОВ)
Источник: psv4.vkuserphoto.ru		
43	**https://psv4.vkuserphoto.ru/s/v1/d/B-SNtMHQ_IKw0PNA1af3RmJOu9guoFOvzI-eFqsBO_XGSPX_Di2jff5aJHSoI2pEMbp78K2_jzzaBTrH2SHe8gvkh2TZrGBbbMZAU-…**	**617 (66) (0.82 %)**
Источник: km.mnu.kz		
44	**https://km.mnu.kz/ru/archiv/107/6**	**268 (19) (0.36 %)**
45	https://km.mnu.kz/ru/archiv/112/4	92 (11) (0.12 %)
46	https://km.mnu.kz/pdf/release/2026/№ 3 (112), 2026.pdf	15 (2) (0.02 %)
Источник: npaktobe.kz		
47	**https://npaktobe.kz/storage/app/media/БН 3 2025 верстка.pdf**	**265 (20) (0.35 %)**
Источник: studfile.net		
48	**https://studfile.net/preview/16786263/page:2/**	**168 (16) (0.22 %)**
49	**https://studfile.net/preview/16786263/**	**62 (3) (0.08 %)**
50	https://studfile.net/preview/3562356/page:8/	17 (2) (0.02 %)
Источник: pure.spbu.ru		
51	https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/36284305/GLOSSA_Sdelki_predstavitelstvo_davnost_Kommentariy_k_GK.pdf	113 (16) (0.15 %)
Источник: lex.uz		
52	https://www.lex.uz/docs/111181	102 (13) (0.14 %)
Источник: lektsia.com		

53	https://lektsia.com/8x28be.html	97 (8) (0.13 %)
Источник: privlaw.ru		
54	https://privlaw.ru/persons/novak-denis-vasilevich/	88 (8) (0.12 %)
Источник: moluch.ru		
55	**https://moluch.ru/archive/238/55266/**	**84 (3) (0.11 %)**
56	https://moluch.ru/archive/257/58844/	13 (1) (0.02 %)
Источник: cyberleninka.ru		
57	https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-sdelok-na-trebuyuschie-i-ne-trebuyuschie-vospriyatiya-osnovaniya-i-znachenie	81 (8) (0.11 %)
58	https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yuridicheskogo-fakta	40 (4) (0.05 %)
59	https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-menshinstva-v-grazhdansko-pravovyh-soobschestvah	22 (3) (0.03 %)
60	https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-informatsionnyh-tehnologiy-dlya-obespecheniya-dostupnosti-pravosudiya-pri-rassmotrenii-del-o-zaschite-prav-i	6 (1) (0.01 %)
61	https://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-na-sovershenie-sdelki-sovremennye-problemy-pravoprimeneniya	5 (1) (0.01 %)
Источник: documentbase.net		
62	**https://documentbase.net/706031/**	**76 (5) (0.1 %)**
Источник: xn--80aajrcjbjmedh4bq.xn--p1ai		
63	**https://xn--80aajrcjbjmedh4bq.xn--p1ai/semya/odnostoronnyaya-sdelka-eto.html**	**67 (3) (0.09 %)**
Источник: ssarbash.ru		
64	**https://ssarbash.ru/spisok/**	**62 (5) (0.08 %)**
65	https://ssarbash.ru/images/cms/data/glossa_ispolnenie_i_prekrawenie_obyazatel_stv.pdf	13 (1) (0.02 %)
Источник: otherreferats.allbest.ru		
66	**https://otherreferats.allbest.ru/law/00339394_0.html**	**60 (1) (0.08 %)**
Источник: zakonrf.info		
67	**https://www.zakonrf.info/gk/154/**	**58 (3) (0.08 %)**
Источник: elib.bsu.by		
68	https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/208618/1/%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%93%D0%9F.pdf	55 (8) (0.07 %)
Источник: college-balabanovo.ru		
69	http://college-balabanovo.ru/Student/Bibl/Pravo/GragPravo.doc	52 (6) (0.07 %)
Источник: izak.ru		
70	https://izak.ru/upload/iblock/467/4671bce5e0dbde80ce5d993debbd5e0a.pdf	52 (7) (0.07 %)
Источник: kze.docdat.com		
71	http://kze.docdat.com/docs/2004/index-951.html?page=21	51 (6) (0.07 %)

Источник: booksshare.net		
72	http://www.booksshare.net/books/urispr/didenko-ag/2006/files/grajpravo2006.pdf	50 (6) (0.07 %)
Источник: dokumen.pub		
73	**https://dokumen.pub/41bd183c9af4ecd4b56ad536c681397f.html**	**48 (4) (0.06 %)**
74	https://dokumen.pub/1-9785392299522-9785392299515.html	5 (1) (0.01 %)
Источник: evkova.org		
75	https://www.evkova.org/kursovye-raboty/ponyatie-i-vidyi-sdelok-teoreticheskie-aspektyi-sdelok	46 (4) (0.06 %)
Источник: base.garant.ru		
76	**https://base.garant.ru/57591673/**	**41 (2) (0.05 %)**
77	http://base.garant.ru/71100882/	14 (3) (0.02 %)
78	https://base.garant.ru/57591813/	11 (2) (0.01 %)
Источник: eastbr.ru		
79	https://eastbr.ru/sudebnaya-praktika/otkaz-ot-nasledstva-gk-rk.html	40 (5) (0.05 %)
Источник: library.psu.kz		
80	http://library.psu.kz/fulltext/transactions/1296_tulegulov_g.n._otv._red_grajdanskoe_pravo._obshaya_chast.pdf	40 (5) (0.05 %)
Источник: palata.org		
81	https://palata.org/wp-content/uploads/2018/12/VZAIMODEJSTVIE-Prakticheskoe-posobie-2018-27-11.pdf	40 (5) (0.05 %)
Источник: rzdiscovery.weebly.com		
82	http://rzdiscovery.weebly.com/blog/principi-mezhdunarodnih-kommercheskih-dogovorov-unidrua	40 (5) (0.05 %)
Источник: zangerlf.com		
83	https://zangerlf.com/ru/publications/279	40 (5) (0.05 %)
Источник: kodeksy-kz.com		
84	https://kodeksy-kz.com/ka/o_too_i_tdo/31.htm	39 (4) (0.05 %)
85	https://kodeksy-kz.com/ka/grazhdanskij_kodeks_osobennaya_chast/436.htm	19 (1) (0.03 %)
86	https://kodeksy-kz.com/ka/grazhdanskij_kodeks_osobennaya_chast/1057.htm	16 (1) (0.02 %)
Источник: adilet.zan.kz		
87	https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000264	38 (3) (0.05 %)
88	https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674	16 (2) (0.02 %)
89	https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230	10 (1) (0.01 %)
90	https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000548/links	7 (1) (0.01 %)
Источник: online.zakon.kz		
91	https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36871758	38 (4) (0.05 %)

92	https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37995653	16 (1) (0.02 %)
93	https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33917636	7 (1) (0.01 %)
94	https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39642015	5 (1) (0.01 %)
Источник: sud.gov.kz		
95	http://sud.gov.kz/sites/default/files/page_docs/spory_o_prave_intellektualnoy_sobstvennosti.pdf	38 (5) (0.05 %)
Источник: readera.org		
96	https://readera.org/kategorija-grazhdanskij-oborot-v-chastnom-prave-rossii-i-inyh-postsovetskih-147202527	36 (4) (0.05 %)
Источник: studizba.com		
97	**https://studizba.com/files/show/doc/50816-1-30863.html**	**36 (1) (0.05 %)**
Источник: fcbid.kz		
98	https://fcbid.kz/assets/doc/lawtoo.docx	34 (5) (0.05 %)
Источник: zakon.kz		
99	**https://www.zakon.kz/4974173-primenenie-zakonodatelstva-o.html**	**34 (1) (0.05 %)**
100	https://www.zakon.kz/4807390-grazhdanskoe-zakonodatelstvo.-stati..html	20 (3) (0.03 %)
101	https://www.zakon.kz/4811758-grazhdanskoe-zakonodatelstvo-stati..html	13 (2) (0.02 %)
102	https://www.zakon.kz/4879741-voprosy-voznikayushchie-pri.html	12 (1) (0.02 %)
Источник: center-bereg.ru		
103	https://center-bereg.ru/d1381.html	33 (3) (0.04 %)
Источник: azizovpartners.kz		
104	https://azizovpartners.kz/ru/2021/04/28/%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-…	30 (2) (0.04 %)
Источник: how2get.ru		
105	https://how2get.ru/kodeksy/grazhdanskij-kodeks/	29 (2) (0.04 %)
Источник: xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai		
106	http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13894	28 (4) (0.04 %)
Источник: wipo.int		
107	https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/16849	27 (4) (0.04 %)
108	https://www.wipo.int/wipolex/zh/text/580009	5 (1) (0.01 %)
Источник: med24.kz		
109	https://med24.kz/zakony/гражданский-кодекс-республики-казах/	26 (4) (0.03 %)
Источник: cyberpedia.su		
110	https://cyberpedia.su/17xe156.html	25 (3) (0.03 %)
Источник: meganorm.ru		

111	https://meganorm.ru/mega_doc/dop_fire/statya_administrativnaya_otvetstvennost_za_narusheniya/0/grazhdanskoe_pravo_v_2_t_uchebnik_tom_2_3-e_izdanie.html	25 (3) (0.03 %)
Источник: teses.usp.br		
112	https://teses.usp.br/teses/disponiveis/2/2131/tde-10112011-164402/publico/Numerus_clausus.pdf	25 (2) (0.03 %)
Источник: 195.12.113.56		
113	https://195.12.113.56/rus/docs/P160000006S	24 (2) (0.03 %)
Источник: nexto.pl		
114	http://www.nexto.pl/upload/publisher/Wolterskluwer/public/wkp-pelnomocnictwo_wedlug_kodeksu_cywlinego-1_demo.pdf	21 (3) (0.03 %)
Источник: skma.edu.kz		
115	https://skma.edu.kz/files/IMAGES/nauka/Pravila-k-soderzhaniu-i-oformleniu-phd-doktorskoi-dissertacii.pdf	21 (3) (0.03 %)
Источник: www3.wpia.uw.edu.pl		
116	http://www3.wpia.uw.edu.pl/wp-content/uploads/2012/06/Dziedziczenie-konstrukcja-prawna-i-ochrona_Autoreferat_W.-Borysiak.doc	21 (3) (0.03 %)
Источник: kazguu.kz		
117	http://kazguu.kz/documents/%d0%b4%d0%b8%d1%81%d1%81%d0%b5%d1%80%d1%82%d0%b0%d1%86%d0%b8%d1%8f%20%d0%90%d1%88%d0%b8%d0%bc%d0%be%d0%b2%d0%be%d…	20 (3) (0.03 %)
Источник: law.rufox.ru		
118	http://law.rufox.ru/view/smeta/3287.htm	20 (3) (0.03 %)
Источник: pavlodar.com		
119	https://pavlodar.com/zakon/?dok=00002&all=04004	20 (2) (0.03 %)
Источник: pvl.sud.kz		
120	http://pvl.sud.kz/rus/content/o-novellah-zakonodatelstva-po-nedeystvitelnym-sdelkam	20 (2) (0.03 %)
Источник: students-library.com		
121	https://students-library.com/library/read/23064-vidy-grazdansko-pravovyh-sdelok	20 (1) (0.03 %)
Источник: textarchive.ru		
122	http://textarchive.ru/c-1108610-pall.html	20 (1) (0.03 %)
Источник: advokatura.kz		
123	http://advokatura.kz/wp-content/uploads/ST_implementatsiya.docx	18 (2) (0.02 %)
Источник: dk.kz		
124	https://dk.kz/show-doc_39525900	18 (2) (0.02 %)
Источник: legalacts.egov.kz		
125	https://legalacts.egov.kz/application/downloadcommentfile?id=567	18 (1) (0.02 %)
Источник: mglsar.ru		

126	https://mglsar.ru/odnostoronnyaya-sdelka-sozdayet-obyazannosti-dlya-varianty-otvetov-litsa-sovershivshego-sdelku/	18 (2) (0.02 %)
Источник: cyfroteka.pl		
127	http://cyfroteka.pl/ebooki/Skutki_sprzecznych_z_prawem_umow_obligacyjnych-w_poszukiwaniu_skutecznych_i_proporcjonalnych_sankcji_sprzecznosci_umowy_obligacyjnej_z_…	16 (1) (0.02 %)
Источник: periodicals.karazin.ua		
128	https://periodicals.karazin.ua/law/issue/download/436/481	16 (1) (0.02 %)
Источник: ivurcol.net		
129	https://www.ivurcol.net/el_resurs/2_kurs/grazhdanskoe_pravo.pdf	14 (1) (0.02 %)
Источник: nrm.uz		
130	https://nrm.uz/contentf?doc=1372_grajdanskiy_kodeks_(glavy_6-12_stati_81-163)	14 (2) (0.02 %)
Источник: ojivaem.ru		
131	https://ojivaem.ru/kreditnye-zakony/kak-rastorgnut-dogovor-zajma-s-mfo-primery-sudebnyx-reshenij-v-polzu-zaemshhika/	14 (2) (0.02 %)
Источник: academy.kazguu.kz		
132	https://academy.kazguu.kz/wp-content/uploads/2017/12/Grazhdanskoe-pravo-osobennaya-chast-po-spetsialnosti-Tamozhennoe-delo_2017.pdf	13 (1) (0.02 %)
Источник: hfinancy.ru		
133	https://hfinancy.ru/sdelki/obyazat-zaklyuchit-dogovor.html	13 (1) (0.02 %)
Источник: knowledge.allbest.ru		
134	https://knowledge.allbest.ru/law/2c0a65625b3bc68a5c53b88421216d27_0.html	13 (1) (0.02 %)
Источник: mgimo.ru		
135	https://mgimo.ru/upload/iblock/6ee/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2.%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%…	13 (1) (0.02 %)
Источник: iskovoepismo.my1.ru		
136	http://iskovoepismo.my1.ru/publ/soprovoditelnye_dokumenty/raspiska_ob_ispolnenii_objazatelstv_obrazec/6-1-0-164	12 (1) (0.02 %)
Источник: istina.msu.ru		
137	https://istina.msu.ru/download/45862946/1fUknf:RbNPZD60mO1RMKjhEQM-M9bb87Q/	12 (2) (0.02 %)
Источник: nauka.kz		
138	https://nauka.kz/upload/files/baishev-r-zh-phd-povtor-s-sp.docx	12 (2) (0.02 %)
Источник: yuridicheskaya-konsultaciya.ru		
139	https://yuridicheskaya-konsultaciya.ru/dogovor/izmenenie-i-rastorzhenie-dogovora.html	12 (2) (0.02 %)
Источник: fomb.kz		
140	https://fomb.kz/mt-content/uploads/2023/04/civil_code_special_ru.pdf	11 (1) (0.01 %)
141	https://fomb.kz/mt-content/uploads/2026/05/gk-rk-obshchaja-chast.docx	11 (1) (0.01 %)

Источник: mphack.ru		
142	https://mphack.ru/characteristics-and-properties/sdelki-sovershennye-pod-vliyaniem-zabluzhdeniya-obmana.html	11 (2) (0.01 %)
Источник: samzan.ru		
143	http://samzan.ru/67685	11 (2) (0.01 %)
Источник: uchet.kz		
144	https://uchet.kz/week/vazhno-platezhi-mezhdu-yuridicheskimi-litsami-po-summe-prevyshayushchey-1000-mrp/	11 (1) (0.01 %)
Источник: ui.tsu.ru		
145	http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2016/05/%D0%91%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf	11 (1) (0.01 %)
Источник: klerk.ru		
146	https://www.klerk.ru/doc/562951/	10 (1) (0.01 %)
Источник: law.wikireading.ru		
147	https://law.wikireading.ru/51162	10 (1) (0.01 %)
Источник: aeterna-ufa.ru		
148	https://aeterna-ufa.ru/sbornik/AP-2024-04-1.pdf	8 (1) (0.01 %)
Источник: files.sudrf.ru		
149	http://files.sudrf.ru/298/norm_akt/doc20120928-142640.doc	8 (1) (0.01 %)
Источник: lawtheses.com		
150	https://lawtheses.com/nedeystvitelnost-sdelok-s-porokami-voli-1	8 (1) (0.01 %)
Источник: literature-edu.ru		
151	https://literature-edu.ru/pravo/4615/index.html?page=17	8 (1) (0.01 %)
Источник: studopedia.su		
152	https://studopedia.su/16_91853_preddogovornie-spori.html	7 (1) (0.01 %)
Источник: base.spinform.ru		
153	https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=105393	6 (1) (0.01 %)
Источник: bibliofond.ru		
154	https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=519611	6 (1) (0.01 %)
155	https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=808931	1 (1) (0 %)
Источник: consultant.ru		
156	https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294792/da06f75b83163eb9dd79b6132ea4e1a6d025f1d2/	6 (1) (0.01 %)
Источник: helpiks.org		
157	https://helpiks.org/5-106960.html	6 (1) (0.01 %)

Источник: adlet-nt.kz

158 https://adlet-nt.kz/wp-content/uploads/2019/01/2016-3-Scientific-works-of-Adilet-min.pdf 5 (1) (0.01 %)

Источник: darinasledstvo.info

159 https://darinasledstvo.info/nasledovanie/kak-otkazatsya-ot-nasledstva-esli-uzhe-vstupil-v-nasledstvo.html 5 (1) (0.01 %)

Источник: prg.kz

160 https://prg.kz/document/?doc_id=34207749 5 (1) (0.01 %)

Источник: psy-psy.ru

161 https://www.psy-psy.ru/health/vas-rf-o-sdelkah-sovershennyh-pod-vliyaniem-zabluzhdeniya-obmana-ugrozy-nasiliya.html 5 (1) (0.01 %)

Источник: zakon.uchet.kz

162 https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K940001000_ 5 (1) (0.01 %)

Источник: new-disser.ru

163 https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004131143.pdf 2 (1) (0 %)

Исключенные фрагменты

#	СОДЕРЖАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВ (ФРАГМЕНТОВ)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
УНИВЕРСИТЕТ КАЗГЮУ ИМЕНИ М.С. НАРИКБАЕВА

УДК 347.132
На правах рукописи

БАБАДЖАНЯН ЕСТЕР ЛЕВОНОВНА

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПОСЛЕДСТВИЯ ОДНОСТОРОННЕГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

8D04201 - «Право»

115 Диссертация на соискание степени доктора философии (PhD) Научный консультант:
Карапетов А.Г., доктор юридических наук

Зарубежный научный консультант:
Кудратов М., доктор права

Республика Казахстан
Астана, 2026

115 ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ
115 В настоящей диссертации применяют следующие термины с соответствующими определениями:
Волеизъявление - внешнее выражение внутренней воли лица, направленной на наступление гражданско-правовых последствий.
Одностороннее волеизъявление (односторонняя сделка) - сделка, для совершения которой достаточно волеизъявления одного лица.
Рецептивное волеизъявление - волеизъявление, правовой эффект которого наступает при условии доставки его адресату.
Нерецептивное волеизъявление - волеизъявление, правовой эффект которого наступает без доведения его содержания до конкретного адресата.
Интервентное одностороннее волеизъявление - волеизъявление, вторгающееся в сферу правовой автономии адресата и навязывающее ему правовые последствия.
Неинтервентное одностороннее волеизъявление - волеизъявление, которое изменяет правовое положение самого изъявителя либо

предоставляет адресату правовые возможности, которыми он вправе не пользоваться.
Сделкоподобное сообщение - юридически значимое сообщение, правовой эффект которого определяется не волей сообщающего, а законом, иной нормой права, принципом добросовестности либо условиями ранее совершенной сделки.
Секундарное (преобразовательное) право - правовая возможность своим односторонним волеизъявлением создать, изменить или прекратить правоотношение с участием другого лица.

В настоящей диссертации применяют следующие обозначения и сокращения:
ГК РК - Гражданский кодекс Республики Казахстан.
ГК РФ - Гражданский кодекс Российской Федерации.
ГГУ (BGB) - Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch).
ABGB - Всеобщий гражданский кодекс Австрии (Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch).
ВС РК - Верховный Суд Республики Казахстан.
ВС РФ - Верховный Суд Российской Федерации.
СКЭС ВС РФ - Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.
ВАС РФ - Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.
DCFR - Модельные правила европейского частного права (Draft Common Frame of Reference).
PECL - Принципы европейского договорного права (Principles of European Contract Law).
Принципы УНИДРУА - Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА.
Венская конвенция - Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года.
Rn. - Randnummer - номер абзаца в германских и австрийских изданиях.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОДНОСТОРОННЕГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ. СООТНОШЕНИЕ СО СХОЖИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ 32
1.1 Понятие и юридическая природа одностороннего волеизъявления 32
1.1.1 Формирование учения о сделке и волеизъявлении: исторический аспект 32
1.1.2 Сделка в системе юридических фактов и ее законодательное определение 36
1.1.3 Понятие одностороннего волеизъявления 41
1.2 Соотношение воли и волеизъявления как элементов структуры сделки 42
1.2.1 Воля и волеизъявление как элементы сделки 44
1.2.2 Единство воли и волеизъявления 47
1.2.3 Теории соотношения воли и волеизъявления и их восприятие казахстанским правом 47
1.2.4 Способы выражения и функции волеизъявления 50
1.3 Соотношение одностороннего волеизъявления со схожими конструкциями 55
1.3.1 Одностороннее волеизъявление и реальные акты 56
1.3.2 Одностороннее волеизъявление и сделкоподобное сообщение 58
1.3.3 Одностороннее волеизъявление и договор 68
1.3.3.1 Критерий разграничения 68
1.3.3.2 Пограничные случаи 69
1.3.3.3 Оферта и акцепт 79
1.3.4 Одностороннее волеизъявление и решение собраний 84
Выводы по главе 1 96
ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ОДНОСТОРОННИХ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЙ 99
2.1 Рецептивные и нерецептивные односторонние волеизъявления 99
2.1.1 Критерий деления 99
2.1.2 Рецептивные односторонние волеизъявления 101
2.1.3 Нерецептивные односторонние волеизъявления 108
2.1.4 Практическое значение деления 114
2.2 Интервентные и неинтервентные односторонние волеизъявления 118
2.3 Односторонние волеизъявления в зависимости от вида правовых последствий 129
Выводы по главе 2 131
ГЛАВА 3. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОДНОСТОРОННЕГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ 133
3.1 Модели правового режима односторонних волеизъявлений 133
3.1.1 Свобода совершения односторонних сделок 135
3.1.2 Форма сделки 142
3.1.3 Недействительность 144
А. Ничтожность 144
Б. Оспоримость 146
В. Частичная недействительность 160
Г. Реституция 161
Д. Общие выводы 162
3.1.4 Специфика применения общих правил о договорах к односторонним сделкам по аналогии закона 163
3.2 Последствия постановки под условие правового эффекта одностороннего волеизъявления 168
3.2.1 Случаи тотального запрета на условность 169
3.2.2 Условность неинтервентной сделки 170

3.2.3 Условность интервентной сделки 172
3.2.4 Условное завещание 176
3.3 Отмена одностороннего волеизъявления 183
3.4 Согласие как одностороннее волеизъявление и его отзыв 187
Выводы по главе 3 193
Заключение 195
Список использованных источников 202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Казахстан вступил в этап рекодификации гражданского законодательства. В Послании народу Казахстана от 28 октября 2026 года Глава государства, отметил, что действующий Гражданский кодекс «в полной мере выполнил свою историческую миссию... требуется принять новый Гражданский кодекс, который заложит фундамент плавного перехода к экономике будущего»[1] и поручил депутатам Курултая совместно с Правительством приступить к его разработке. Рекодификация ставит вопрос не только о модернизации отдельных институтов, но и о пересмотре общих положений кодекса, прежде всего учения о сделке, через которое гражданское право связывает возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей с волей их участников. Без ясного понимания природы и последствий одностороннего волеизъявления такой пересмотр рискует воспроизвести в новом кодексе пробелы действующего.
Потребность в такой работе обозначена и в документах государственной правовой политики. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года называет стабильность гражданского законодательства приоритетным направлением развития этой отрасли, ориентирует на восприятие лучших образцов зарубежного и международного частного права с учетом особенностей казахстанской правовой системы и прямо признает целесообразным предусмотреть в Гражданском кодексе положения о решениях собраний и коллегиальных органов управления юридических лиц как самостоятельных основаниях возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей.[2]
Волеизъявление занимает центральное место в структуре гражданских правоотношений. Именно в нем внутренняя воля субъекта, направленная на установление правовых связей, становится доступной для других лиц и фиксируется так, что с этого момента может порождать правовые последствия и для самого изъявителя и для третьих лиц.
Особое значение волеизъявление приобретает в структуре гражданско-правовой сделки. Являясь одновременно одним из условий ее действительности, волеизъявление выступает фундаментом юридического факта как основания возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений. Без волеизъявления сделки не может быть вовсе, а если волеизъявление содержит пороки, сделка может быть признана недействительной с устранением ее правового эффекта. Если договор строится на согласовании волеизъявлений, то одностороннее волеизъявление порождает правовой эффект волей одного лица, нередко вторгаясь в правовую сферу другого, не выражавшего на то своего согласия. Именно поэтому такие вопросы о юридических последствиях одностороннего волеизъявления, как 1) когда наступает его правовой эффект, 2) может ли быть поставлено под условие, 3) может ли быть отменено, 4) какие общие правила о сделках к нему применимы - вызывают научный и практический интерес.
Еще большую актуальность односторонние волеизъявления приобретают в контексте неудачно сконструированных норм казахстанского гражданского законодательства, регламентирующих понятие гражданско-правовой сделки и ее разновидностей. Гражданский кодекс Республики Казахстан[3] (далее - ГК РК) раскрывает понятие сделки через действия, что некорректно по ряду причин, подробно рассмотренных в настоящем исследовании. Такое определение отражается не только на толковании положений о смежных институтах и разновидностях сделки, но и на практике: в одних случаях сделками признаются фактические действия при отсутствии воли на правовой эффект, в других - сделочный характер волеизъявлений не признается вовсе.
Так, правоприменительные органы, с одной стороны, презюмируют принятие наследства при продолжении проживания наследника в доме наследодателя, указывая на фактическое вступление во владение наследственным имуществом и упуская необходимость установления воли на принятие наследства. При этом нотариусы отказывают таким лицам в совершении нотариального действия по заявленным отказам от наследства,[4] а суды по искам кредиторов обращают взыскание на имущество наследника как на правопреемника.[5] С другой стороны, совершенно игнорируется сделочный характер ряда односторонних волеизъявлений (акта голосования, заявления о зачете, завладения бесхозяйной вещью и пр.).
В научной литературе волеизъявление чаще упоминается наряду с волей, а основания недействительности сделок обобщаются как «пороки воли и волеизъявления». При этом встает вопрос о первичности и приоритете одного из них при установлении порока: будет ли признана недействительной сделка, содержащая порок воли, если волеизъявление беспорочно, и наоборот? Ответ на этот вопрос имеет значение не только для субъекта волеизъявления, но и для третьих лиц, на правовое положение которых волеизъявление влияет. Не исследован и вопрос о том, одинаково ли он решается для волеизъявлений, обращенных к адресату, и для волеизъявлений, которые ничьего восприятия не требуют, например для завещания.
Еще одной проблемой является отсутствие четких критериев, позволяющих разграничивать односторонние волеизъявления и сделкоподобные сообщения. Такое разграничение важно для определения возможности применения общих положений о сделке к различным волеизъявлениям. Деление сделок в законе лишь на односторонние сделки и договоры не позволяет точно определить и место решений собраний, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение для их оспаривания. Не определены и границы между односторонней сделкой и договором. Так, действующая редакция ст. 373 ГК РК подталкивает к отнесению прощения долга к односторонним сделкам, хотя по своей природе оно является соглашением, а вопрос о применении к оферте и акцепту общих положений о сделках как к самостоятельным волеизъявлениям законом прямо не решен.
Не менее острыми являются пробелы позитивного регулирования. В ГК РК нет общего правила о моменте, с которого адресованное волеизъявление вступает в силу, а правило п. 2 ст. 176 ГК РК о заявлениях и извещениях, сданных в учреждение связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, построено на противоположной логике и переносит риск задержки на получателя. Неопределенность проявляется и за пределами внутреннего оборота. Так, коллизионная норма ст. 1116 ГК РК подчиняет обязательства из односторонних сделок праву места их совершения и предписывает определять это место по праву Республики Казахстан, однако ни общие положения о сделках, ни иные нормы ГК РК не указывают, где односторонняя сделка считается совершенной. Отсутствие общего правила о моменте вступления адресованного волеизъявления в силу имеет и практическое значение. Как показывает казахстанская судебная практика, сторона, располагающая правом на внесудебный отказ от договора, при возврате уведомления по истечении срока хранения вынуждена добиваться

расторжения договора в судебном порядке.
Сама по себе категория сделки носит обобщающий характер, и ее корни уходят в германскую традицию пандектистов. Казахстанское законодательство переняло эту традицию, одновременно закрепив отсылку к общим положениям о договорах (п. 2 ст. 149 ГК РК), характерную для правопорядков, не знающих пандектной общей части. Соотношение этих двух массивов норм в доктрине не прояснено. Общие правила о форме и недействительности сделок сформулированы с оглядкой на договор и при перенесении на одностороннее волеизъявление нередко дают сбой. Так, по общему правилу п. 1 ст. 158 ГК РК сделка, не соответствующая требованиям законодательства, оспорима, а значит, односторонняя сделка, вторгшаяся в правовую сферу адресата без правового основания, сохраняла бы силу до признания ее недействительной судом. Это правило является общим для всех сделок, однако для односторонней сделки его последствия острее ибо адресат не участвовал в ее совершении и в отличие от контрагента, который может не заключать договор, лишен возможности уклониться от нее.
Положения п. 1 ст. 149 ГК РК, ограничивающие свободу односторонних сделок, буквально регулируют лишь создание обязанностей для других лиц, тогда как односторонние сделки способны также прекращать, изменять или блокировать права адресата. Не решен и вопрос о том, как защитить адресата интервентной сделки, который знает о ее пороке (отсутствии согласия третьего лица или полномочий, ошибке изъявителя воли, обмане или угрозе со стороны третьего лица), но не знает, будет ли она оспорена.
Нет в ГК РК и правил о допустимости условий в односторонних сделках и ст. 150 ГК РК о сделках, совершенных под условием, рассчитана на договор, указывая на условия, установленные «сторонами». Особенно остро этот вопрос отражается применительно к завещанию. В судебной практике встречаются дела, по которым завещания признавались недействительными ввиду ненаступления включенного в них условия, касающегося характера поведения наследника по отношению к завещателю.[6]
Наконец, в ГК РК отсутствуют общие нормы о согласии на совершение сделки и правила об отзыве односторонних волеизъявлений. Судебная и нотариальная практика восполняет эти пробелы ситуативно и непоследовательно. Так, вопрос о том, вправе ли супруг отозвать нотариальное согласие на распоряжение общим имуществом до совершения сделки, на практике разрешается отрицательно. При это правоприменитель не исследует данный вопрос по существу.[7] Известно, что договор может быть расторгнут по соглашению сторон в любое время, в том числе с ретроспективными последствиями. Но может ли это правило иметь зеркальный эффект для односторонних сделок? И если закон прямо допускает отмену отдельных односторонних сделок (доверенности, завещания), означает ли это запрет отмены иных волеизъявлений (например, отзыва согласия супруга на распоряжение общим имуществом)?
В настоящем диссертационном исследовании автором предпринята попытка комплексного доктринального анализа института односторонних волеизъявлений с выработкой критериев, позволяющих ответить на поставленные вопросы применительно к казахстанскому праву, и предложений по совершенствованию ГК РК.
Тема диссертационного исследования актуальна также и ввиду соответствия приоритетному направлению развития науки «Интеллектуальный потенциал страны», включенному в перечень приоритетных направлений Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках конкурса программно-целевого финансирования научных программ на 2026-2028 годы.[8] Кроме того односторонние волеизъявления составляют повседневную часть гражданского оборота, что определяет социальное значение темы.
Цель и задачи диссертационного исследования.
Цель диссертационного исследования состоит в определении юридической природы и последствий односторонних волеизъявлений, в установлении пределов применения к ним общих положений о сделках и о договорах и в выработке критериев, позволяющих разрешать вопросы о моменте наступления их правового эффекта, допустимости условий и возможности отмены, с формулированием предложений по совершенствованию гражданского законодательства Республики Казахстан.
Реализация указанной цели осуществляется через решение следующих задач:
1) определить понятие, юридическую природу одностороннего волеизъявления;
2) исследовать соотношение воли и волеизъявления как элементов состава сделки;
3) осуществить разграничение односторонних волеизъявлений со схожими конструкциями;
4) установить практическое значение деления односторонних волеизъявлений на рецептивные и нерецептивные, интервентные и неинтервентные;
5) определить модель правового режима односторонних сделок по гражданскому законодательству Республики Казахстан, а также пределы и последствия применения к ним общих положений о сделках и о договорах;
6) определить пределы допустимости и последствия постановки правового эффекта одностороннего волеизъявления под условие;
7) определить критерии допустимости отмены одностороннего волеизъявления;
8) сформулировать предложения по совершенствованию ГК РК.
Объект и предмет диссертационного исследования.
Объектом настоящего диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе совершения односторонних волеизъявлений.
Предметом диссертационного исследования являются нормы гражданского законодательства Республики Казахстан и иностранных правопорядков, регулирующие односторонние волеизъявления, практика их применения, а также доктринальные подходы к односторонним волеизъявлениям.
Пределы исследования.
В наименовании и тексте работы используется понятие «одностороннее волеизъявление», тогда как ГК РК оперирует понятием «односторонняя сделка» (ст. 148, 149). Эти понятия не всегда совпадают и их совместное рассмотрение требует пояснения. Определение «одностороннее» не предполагает существования многосторонних волеизъявлений так как всякое волеизъявление исходит от одной стороны, которую могут составлять и несколько лиц, а из нескольких волеизъявлений складывается уже сделка - договор или решение собрания. Оно указывает на то, что волеизъявление рассматривается как акт одной стороны, который либо сам образует сделку, либо входит в состав договора или решения собрания. Односторонняя сделка состоит из единственного волеизъявления, поэтому ее правовой режим есть режим этого волеизъявления. Вопросы о моменте наступления эффекта, толковании, пороках воли, условии и отзыве решаются для односторонней сделки так же, как для образующего ее волеизъявления. Вместе с тем одностороннее волеизъявление может и не быть сделкой. Оферта, акцепт и голос участника собрания входят в фактический состав договора или решения собрания, а сделкоподобное сообщение лишь внешне сходно с волеизъявлением. Определить режим таких актов можно только через их сопоставление с односторонней сделкой, которая выступает здесь исходной и наиболее простой моделью. Поэтому односторонняя сделка образует ядро исследования, а иные односторонние волеизъявления и смежные с ними акты рассматриваются ГБЮА в той мере, в какой это необходимо для установления ее границ и для проверки сделанных выводов.

Исследование ограничено общими положениями гражданского права. За его пределами остаются: 1) односторонние акты публично-правового и процессуального характера; 2) специальные режимы отдельных поименованных односторонних сделок (доверенности, завещания, гарантии, ценных бумаг), которые исследуются лишь как материал для проверки общих выводов; 3) порядок заключения договора и принятия решения собрания как таковые, а оферта, акцепт и голос участника рассматриваются только с точки зрения их квалификации и применимости к ним общих положений о сделках; 4) коллизионное регулирование, за исключением вопроса о месте совершения односторонней сделки. Вопросы наследственного и корпоративного права, а также права интеллектуальной собственности затрагиваются постольку, поскольку в них проявляются особенности односторонних волеизъявлений.

Сравнительно-правовой анализ неодинаков по глубине. Основу сравнительно-правового анализа составляют германское, австрийское, швейцарское, нидерландское и российское право, так как именно данные правопорядки содержат наиболее полное регулирование односторонних волеизъявлений, в связи с чем представляют интерес для целей настоящего исследования. Французское и итальянское право исследуется по вопросам, в которых кодексы, построенные на институциональной модели, дают самостоятельные решения, а испанское и английское право рассматриваются лишь по отдельным релевантным вопросам, в частности, по свободе совершения односторонних сделок, моменту вступления уведомления в силу, условности и отзыву уведомлений. Казахстанская судебная практика исследована на основании целевой выборки, порядок формирования которой описан ниже. Выводы по судебной практике относятся лишь к изученным актам и не претендуют на статистическую репрезентативность.

Теоретическая основа исследования.

Теоретическую основу исследования составили труды, которые по предмету и позициям авторов можно объединить в несколько групп.

Первую группу образуют работы, посвященные общему учению о сделке и волеизъявлении. Становление этих понятий в германской пандектистике исследовано А.В. Томсиновой[9] и Н.В. Резановым,[10] а также в историко-критическом комментарии к Германскому гражданскому уложению.[11] В работе учтены также труды Г.А. Гайзе,[12] А. Тибо,[13] Ф.К. фон Савиньи,[14] Б. Виндшайда,[15] Э. Беккера[16] и К. Крома.[17] Учение о сделке было воспринято дореволюционной российской наукой (И.А. Покровский,[18] В.М. Хвостов[19]), и особое влияние на настоящее исследование оказала работа Д.Д. Гримма « Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права».[20] В ряде случаев в литературе утвердился взгляд, согласно которому сделку от иных правомерных действий отличает направленность воли на правовой эффект (М.М. Агарков),[21] а германская доктрина (W. Flume,[22] K. Larenz и M. Wolf,[23] J. Neuner,[24] A. Stadler[25]) определяет сделку через волеизъявление. Определение сделки через действие, закрепленное в ст. 147 ГК РК и ст. 153 ГК РФ, критикуется в российской доктрине: А.Г. Карапетов указывает, что сделка может выражаться и в бездействии, а потому не может быть сведена к действию.[26] Разъяснение высшей судебной инстанции, определившей сделку как волеизъявление, анализировал А.В. Егоров.[27]

Вторую группу составляют исследования воли и волеизъявления. Психологические и философские аспекты воли, намерения и их выражения раскрыты В.А. Ойгензихтом,[28] рассматривавшим формирование воли как процесс от мотивации к намерению, а также в аналитической философии права, исследующей юридический язык и речевые акты (В.В. Оглезнев и В.А. Суровцев,[29] В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев и А.Б. Дидикин,[30] С. Гемпшир и Г.Л.А. Харт,[31] L. Zaibert и B. Smith[32]). В цивилистической литературе воля и волеизъявление рассматриваются как элементы состава сделки, а саму сделку нередко отождествляют с волеизъявлением (А.А. Панов,[33] Л.Л. Чантурия,[34] И.П. Политова,[35] В.Н. Уруков[36]). М.В. Кротов отделяет внутреннюю волю от ее доведения до сведения других лиц,[37] а Ю.В. Холоденко рассматривает волю и волеизъявление как две стороны одного процесса психического отношения лица к совершаемому им действию.[38] Расхождение этих позиций во многом терминологическое. Германская доктрина включает в понятие волеизъявления (Willenserklärung) как объективный (внешний), так и субъективный (внутренний) состав, в котором различают волю к действию, сознание изъявления и волю, направленную на определенное правовое последствие,[39] тогда как в русскоязычной литературе волеизъявлением обычно называют лишь внешнее выражение воли, а внутреннюю его сторону обозначают как волю. В настоящей работе оба термина используются во втором значении. Значение каузы для соотношения воли и ее выражения в каузальных и абстрактных сделках рассматривали К.А. Новиков,[40] Н.М. Ровнягина[41] и И.Я. Полуяхтов.[42] Вопрос о приоритете воли или изъявления при их расхождении решается в рамках конкурирующих теорий, проанализированных W. Flume,[43] K. Larenz и M. Wolf,[44] П.А. Варулом и Л.Я. Халликом.[45]

Третью группу образуют работы, в которых односторонние сделки исследуются как самостоятельный институт. Как резюмирует позицию С.С. Алексеева Н.В. Резанов, сфера односторонних сделок четко определена законодателем, и их совершение возможно лишь при наличии специального правового основания.[46] Сам Н.В. Резанов в цикле статей исследовал общие принципы правового регулирования односторонних сделок, их классификации, свободу совершения и возможность включения в них условий и показал, что принцип свободы к односторонним сделкам в полной мере не применяется.[47] А. Акужинов посвятил специальную работу делению сделок на требующие и не требующие восприятия и показал, что от него зависит решение споров о моменте прекращения права при отказе от него и о своевременности юридически значимого сообщения.[48] Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева разграничили односторонние и многосторонние сделки,[49] Е.А. Суханов сопоставил виды сделок в германском и российском праве,[50] А.В. Егоров исследовал распорядительные сделки.[51] Систематизированное изложение доктрины и практики по этим вопросам представлено в томах серии комментариев #Глосса под редакцией А.Г. Карапетова «Общие положения о сделке»[52] и «Недействительность сделки».[53] В европейской литературе односторонней сделке как таковой посвящена монография нидерландского автора C. Spierings.[54]

Четвертую группу составляют работы о разграничении односторонних сделок и смежных конструкций. Природа сделкоподобных действий и юридически значимых сообщений исследована Д.Р. Мамбетовым,[55] Д. Шаляевым[56] и Э.А. Евстигнеевым,[57] причем их позиции расходятся: Э.А. Евстигнеев рассматривает юридически значимые сообщения как самостоятельную категорию, к которой правила о сделках применяются с учетом ее природы, Д. Шаляев раскрывает практическое значение выделения сделкоподобных действий, тогда как Д.Р. Мамбетов, признавая применение к ним норм о сделках лишь по аналогии закона, ставит под сомнение целесообразность самостоятельного выделения этой категории. Концептуальные подходы к соотношению юридически значимого сообщения и сделки, а также природа оферты рассмотрены Ю.С. Поваровым.[58] Наиболее дискуссионной остается природа решений собраний. Нормативная теория, рассматривавшая их как локальные нормативные акты юридического лица, утратила актуальность;[59] сторонники волеобразовательной концепции (Д.В. Ломакин,[60] В.А. Белов[61]) считают решения скорее сделкоподобными действиями, поскольку они образуют волю, а не сообщают ее. Авторы, признающие сделочную природу решений, видят в решении договор (И.С. Чупрунов),[62] многостороннюю сделку (Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева,[63] А.А. Громов и А.В. Егоров[64]) или сделку, односторонний характер которой определяется сонаправленностью волеизъявлений голосующих (Д.В. Новак).[65] К.И. Труханов предложил единый подход к квалификации решений различных собраний как сделок,[66] Н.А. Павлов обобщил практику применения к ним правил о недействительности сделок.[67]

Пятую группу образуют работы о недействительности, условиях и отмене сделок. Основания и последствия недействительности сделок, применимые и к односторонним волеизъявлениям, разработаны в комментариях Д.О. Тузова,[68] А.А. Павлова,[69] А.А. Новицкой,[70] А.Г.

Карапетова и И.С. Чупрунова.[71] Допустимость условий в односторонних сделках исследована Н.В. Резановым,[72] условные завещания - М.С. Абраменковым.[73] Отзывность согласия на совершение сделки А.А. Громов решает дифференцированно: согласие без указания срока, по его мнению, отзывно, а согласие с указанным сроком по аналогии с офертой следует считать безотзывным, если отзывность не оговорена в нем и не вытекает из его существа.[74]

Сравнительно-правовую основу исследования составила учебная и комментаторская литература германского,[75] австрийского,[76] швейцарского,[77] нидерландского,[78] французского,[79] итальянского и испанского права,[80] а также комментарии к Модельным правилам европейского частного права, Принципам европейского договорного права и Принципам УНИДРУА.[81]

В казахстанской доктрине проблемы односторонних волеизъявлений самостоятельного исследования не получили, хотя отдельные их аспекты затрагиваются в учебной и комментаторской литературе. В постатейных комментариях к ГК РК под редакцией М.К. Сулейменова и Ю.Г. Басина[82] и в учебниках гражданского права под редакцией М.К. Сулейменова и Ю.Г. Басина[83] и А.Г. Диденко[84] односторонние сделки рассматриваются в рамках общего учения о гражданско-правовых сделках. Отдельные вопросы затрагиваются и в работах по смежной проблематике. Н.А. Шайкенов исследовал правовое обеспечение интересов личности,[85] Н.С. Ешниязов обратил внимание на неопределенность места совершения односторонней сделки для целей международного частного права,[86] А.К. Калдыбаев в работах по корпоративному праву рассматривал сделочную природу решений общего собрания участников товарищества и адресата требования кредитора о выкупе доли.[87] Позиции по вопросам природы сделки, решений собраний, толкования и отдельных видов односторонних сделок высказаны также Ю.Г. Басиным,[88] М.К. Сулейменовым,[89] С.И. Климкиным,[90] Р. Карагаевым,[91] А.Г. Диденко,[92] С.В. Скрябиным[93] и Д.А. Братусем;[94] они рассматриваются в соответствующих разделах работы. Предшествующие результаты настоящего исследования отражены в публикациях автора, указанных в разделе об апробации.

Вместе с тем названные работы не решают задач, поставленных в настоящем исследовании. Во-первых, наиболее полные исследования односторонних сделок (Н.В. Резанов,[95] А. Акужинов,[96] Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева,[97] комментарии серии #Глосса[98]) выполнены на материале российского права, которое, в отличие от казахстанского, содержит общее правило о юридически значимых сообщениях (ст. 165.1 ГК РФ), специальные нормы о согласии на совершение сделки (ст. 157.1 ГК РФ) и о решениях собраний (гл. 9.1 ГК РФ). Их выводы не могут быть перенесены на ГК РК без учета пробелов казахстанского регулирования и отсылки п. 2 ст. 149 ГК РК к общим положениям о договорах. Во-вторых, классификационные признаки рецептивности и интервентности исследуются в этих работах преимущественно применительно к отдельным вопросам - моменту наступления правового эффекта и своевременности сообщения (А. Акужинов), свободе совершения и допустимости условий (Н.В. Резанов). Их сквозное применение ко всем вопросам режима односторонних волеизъявлений, включая соотношение воли и волеизъявления, форму, недействительность и отзыв, применительно к казахстанскому праву не предпринималось. В-третьих, исследования воли и волеизъявления рассматривают их соотношение применительно к сделке в целом, не выясняя, как казахстанский закон в действительности разрешает расхождение воли и волеизъявления и влияет ли рецептивность одностороннего волеизъявления на его толкование. В-четвертых, работы о сделкоподобных действиях и решениях собраний ориентированы на российское регулирование, тогда как в казахстанском праве критерии такого разграничения и режим решений собраний законом не определены. Наконец, казахстанская доктрина затрагивает односторонние волеизъявления лишь фрагментарно в учебниках и комментариях к ГК РК в рамках общего учения о сделках, а в специальных работах - в связи с отдельными институтами международного частного и корпоративного права. Восполнение этих пробелов и составляет научную новизну настоящего исследования.

Нормативной основой исследования явилось действующее гражданское законодательство Республики Казахстан (ГК РК, Кодекс «О браке (супружестве) и семье», законы «О нотариате», «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», «Об акционерных обществах», Патентный закон, Закон «Об авторском праве и смежных правах» и др.), а также гражданские кодексы Германии, Австрии, Швейцарии, Нидерландов, Франции, Италии, Российской Федерации и Украины и наднациональные своды частного права.

Эмпирической базой исследования явилась судебная и нотариальная практика Республики Казахстан: нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан, судебные акты, размещенные в открытом доступе в информационной системе «ОпенСуд» (BestProfi), в информационно-правовых системах «Параграф» и «Судебный кабинет» за 2009-2026 гг., рекомендации Республиканской нотариальной палаты. Тексты нормативных правовых актов Республики Казахстан сверялись по банку «Әділет».

Методология исследования. Исследование проведено с использованием следующих методов, применение которых определялось задачами отдельных разделов работы.

Формально-юридический (догматический) метод использован для анализа и толкования норм ГК РК и иных законодательных актов: установления содержания понятий сделки, волеизъявления, сделкоподобного сообщения, согласия, условия, отзыва и для выявления пробелов и противоречий в регулировании. В его рамках применялись грамматическое, систематическое и телеологическое толкование, в том числе прием телеологической редукции (ограничительного толкования нормы в соответствии с ее целью), посредством которого определялись пределы применения к односторонним сделкам общих правил о форме, недействительности и условиях, сформулированных с оглядкой на договор. Применение данного метода позволило установить, что общие правила о форме, недействительности и условиях сделок сформулированы с расчетом на договор, и определены пределы их адаптации к односторонним сделкам.

Сравнительно-правовой метод в его функциональной разновидности использован для сопоставления решений, которые различные правопорядки дают одним и тем же вопросам (момент наступления эффекта рецептивного волеизъявления, допустимость условий, отзыв, недействительность), независимо от различий в законодательной технике. Сравнение охватывало германское, российское, австрийское, швейцарское, нидерландское, французское, итальянское, испанское, английское и украинское право, а также наднациональные своды. Выбор правопорядков определялся задачами исследования. Германское право представляет собой правопорядок, в котором сложилось пандектное учение о сделке и наиболее развиты правила об односторонних волеизъявлениях. Австрийское и швейцарское право ценны тем, что демонстрируют иные решения тех же вопросов в пределах одной правовой семьи. Нидерландский гражданский кодекс как новейшая из рассмотренных кодификаций содержит общие правила об односторонних сделках, в том числе о моменте их вступления в силу и о защите доверия адресата. Российское право, имеющее общее с казахстанским происхождение, в 2013-2015 гг. восполнило пробелы, которые сохраняются в ГК РК, и потому позволяет оценить, какие его решения могут быть восприняты. Французское и итальянское право показывают, как решаются те же вопросы в кодексах, построенных на институциональной модели. Испанское и английское право привлекались по отдельным вопросам (свобода совершения односторонних сделок, момент вступления уведомления в силу, условность и отзыв уведомлений) как примеры правопорядков, не знающих общей категории сделки. Сравнительный анализ по указанным правопорядкам позволил установить, следующее:

1) ни в одном из рассмотренных правопорядков не допускается прощения долга помимо воли должника;

2) правило о доставке с отнесением на адресата риска неполучения по зависящим от него обстоятельствам является общим для германского,

нидерландского и российского права;
3) механизмы защиты адресата односторонней сделки при отсутствии согласия, полномочий и при пороках воли закреплены в германском праве и могут служить ориентиром для адаптации казахстанского законодательства, а также обосновать решения об условиях и об отзыве согласия.
Историко-правовой метод применен для анализа становления учения о сделке и волеизъявлении в трудах пандектистов и эволюции доктринальных подходов, в частности к условным односторонним сделкам в германском праве. Он позволил показать, что общие положения о сделках сложились как обобщение решений, выработанных для договора и этим объясняется необходимость их адаптации к односторонним волеизъявлениям.
Метод анализа судебной практики использован для проверки того, как рассматриваемые вопросы фактически решаются казахстанскими судами. Для целей исследования отбирались судебные акты, в которых квалификация одностороннего волеизъявления влияла на исход спора, а анализу подвергалась их мотивировочная часть. Эмпирическую базу составили 33 судебных акта казахстанских судов за 2009-2026 гг. (12 актов судов первой инстанции, 18 - апелляционной, 2 - кассационной инстанции и 1 - Верховного Суда Республики Казахстан) и 5 нормативных постановлений Верховного Суда. Для сравнения исследованы 7 актов российских судов и 1 акт нидерландского суда. Выборка является целевой, а не сплошной. Акты отбирались в доступных информационных системах и Банке судебных актов Судебного кабинета по запросам, описывающим правовую ситуацию. Из полученных результатов включались те акты, в мотивировочной части которых квалификация одностороннего волеизъявления или сообщения повлияла на исход спора. Отдельно изучены дела об условных завещаниях и за 2009-2026 гг. было выявлено 11 таких дел. Количественные оценки практики приводятся в работе лишь там, где они проверены. Так, по состоянию на 11 ноября 2026 г. поиск по точному тексту п. 2 ст. 149 ГК РК выявил в системе «ОпенСуд» 105 дел, а в 17 из 20 последних по дате актов суд ограничился воспроизведением нормы и лишь в трех назвал применяемые положения об обязательствах или договорах (подробнее в подразделе 3.1.4).
Классификационный метод применен при разработке и проверке делений односторонних волеизъявлений по признакам рецептивности и интервентности.
Метод правового моделирования использовался при формулировании предложений de lege ferenda в виде проектов норм. Наряду с ними использовались общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования и обобщения. Классификационный метод позволил проверить, что признаки рецептивности и интервентности дают сквозные критерии для всех вопросов правового режима, а метод правового моделирования позволил сформулировать проекты норм, приведенные в заключении.
В исследовании в качестве вспомогательного технического средства использовались инструменты генеративного искусственного интеллекта - языковые модели семейства Claude (разработчик - Anthropic, PBC), в том числе Claude Opus 5.5 (идентификатор версии claude-opus-5-5), в средах Claude Code и настольного приложения Claude для macOS. Инструменты применялись в августе - октябре 2026 г. Инструменты искусственного интеллекта не рассматриваются автором как самостоятельный метод познания и не являются источником сведений, на которые в работе делаются ссылки. Их использование раскрывается в соответствии с принципами прозрачности, ответственности и подконтрольности, закрепленными законодательством Республики Казахстан об искусственном интеллекте.[99]
Инструменты искусственного интеллекта использовались в следующих целях:
1) поиска источников, в том числе судебной практики, в частности поиска судебных актов в доступных информационно-правовых системах и Банке судебных актов Судебного кабинета;
2) перевода фрагментов иностранных источников и уточнения перевода;
3) исправления опечаток, выявления внутренних противоречий текста и проверки корректности грамматики, пунктуации и орфографии.
Тема, постановка проблемы, структура работы, выбор подлежащих анализу вопросов, оценка источников, анализ, выводы и положения, выносимые на защиту, выполнены автором самостоятельно. Каждый результат, полученный с использованием искусственного интеллекта, рассматривался автором как требующий проверки. Цитируемые нормы, судебные акты и позиции доктрины сверялись с первоисточниками. 89
Произведения, созданные с использованием систем искусственного интеллекта, охраняются авторским правом лишь при наличии творческого вклада человека, а автором произведения может быть только физическое лицо, творческим трудом которого оно создано,[100] соответственно, ответственность за содержание диссертации, достоверность приведенных сведений и корректность заимствований несет автор. При работе использовались только общедоступные источники и литература, находящаяся в правомерном распоряжении автора, персональные данные, помимо содержащихся в опубликованных судебных актах, не обрабатывались.
Научная новизна исследования. Новизна исследования состоит в том, что признаки рецептивности и интервентности, которые доктрина (А. Акужинов,[101] Н.В. Резанов,[102] А.Г. Карапетов[103]) применяла к отдельным вопросам (моменту наступления эффекта и своевременности сообщения, свободе совершения и допустимости условий), положены в основу целостной модели правового режима одностороннего волеизъявления, позволяющей по единым критериям решать вопросы о его толковании, моменте и месте совершения, форме, недействительности, допустимости условий и отзыве. Эта модель не связана с особенностями одного кодекса и выработана на сравнительном материале. Применительно к казахстанскому праву новизна состоит в том, что впервые описана модель правового режима односторонних сделок по ГК РК, выявлены пробелы, которые не могут быть восполнены простым переносом иностранных решений, но на их основе сформулированы предложения по совершенствованию казахстанского гражданского законодательства.
При этом необходимо разграничить то, что воспринято из доктрины, и то, что составляет собственный результат исследования. Сами классификационные критерии деления волеизъявлений на требующие и не требующие восприятия выработаны германской пандектистикой и в русскоязычной литературе специально исследованы А. Акужиновым, а деление односторонних сделок на интервентные и неинтервентные предложено Н.В. Резановым и развито А.Г. Карапетовым. Собственный вклад автора состоит в следующем: 1) названные критерии впервые применены сквозным образом ко всем вопросам режима одностороннего волеизъявления и проверены на казахстанском законодательстве и судебной практике; 2) обоснована комбинированная модель регулирования односторонних сделок по ГК РК, основанная на п. 2 ст. 149, и показано, что закрытый перечень оснований (п. 2 ст. 148, п. 1 ст. 149) действует лишь для интервентных сделок, тогда как ст. 7 ГК РК допускает непоименованные неинтервентные сделки; 3) решены вопросы о месте совершения односторонней сделки для целей ст. 1116 ГК РК и о соотношении принципа доставки с п. 2 ст. 176 ГК РК; 4) дана квалификация юридически значимых сообщений по казахстанскому законодательству, в том числе корпоративных извещений по Закону о товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью; 5) на казахстанском материале исследованы согласие супруга и его отзыв, условное завещание и прощение долга; 6) сформулированы предложения об изменении ГК РК.
Новизна отражается также в положениях, выносимых на защиту:
1) определение сделки через действие не учитывает способов выражения воли. Волеизъявление может состоять в действии, бездействии,

молчании. Если же последствия поведения возникают в силу закона независимо от направленности воли, такое поведение сделкой не является. Поэтому сделку следует определять как волеизъявление или совокупность волеизъявлений, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Такое определение является общим, так как односторонняя сделка состоит из одного волеизъявления, договор - из совпадающих волеизъявлений сторон, решение собрания - из волеизъявлений участников гражданско-правового сообщества, которые отвечают совокупности признаков: они относятся к общему для участников вопросу, однонаправленны и адресуются не друг другу, а лицу, ведущему собрание, складываются в единое решение по правилу большинства в установленной процедуре, а принятое решение связывает и тех участников, которые голосовали против или не голосовали. Этим решение собрания отличается от параллельных волеизъявлений нескольких лиц, каждое из которых порождает собственный правовой результат.

2) односторонняя сделка отграничивается от смежных конструкций не по наименованию акта, а по совокупности признаков. Односторонней сделкой является волеизъявление, которое: а) направлено БЮА на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; б) порождает правовой эффект в силу этой направленности воли и в определяемом ею содержании; в) само по себе достаточно для наступления этого эффекта; г) исходит от одной стороны, которую могут составлять и несколько лиц. Сделкоподобное сообщение отличается от нее по первым двум признакам: а) оно является волевым актом и внешне сходно с волеизъявлением, но б) его содержание составляет сообщение о факте или намерении, а правовое последствие заранее определено законом, принципом добросовестности или условиями ранее совершенной сделки и наступает независимо от того, направлена ли на него воля отправителя. Поэтому нормы о сделках применимы к нему по аналогии и лишь избирательно. Оферта, акцепт и голос участника не отвечают третьему признаку и будучи односторонними волеизъявлениями, они сами по себе не вызывают того результата, на который направлены, и входят в фактический состав договора или решения собрания, не являясь самостоятельными сделками. По четвертому признаку односторонняя сделка отличается от договора и если для наступления эффекта необходима и воля адресата, сделка является договором, как это имеет место при прощении долга. Решение собрания, обладающее признаками, названными в положении 1, составляет особый вид сделки, не сводимый ни к односторонней сделке, ни к договору. От результата разграничения зависит, какие нормы о форме, недействительности и сроках подлежат применению;

3) рецептивным является одностороннее волеизъявление, отвечающее совокупности признаков: а) оно обращено к определенному лицу или лицам (адресату); б) для вступления в силу оно должно быть доставлено адресату, то есть поступить в сферу его контроля так, чтобы он имел возможность с ним ознакомиться, тогда как фактического ознакомления не требуется; в) до доставки оно правового эффекта не порождает. Нерецептивное волеизъявление в доставке не нуждается. Для его совершения достаточно объективного выражения воли вовне, а правовой эффект наступает независимо от осведомленности лиц, чьи права оно затрагивает (завещание, публичное обещание награды, отказ от права собственности). Рецептивность служит основанием для решения вопросов о моменте правового эффекта, риске недоставки, отзыве, толковании и месте совершения сделки. Для рецептивного волеизъявления решающей является доставка адресату и риск неполучения по обстоятельствам, зависящим от него самого, должен нести адресат. Местом совершения рецептивной сделки следует признавать место доведения волеизъявления до адресата. Для нерецептивной сделки таким местом является место выражения воли;

4) если правопорядок воспринял пандектное понятие сделки и наряду с этим отсылает к договорным нормам, регулирование односторонних сделок приобретает комбинированный характер. Его конкретное содержание определяется интервентностью, то есть воздействием на правовую сферу адресата помимо его воли. Интервентной является односторонняя сделка, отвечающая совокупности следующих признаков: а) ее правовой эффект наступает для определенного лица, не участвующего в ее совершении; б) этот эффект состоит в лишении такого лица прав, возложении на него обязанностей, изменении или прекращении правоотношения с его участием либо в ином изменении его правового положения; в) он наступает помимо воли этого лица, причем решающей является не желательность эффекта для адресата, а возможность навязать его без согласия. Неинтервентная сделка ограничивает права самого изъявителя либо предоставляет другим лицам правовые возможности, воспользоваться которыми или нет они решают сами. Вторжение в чужую правовую сферу допустимо при наличии секундарного права, без него интервентная сделка не порождает правовых последствий. Общие правила о форме и недействительности, выработанные путем обобщения договорных решений, нуждаются в адаптации, общим началом которой служит защита адресата интервентной сделки от навязанной ему правовой неопределенности. Интервентность оценивается применительно к конкретному лицу и не совпадает с рецептивностью. Рецептивность характеризует способ вступления волеизъявления в силу, а интервентность - его действие на чужую правовую сферу. Поэтому рецептивная сделка может быть как интервентной (отказ от договора, зачет), так и неинтервентной (выдача доверенности);

5) вопрос об условии нельзя решать одинаково для всех односторонних сделок. В неинтервентную сделку допускается включить любое условие, если закон или существо сделки не устанавливают исключения. Для интервентных сделок исходным является запрет. Отступить от него можно, когда условие заранее согласовано с адресатом, а также когда отлагательное условие находится в сфере информационного контроля адресата. Волеизъявление с недопустимым условием сохраняет силу без этого условия лишь при наличии у разумного адресата оснований предполагать, что изъявитель совершил бы сделку и без него;

6) отзыв одностороннего волеизъявления при отсутствии специального регулирования определяется его рецептивностью и интервентностью: до доставки рецептивное волеизъявление отзывно, после доставки интервентное безотзывно, а неинтервентное допускает отмену на будущее, если это вытекает из закона или его существа;

7) на основе сформулированных положений предложены изменения и дополнения в гражданское законодательство Республики Казахстан по вопросам определения понятия сделки, о моменте вступления в силу рецептивного волеизъявления, о пределах и последствиях интервентных сделок, об условиях и отзыве односторонних волеизъявлений, которые могут быть учтены и при разработке нового Гражданского кодекса. Их перечень приведен в заключении.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Отдельные аспекты диссертации могут представлять интерес для дальнейших исследований, посвященных односторонним сделкам или договорам и могут быть использованы при преподавании курсов гражданского, договорного и обязательственного права в рамках программ бакалавриата, магистратуры, докторантуры и программ повышения квалификации юристов-цивилистов.

Диссертация может быть полезна в деятельности судов, нотариусов и других правоприменительных органов при толковании и применении норм об односторонних сделках, а сформулированные предложения - при совершенствовании ГК РК и при разработке нового Гражданского кодекса Республики Казахстан.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы диссертационного исследования прошли апробацию в научных публикациях автора и в коллективном монографическом издании.

Положения о соотношении внутренней воли и внешнего волеизъявления, изложенные в подразделе 1.2 настоящей работы, отражены в отдельной публикации автора.[104]

Выводы об устойчивости правового эффекта одностороннего волеизъявления на случай смерти, совершенного под условием, положенные в основу подраздела 3.2.4, опубликованы автором в отдельной статье.[105]
Прикладные выводы о роли односторонних волеизъявлений при переходе интеллектуальных прав, использованные в подразделах 1.3.1, 2.1, 2.2, 2.3, 3.2 и 3.3, апробированы в коллективной монографии, подготовленной для издательства Wolters Kluwer, где автором подготовлена глава о трансфере интеллектуальных прав, куда вошли и вопросы волеизъявлений как основаниях трансфера таких прав, так и специальный параграф об их наследовании.[106]
Ряд вопросов о пределах применения к односторонним сделкам принципа свободы договора отражен в научной статье, подготовленной в соавторстве.[107]
Структура и объем исследования.
137 Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, разделенных на подпараграфы, заключения и списка использованных источников. Объем диссертации - 217 страниц.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОДНОСТОРОННЕГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ. СООТНОШЕНИЕ СО СХОЖИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

1.1 Понятие и юридическая природа одностороннего волеизъявления

Волеизъявление является ключевым элементом в структуре гражданско-правовой сделки. Ибо именно оно предопределяет сделку не как фактическое действие, исключающее роль воли лица в наступлении правовых последствий, а как процесс сообщения воли как основы и условия правового эффекта сделки. Тем самым любая сделка содержит волеизъявление или их совокупность.
Прежде чем раскрыть понятие одностороннего волеизъявления, следует кратко остановиться на понятии сделки, так как в последующем автор будет исходить из того, что односторонняя сделка совершается посредством одностороннего волеизъявления.
Для этого вначале кратко рассматривается формирование учения о сделке и волеизъявлении, затем место сделки в системе юридических фактов и недостатки ее законодательного определения, после чего формулируется понятие одностороннего волеизъявления.

1.1.1 Формирование учения о сделке и волеизъявлении: исторический аспект

Совершая исторический экскурс в учение о сделке, можно отметить, что в классическом римском праве отсутствуют какие-либо упоминания о сделке. Встречаются отдельные понятия, которые на современном этапе можно «подтянуть» под концепцию сделки, например, понятие «negotium» - ведение дела. Однако этот термин является строго техническим и включает в себя любую юридически значимую деятельность.
Римскому праву не было известно также и понятие волеизъявления в его классическом содержании. Помимо термина «negotium», истоки этих понятий пытались обнаружить и в иных римских терминах - «factum», «gestum», «actum», «voluntas», «contractum». Однако, как отмечает Н.В. Резанов со ссылкой на А. Манигка, преобладает мнение, что ни один из них не имел в источниках строго определенного значения[108].
В римском праве встречаются отдельные проявления того, что в более позднее время развития европейской цивилистической науки будет называться сделкой. Это понятия контрактов, пактов, завещаний, легатов, фидеикомиссов, то есть конкретные волеизъявления, взятые в отдельности.
Позднее в результате усилий многих поколений ученых-юристов - глоссаторов, постглоссаторов, схоластов, а затем представителей школы естественного права и, главным образом, пандектистов - зарождается понятие сделки. При этом важно отметить, что сделка как юридико-технический термин - это достояние немецкой цивилистики и пандектного учения. Эта научная теория в итоге вылилась в построение обширного законодательного регулирования вокруг понятия сделки в Германском гражданском уложении.
В начале XIX века А. Тибо, по наблюдению Н.В. Резанова, придал понятию волеизъявления специальное юридическое значение и связал его со сделкой, указав: «права и обязанности должны возникать через что-то, существующее из закона. Как правило, это должно происходить посредством волевых действий, будь то двусторонние (договоры) или односторонние действия... В общей части может излагаться только учение о волевых действиях вообще... Волевые действия, нацеленные на создание правовых отношений, называются правовыми сделками («rechtliche Geschäfte»). Значительной составной частью любой сделки является завершенное волеизъявление».[109] Тем самым А. Тибо «указывает не только на связь сделки и волеизъявления, но и пытается описать те правовые явления, которые охватываются этим термином».[110]
В учении Ф.К. фон Савиньи исходным пунктом выступает воля как внутреннее желание определенных последствий, лежащее в основе всякого свободного действия; поскольку сама по себе воля недоступна восприятию, ей необходим внешний знак, которым и служит изъявление (Erklärung).[111]
Бернхард Виндшайд определял сделку как «волеизъявление частного лица такого содержания, что право должно претерпеть создание, прекращение либо изменение».[112]
По определению Ф.Х. Веринга, сделка - это разрешенное правом волевое действие, имеющее целью изменить существующие правоотношения[113]. Как справедливо отмечает А.В. Томсинова, «данное определение уместно скорее для понятия волеизъявления, но не для сделки»[114].
Отождествление у Савиньи понятий «сделка» и «волеизъявление» было поставлено под сомнение Э. Беккером в ходе критики Проекта ГГУ[115]; его позицию Н.В. Резанов излагает следующим образом: «понятие «волеизъявление» оказывается шире понятия «сделка», поскольку волеизъявление представляет собой единичное действие, а сделка может как состоять из единичного волеизъявления (односторонняя сделка), так и содержать в себе два или более волеизъявления (двух- и многосторонняя сделка)»[116].
В современной германской доктрине эта мысль является господствующей: сделка может состоять из единственного волеизъявления (односторонняя сделка, например заявление о расторжении договора), тогда как договор предполагает совпадающие волеизъявления сторон, и потому отдельное волеизъявление в его составе сделкой не именуется.[117]
Таким образом, контуры учения о юридической сделке начинают складываться в германской науке на рубеже XVIII-XIX веков, а во второй половине XIX века, при подготовке Германского гражданского уложения 1900 года, соответствующий категориальный аппарат окончательно утверждается.[118]
Это учение было воспринято дореволюционной российской цивилистикой и нашло отражение в проекте Гражданского уложения Российской империи,[119] а впоследствии - в гражданских кодексах постсоветских государств[120], в том числе Казахстана.[121] Еще И.А. Покровский отмечал, что «одним из важнейших отделов общей части является всегда отдел о юридических актах или юридических сделках. С одной

стороны, юридические акты служат основным двигателем гражданского правооборота, с другой - в этой области перед законодателем возникает целый ряд очень трудных проблем».[122]
Показательно, что уже в самом Германском гражданском уложении общие правила распределены между двумя категориями. Одни из них сформулированы применительно к сделке (Rechtsgeschäft): таковы правила о недействительности сделки при несоблюдении формы, при нарушении законного запрета и при противоречии добрым нравам, о частичной недействительности и о последствиях оспаривания. Другие - применительно к волеизъявлению (Willenserklärung): правила о недееспособности, о мысленной оговорке, о мнимом и шуточном волеизъявлении, об оспаривании вследствие заблуждения, обмана и угрозы, о моменте вступления волеизъявления в силу и о его толковании.[123] Российская кодификация пошла иным путем. Уже Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. изложил соответствующие нормы как нормы о сделках,[124] и тот же подход воспринят ГК РК: дееспособность, пороки воли и форма рассматриваются в нем как условия действительности сделки (ст. 151-159 ГК РК). Тем самым категория волеизъявления, которую германский законодатель использует как самостоятельный предмет регулирования, в казахстанском законе растворена в понятии сделки. Отсюда и трудности с применением общих положений о сделках к волеизъявлениям, которые сами сделками не являются (оферте, акцепту, голосу участника собрания).
Доктрина романских правопорядков такую абстракцию, как сделка, не ставила в центр частного права, и пространное общее регулирование сделок здесь не укрепилось. Это не значит, что в таких странах, как Франция, это понятие неизвестно. Так, в ходе реформы 2016 года французское право восприняло общее понятие юридического акта. Согласно ст. 1100-1 Французского гражданского кодекса юридические акты представляют собой проявления воли, направленные на порождение правовых последствий, могут быть договорными или односторонними и подчиняются, насколько это уместно, правилам о договорах. Французская доктрина подчеркивает, что для производства правовых последствий воля должна быть выражена вовне.[125] Отличие французского права состоит в том, что вокруг этого понятия не выстраивается общее регулирование сделок: такие вопросы, как форма или недействительность, решаются во Франции на уровне общих правил о договорах, а не правил о сделках.

1.1.2 Сделка в системе юридических фактов и ее законодательное определение

Понятие сделки приведено в ст. 147 ГК РК. Согласно этой статье «сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей»[126]. Согласиться с подобным определением нельзя. Для обоснования такой позиции следует обратиться к доктрине континентального права об общих учениях о сделке.
Для начала следует обратиться к наиболее общим вопросам доктрины юридического факта, классификация которого берет начало со времен Савиньи[127] и классически неизменна.[128] В качестве юридических фактов, являющихся основанием возникновения правоотношений, традиционно выступают события - такие юридические обстоятельства, которые никак не зависят от воли или от поведения субъекта - носителя воли. Другая категория юридических фактов - так называемые действия, или поведенческие акты, - крайне разнообразна. Их можно разложить по основным классификационным веткам. Так, действия наиболее общим образом можно разделить на две группы: правомерные и неправомерные. Если ко второй группе принято относить нарушение обязанностей (вытекающих из закона, из договора) и деликт, то к первой относимы: 1) сделки; 2) сделкоподобные сообщения и 3) поступки или иначе - реальные акты. В доктрине это не всегда очевидное деление, однако оно вполне характерно для немецкого правопорядка.[129] В целом сделкоподобные сообщения являются неким промежуточным звеном между сделкой и реальными актами.
В первую очередь при определении понятия сделки следует обратить внимание на то, что сделка является совершенно особым юридическим фактом. Сделка выступает актом регулирования или актом частной автономии (актом самозакония). Как показывает Н.В. Резанов, опираясь на исследование С.В. Третьякова, Ф.К. фон Савиньи очерчивал границы частной автономии понятием «сфера господства», то есть пространства личной свободы, закрытого для вмешательства других лиц.[130] Именно автономия воли позволяет установить для себя правило поведения или иной правовой эффект, заключая договор или совершая одностороннюю сделку. Тем самым субъект частного права, обладатель автономии воли, так или иначе устанавливает пределы правового регулирования для себя и для лиц, связанных правовым эффектом от заключения договора или совершения односторонней сделки. Это ключевой аспект, выделяющий сделки как особое явление.
В этом смысле другие юридические факты лишены такого ядра. Они действуют как приводные механизмы, а отношения регулирует правопорядок, и объективное право связывает тот или иной правовой эффект с неким юридическим фактом (например, гибель вещи, переработка вещи, создание произведения и т.д.). Иначе говоря, правопорядок связывает с некими объективными обстоятельствами то или иное регулирование, и здесь именно правопорядок выступает творческой инстанцией. В случае же со сделкой правотворящей инстанцией и творческим актором выступает не правопорядок, а само частное лицо. Частное лицо устанавливает правила. Роль правопорядка здесь заключается лишь в констатации, в признании силы за таким частным волеопределением. В этом смысле оказывается, что тот, кто совершает сделку, занимает позицию индивидуального «законодателя» для себя или тех лиц, кому правопорядок позволяет ему навязать тот или иной правовой эффект.
Тем самым творческий аспект в сделке оказывается самым главным. Вот в этом и выражается особенность сделки, отличающая ее от многих других юридических фактов.
В этом плане имеет смысл критически отнестись к легальным дефинициям сделки в ГК РФ и ГК Казахстана.
Во-первых, комментируя аналогичное по конструкции определение сделки в статье 153 ГК РФ, А.Г. Карапетов отмечает, что относить сделки к подкатегории юридически значимых действий было бы не вполне корректно, поскольку закон вслед за правопорядками многих стран допускает обнаружение сделки и в бездействии (молчании) - когда на это указывает закон, ранее заключенный договор, а в отдельных случаях обычай или сложившаяся практика взаимоотношений сторон. Автор предлагает разрешать это противоречие путем системного толкования и признавать сделку поведенческим актом, который может выражаться как в действии, так и в бездействии.[131] С этим замечанием следует согласиться, и для казахстанского права оно имеет не меньшее значение. Как показано в подразделе 1.2.4, ГК РК также допускает выражение воли бездействием. К ним относятся акцепт молчанием (п. 2 ст. 396 ГК РК) и принятие кредитором предложения гаранта или поручителя (п. 3 ст. 331 ГК РК). Однако системное толкование, предлагаемое комментатором, лишь сглаживает противоречие, но не устраняет его. Оно возникает именно потому, что закон определяет сделку через категорию действия. Представляется более последовательным устранить противоречие в самом определении, указав в нем на волеизъявление, которое может быть выражено как действием, так и бездействием.
Во-вторых, упоминание в определении сделки в ГК РФ и ГК РК понятия «действие» нивелирует роль воли в порождении правового эффекта. В то же время, если присмотреться к фразе «направленное на», то этот волевой фактор отыскивается. Но и в таком случае это не вполне точно. Если лицо целенаправленно уничтожает свою вещь, это не делает данное действие сделкой. Прекращение права собственности наступает в силу закона автоматически и независимо от того, направлена ли на то воля лица или нет. Сделка же налицо там, где правопорядок признает

правовой эффект в той степени, в которой этот эффект был целью совершения действия. Иначе говоря, точнее было бы упоминать в определении сделки волеизъявление (или совокупность волеизъявлений).
В-третьих, в упомянутом комментарии автор указывает на неудовлетворительность сведения понятия сделки к волеизъявлению: сделкой нередко является сочетание волеизъявлений нескольких лиц, как это происходит при заключении договора и принятии решения собрания, а кроме того, правопорядок готов признавать сделкой и создание видимости волеизъявления при его действительном отсутствии. По этой причине определение сделки как волеизъявления, воспроизведенное в разъяснениях ВС РФ, отражает существо лишь односторонней сделки. [132]
Представляется, что первое из этих возражений снимается, если определять сделку не через единичное волеизъявление, а через волеизъявление или совокупность волеизъявлений, как это предлагается ниже. Второе возражение указывает на случаи, когда правопорядок в интересах адресата связывает правовой эффект с видимостью волеизъявления. Однако и здесь эффект производен от того, что адресат был вправе воспринять как изъявление воли, то есть от волеизъявления, а не от действия как такового. Поэтому оба замечания уточняют, но не опровергают определение сделки через волеизъявление. Предлагаемое определение при этом является общим и охватывает все виды сделок, различающиеся лишь числом волеизъявлений и способом их соединения. Односторонняя сделка состоит из одного волеизъявления. Договор образуют встречные волеизъявления сторон, совпадающие по содержанию. Решение собрания складывается из волеизъявлений голосующих участников, но, в отличие от договора, не требует совпадения всех голосов: по правилу большинства они образуют общую волю сообщества, и потому решение связывает и тех, кто голосовал против.[133] Обязательность решения для несогласных вытекает, следовательно, не из их волеизъявлений, а из закона или учредительных документов, допускающих принятие решения большинством; этим решение собрания как особый вид сделки и отличается от договора (подробнее см. подраздел 1.3.4). В германской доктрине то же соотношение выражают формулой, согласно которой сделка есть фактический состав, включающий по меньшей мере одно волеизъявление.[134] Сходным образом решен вопрос в нидерландском праве. Гражданский кодекс Нидерландов не дает определения юридического акта (rechtshandeling), однако ст. 3:33 требует для его совершения направленной на правовое последствие воли, проявившейся в заявлении, и именно направленность на правовое последствие нидерландская доктрина считает сущностным признаком юридического акта.[135]
С учетом изложенного сделка - это волеизъявление лица (или совокупность волеизъявлений нескольких лиц), содержащее регулирование и направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, в связи с чем статью 147 ГК РК следует изложить в следующей редакции: «Сделкой признается волеизъявление или совокупность волеизъявлений граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей».
Иными словами, определение сделки в статье 147 ГК РК через категорию действия представляется неточным, поскольку оно не отражает того обстоятельства, что правовой эффект сделки производен именно от направленности воли на порождение данного правового эффекта.[136]
В казахстанской литературе легальное определение сделки, как правило, воспроизводится без критики, однако акцент в нем переносится с действия на его направленность. Ю.Г. Басин, разъясняя ст. 147 ГК РК, называл сделки «целенаправленными действиями субъектов» и подчеркивал, что именно «целенаправленностью на юридические последствия сделки отличаются от других актов поведения - поступков, которые непосредственно направлены на достижение иного, не юридического результата, однако в силу предписания закона ведут также к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей».[137] В академическом курсе гражданского права под редакцией М.К. Сулейменова и Ю.Г. Басина прямо сказано, что «сделки - это всегда волеизъявление».[138] М.К. Сулейменов относит сделки наряду с решениями собраний и публичными актами к юридическим актам и отграничивает их от юридических поступков и результативных действий.[139] Таким образом, казахстанская доктрина фактически видит существо сделки не в действии как таковом, а в выраженной в нем воле, направленной на правовой результат. Предлагаемое в настоящей работе определение сделки через волеизъявление не порывает с этой традицией, а доводит ее до логического завершения: если отличительным признаком сделки служит направленность воли на правовое последствие, то в ее определении должно быть названо волеизъявление, а не действие. Пример Ю.Г. Басина с поступком (выезд гражданина с места жительства, повлекший утрату права на жилище помимо его намерения) и приведенный выше пример с уничтожением вещи показывают одно и то же: действие, вызвавшее правовое последствие в силу закона, сделкой не является.
Неточность легального определения имеет и практическое измерение. Определяя сделку через действие, закон не ориентирует правоприменителя на установление воли лица, что проявляется в двух противоположных искажениях. С одной стороны, правовой эффект сделки связывается с фактическим поведением без исследования воли. Проживание наследника в доме наследодателя суды расценивают как фактическое принятие наследства, не выясняя, было ли у наследника намерение приобрести наследство, хотя п. 2 ст. 1072-1 ГК РК устанавливает лишь опровержимую презумпцию.[140] С другой стороны, сделочный характер отрицается за волеизъявлениями, которые непосредственно прекращают правоотношение, как это происходит при квалификации уведомления об одностороннем отказе от договора в качестве документа, не являющегося сделкой (подробнее см. подраздел 1.3.2). Определение сделки через волеизъявление, направленное на правовой эффект, позволило бы устранить оба искажения, поскольку обязывало бы суд устанавливать наличие и содержание воли.

1.1.3 Понятие одностороннего волеизъявления

Односторонняя сделка - сделка, для совершения которой в соответствии с законодательством или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны (п. 2 ст. 148 ГК РК).
Это определение соответствует общему для континентальных правопорядков пониманию. В германской доктрине односторонней называют сделку, которая содержит волеизъявление только одного лица;[141] так же ее определяют в швейцарской[142] и австрийской литературе.[143] Во французском праве, где реформа 2016 года лишь упомянула односторонний юридический акт, его определяют как акт одного лица, единоличное волеизъявление;[144] нидерландская доктрина противопоставляет многосторонней сделке одностороннюю, совершаемую одним лицом, и различает среди односторонних сделок направленные и ненаправленные.[145]
Из приведенных определений следуют три признака односторонней сделки, значимые для дальнейшего изложения. Во-первых, решающим является не число участвующих лиц, а число сторон: несколько лиц, выражающих однонаправленную волю, образуют одну сторону, и сделка остается односторонней (подраздел 1.3.3.1). Во-вторых, одного волеизъявления достаточно для наступления правового эффекта: участие других лиц (получение заявления адресатом, согласие третьего лица, государственная регистрация) может быть условием вступления сделки в силу, но не превращает ее в договор. В-третьих, односторонность характеризует способ совершения сделки, но не ее действие: правовые последствия односторонней сделки могут наступать и для других лиц. Именно поэтому в австрийской доктрине подчеркивается, что односторонние сделки действительны лишь постольку, поскольку затрагивают собственную сферу лица либо основаны на предоставленном законом или договором правомочии вторгаться в чужую сферу,[146] а в германской - что для сделки, способной затронуть правовую сферу

другого лица невыгодным для него образом, действующему необходима особая правовая власть, предоставленная другой стороной либо законом.[147] На этом различии построено деление односторонних сделок на интервентные и неинтервентные (подраздел 2.2).
Российские исследователи пишут о природе данного феномена следующее: «Специфика односторонних сделок состоит в том, что правовые последствия возникают не в результате согласованной воли сторон, а ввиду одностороннего действия лица, совершающего одностороннюю сделку»[148].
Из этого определения не следует, однако, что понятия односторонней сделки и одностороннего волеизъявления совпадают. Односторонняя сделка действительно сводится к одностороннему волеизъявлению, но одностороннее волеизъявление может быть и частью многосторонней сделки. Так, оферта и акцепт входят в фактический состав договора, а голос участника - в фактический состав решения собрания. Такие волеизъявления самостоятельными сделками не являются, и общие положения о сделках применяются к ним по аналогии закона (подробнее см. подразделы 1.3.3 и 1.3.4). Иначе говоря, всякая односторонняя сделка совершается посредством одностороннего волеизъявления, но не всякое одностороннее волеизъявление образует одностороннюю сделку.
Поэтому в настоящей работе под односторонним волеизъявлением понимается внешнее выражение воли одного лица (либо нескольких лиц, выступающих в качестве одной стороны), направленное на правовой эффект, независимо от того, образует ли оно одностороннюю сделку или входит в фактический состав договора либо решения собрания. Именно в этом смысле понятие используется в последующих главах.

1.2 Соотношение воли и волеизъявления как элементов структуры сделки

Воля и волеизъявление - психолого-юридические категории, неразрывно связанные с гражданскими правоотношениями, чаще всего предшествующие их возникновению, изменению или прекращению.[149]
Особое место эти категории занимают в теории и структуре гражданско-правовой сделки. Воля и волеизъявление выступают ключевыми элементами состава сделки[150]. Зачастую сделку отождествляют с волеизъявлением[151], определяя волю и волеизъявление в качестве одних из условий действительности сделки[152].
Для понимания того, как выражение воли порождает частноправовой эффект, важно проследить сам этот процесс. Представляется, что его движущей силой служит интерес субъекта, как правило, имущественный. Схематично процесс можно описать так: интерес обусловливает формирование воли, направленной на определенный желаемый правовой эффект - возникновение, изменение или прекращение правовой связи; затем эта воля доводится до сведения других лиц так, чтобы ее направленность на удовлетворение данного интереса была очевидна, - путем активного действия либо бездействия. Именно такое поведение, выражающее волю и предопределяющее наступление правового последствия, и составляет волеизъявление как сделку. Воля, будучи «импульсом к действию»[153], проводит субъекта от желания к правовому результату через поведенческий акт, и потому соотношение категорий «воля» и «волеизъявление» имеет для настоящего исследования ключевое значение.[154]
Центральным вопросом этой проблематики является соотношение воли и волеизъявления: должны ли они совпадать, какой из этих элементов определяет правовой эффект сделки при их расхождении и одинаково ли решается этот вопрос для договоров и односторонних сделок. От ответа на него зависят решения о действительности сделки, совершенной с пороком воли, о защите адресата волеизъявления и о толковании сделки. Для ответа на поставленные вопросы в настоящем параграфе последовательно рассматриваются содержание воли и волеизъявления как элементов сделки, принцип их единства и его пределы, теории соотношения воли и волеизъявления и их восприятие казахстанским правом, способы выражения и функции волеизъявления, а также особенности соотношения воли и волеизъявления в односторонних сделках.

1.2.1 Воля и волеизъявление как элементы сделки

Определение соотношения воли и волеизъявления предполагает прежде всего уяснение содержания каждого из этих элементов.
Юридическая категория «волеизъявление» неразрывно связана с понятием «воля». Волеизъявление - это выражение воли, чаще всего совершенное через действия, реже - через бездействие, таким образом, что воля становится очевидной для всех и каждого. Именно поэтому волеизъявление чаще называют внешней волей, в то время как волю - внутренней[155].
Однако не всякое волеизъявление может порождать юридические последствия и иметь эффект в правоотношениях. Частному праву не интересно волеизъявление, не способное каким-то образом порождать частноправовые последствия.
Категория «воля» выступает объектом различных научных исследований: философских, психологических и даже лингвистических. Правовой науке воля интересна в динамике, а именно ее формирование и выражение вовне.[156]
В.А. Ойгензихт определял волю как «процесс психического регулирования поведения субъектов».[157] Отсюда распространенная в правовой науке характеристика воли через намерение или желание, причем эти понятия нередко используются как равнозначные.[158] Представляется, однако, что элементом состава сделки является воля именно как намерение достичь определенного правового эффекта; желание же далеко не всегда перерастает в такое намерение. Если понимать волевой процесс как формирование воли и ее изъявление, в результате которого воля становится распознаваемой для третьих лиц,[159] то желание в этом процессе предшествует намерению.
Следует согласиться с утверждением В.А. Ойгензихта о том, что процесс формирования воли начинается с мотивации как осознания потребностей, что приводит к формированию желаний.[160] Затем происходит целеполагание и определение «способов достижения целей», [161] которое выражается в формировании намерения достижения конкретного правового эффекта и отражается в окончательном решении, после чего такое решение доводится до сведения третьих лиц (выражается воля).[162]
Намерение и есть окончательная точка формирования воли и отражает точно сформированную направленность на конкретный результат. Например, лицо А. одновременно желает приобрести велосипед, провести отпуск в Европе и накопить средства для погашения ипотечного займа. Эти желания могут вступать в противоречие, поскольку осуществление одного ставит под угрозу осуществление другого - возникает конкуренция желаний. Разрешив ее, А. приходит к намерению купить велосипед: так формируется воля. Совершая затем конкретные действия, например акцептуя публичную оферту конклюдентным поведением, А. доводит сформировавшуюся волю до сведения других лиц, то есть совершает волеизъявление, влекущее определенный правовой результат - заключение договора. Для права из этого примера значимо одно: пока конкуренция желаний не разрешена и намерение не сформировано, нет воли, способной стать содержанием сделки, а сформированное, но не выраженное намерение остается юридически безразличным.
Тем самым формирование воли предшествует волеизъявлению, обладающему правоустанавливающим (правоизменяющим, правопрекращающим) эффектом, и отражает намерение лица породить эти самые последствия. М.В. Кротов такое намерение называет «внутренней волей», наличие которой «недостаточно для совершения сделки», и полагает, что именно «доведение до сведения других лиц»

этой воли может привести к определенному правовому эффекту,[163] что именуется внешней волей.
Намерение как волепорождающий фактор является также и предметом изучения философии сознания и философии права, «где, несмотря на общее согласие в отношении релевантности намерения теории ответственности..., этот термин употребляется по-разному».[164] В философии сознания «значение «намеренно» связано с отрицанием случайности или ошибки. Получается, что анализ намеренного действия возможен только через описание соответствующего контекста употребления слова «намеренно», отрицающего случайность или ошибку, а также через разъяснение случайности или ошибки».[165]
В этой связи представляется интересной формула, выведенная Г. Хартом и С. Гемпширом, которая сводится к следующему: «Я думаю, что сделаю это, но не уверен» и «Теперь я знаю, что я сделаю».[166] Это подтверждает тезис о том, что намерение не всегда отражает желание, и нельзя их отождествлять, так как «несмотря на то, что желание и намерение имеют схожее употребление»,[167] их различие обнаруживается в том, что «намерения связаны с действиями иначе, чем желания. Ты можешь намереваться сделать только те вещи, которые думаешь, что способен сделать; когда ты намерен сделать X, при условии, что твое намерение оформилось, то X осуществится так, как полагается, например, таким образом, каким агент этого ожидал. Эти два момента отличают намерения от таких явлений как желания».[168]
Волеизъявление (Willenserklärung) как гражданско-правовая категория было разработано немецкими пандектистами, причем в конце XVIII века этот термин употреблялся еще не в юридическом, а в обыденном смысле и обозначал обещание (Versprechung).[169] Однако вплоть до XIX века не было консенсуса среди ученых в отношении терминологии и значения использованных терминов, обозначающих волеизъявление.
Более или менее цельное понимание волеизъявления впервые появилось в работе Г.А. Гайсе 1807 года, где ему был посвящен особый параграф в разделе «О действиях в общем», предшествующем разделу о сделках,[170] а уже наиболее полное содержание волеизъявления раскрывается в работе Ф.К. фон Савиньи, в которой он выделяет несколько составляющих волеизъявления: 1) волю; 2) изъявление воли; 3) соответствие воли изъявлению.[171]
Первый элемент волеизъявления, определенный Ф.К. фон Савиньи, указывает на связанность волеизъявления с внутренней волей: лишь в случае, когда я довожу до сведения иных лиц содержание внутренней воли на конкретный эффект, я осуществляю волеизъявление. Без сформированной внутренней воли не может быть ее обнародования, объективации.
Второй элемент указывает на возможность волеизъявлением объективировать волю - обнародовать ее, сделать известной третьим лицам, после чего и становится возможным наступление последствий (как правовых, так и иных, связанных с удовлетворением интереса волеизъявляющего).
Третий элемент схож с первым, но сужает связанность воли и волеизъявления еще и их содержанием, которые должны соответствовать друг другу.[172]

1.2.2 Единство воли и волеизъявления

Совершение действия или бездействия, могущего привести к тому правовому результату, на который сформировалось намерение, и является волеизъявлением, и только их совпадение отражает беспорочность воли и волеизъявления. В этом и проявляется их единство для частноправовых целей.[173]
В этом плане следует согласиться с тезисом о единстве воли и волеизъявления. Как отмечает Ю.В. Холоденко, «Воля и волеизъявление - две стороны одного и того же процесса психического отношения лица к совершаемому им действию. Естественно, что воля и волеизъявление должны соответствовать друг другу. В случае, когда воля направлена на одно действие, а волеизъявление выражает намерение совершить другое действие, сделка может вызвать споры между участниками, что препятствует ее совершению».[174] Таким образом, для сделки важно единство воли и волеизъявления.
Источником юридических последствий является воля. Однако, оставаясь внутренней, она никому не известна и, не получив внешнего выражения, одним фактом своего формирования таких последствий породить не может. Для возникновения правоотношения необходима формализация, обеспечивающая совпадение ожиданий сторон относительно правомерного поведения; без нее правовая связь не складывается. Поэтому юридическим фактом воля становится лишь тогда, когда обретает внешнюю форму. Форма служит каузе - той области, в которой встречаются воли сторон и норма права, и позволяет эту каузу определить.[175]

1.2.3 Теории соотношения воли и волеизъявления и их восприятие казахстанским правом

Учение о соотношении воли и волеизъявления разработано преимущественно германской цивилистикой, предложившей три конкурирующие модели: 1) теорию воли, отдающую предпочтение внутреннему волевому акту; 2) теорию изъявления, связывающую правовой эффект с внешним выражением; и 3) теорию доверия, уравнивающую оба компонента и разрешающую их расхождение исходя из защиты разумных ожиданий того, кто на изъявление положился.[176]
Центральное значение в учениях о сделке, по Я. Шаппу, имеет противопоставление теории воли и теории изъявления.[177]
Согласно теории воли волеизъявление имеет лишь доказательное значение, в то время как воля - определяющее.[178] Данная теория направлена на интерес изъявителя воли и в ущерб лицу, на которое направлено волеизъявление вне зависимости от его добросовестности.[179]
Последовательное проведение теории воли означало бы, по выражению И.А. Покровского, что там, где такой воли нет, «не может быть и речи о юридическом эффекте договора: есть только видимость последнего, а не его сущность».[180] Уязвимость этой теории усматривают в том, что она оставляет без защиты добросовестного контрагента, положившегося на сделанное ему изъявление.[181]
Теория изъявления исходит из противоположного: правовой эффект связывается с самим волеизъявлением, и сделка считается совершенной, если волеизъявление сделано, даже когда действительная воля на соответствующий эффект отсутствует вовсе. В последовательном виде эта теория не принимает во внимание и осведомленность адресата: сделка сохраняет силу и тогда, когда адресат знал, что изъявленное не соответствует воле изъявителя. Тем самым она в той же мере пренебрегает интересом изъявителя, в какой теория воли пренебрегает интересом адресата. В германской литературе теорию изъявления нередко излагают уже через защиту доверия получателя, который по внешнему облику изъявления был вправе заключить о наличии воли,[182] однако в таком виде она по существу сливается с теорией доверия.
Теория доверия занимает промежуточное положение. Видимость воли, созданная изъявлением, защищается не сама по себе, а лишь постольку, поскольку адресат добросовестно полагал, что изъявленная воля действительно существует. Если адресат знал или должен был знать о ее отсутствии, защищать нечего, и решающее значение получает действительная воля изъявителя.
Последовательное воплощение модели доверия дает, например, нидерландское право: отсутствие воли, соответствующей изъявлению, по

общему правилу влечет ничтожность юридического акта (ст. 3:33 ГК Нидерландов), однако контрагент, если соблюдены условия ст. 3:35, вправе сослаться на созданную изъявлением видимость, и тогда акт признается совершенным.[183]
Следует, однако, учитывать, что сам германский законодатель урегулировал пороки воли не по какой-либо одной теории, а исходя из практических соображений. Так, правило § 116 ГГУ о неучете мысленной оговорки трудно согласовать с последовательно проведенной теорией воли.[184]
Казахстанский закон также не проводит последовательно какую-либо одну теорию. В отдельных нормах прослеживается теория воли (например, ничтожность сделки, совершенной лицом, признанным недееспособным), в других - теория изъявления (например, если сторона заблуждалась относительно природы сделки вследствие собственной грубой неосторожности, суд может отказать в признании сделки недействительной, и она сохраняет силу).[185] При этом в большинстве случаев порок воли учитывается казахстанским законом независимо от того, знала ли о нем другая сторона и могла ли его распознать. Так обстоит дело при недееспособности, при совершении сделки в состоянии, когда лицо БЮА не могло понимать значения своих действий или руководить ими, при существенном заблуждении, при обмане, насилии и угрозе, в том числе исходящих от третьего лица.[186] Поэтому говорить о восприятии казахстанским правом теории доверия не приходится. Ее последовательное воплощение, как показывает нидерландский пример, предполагает, что порок воли не может быть противопоставлен добросовестному контрагенту, тогда как ГК РК такого правила не содержит. Казахстанский правопорядок ближе к теории воли, смягченной отдельными элементами теории изъявления. Этот вывод согласуется с позицией, выраженной в академическом курсе гражданского права: внешнее изъявление воли предполагается соответствующим ее внутреннему содержанию, но при доказанном расхождении между ними «большее значение придается действительной воле».[187]
1.2.4 Способы выражения и функции волеизъявления

Соотношение воли и волеизъявления во многом зависит и от того, каким образом воля выражается вовне и какие функции выполняет ее выражение.
Для наступления определенного правового эффекта от сформированной воли необходимо сообщение такой воли вовне, то есть выражение воли, совершенное в надлежащей правовой форме, - волеизъявление. И здесь важно определить, из каких фактов может вытекать такое выражение воли.
Е. Годэмэ подчеркивал, что одного намерения недостаточно: требуются внешние, чувственно воспринимаемые факты[188]. Воля должна быть выражена так, чтобы любому третьему лицу была ясна направленность намерения изъявляющего на тот правовой эффект, который составляет его цель.
В этой связи представляются верными рассуждения А.А. Панова о том, что волеизъявление выполняет три основные функции: «во-первых, ... функция объективации внутренней воли, то есть проявление воли. Во-вторых... порождение правовых последствий соответствующего волевого акта, и ... фиксации содержания внутренней воли».[189]
Безусловно, функция объективации внутренней воли является основной функцией волеизъявления. Но в контексте сделки важно определить, как эта функция осуществляется.
Волеизъявление чаще реализуется посредством некоего поведенческого акта, выраженного в позитивном действии субъекта. Эти действия могут выражаться как через слова (причем как письменно, так и устно), так и через конклюдентные действия. Но главная особенность таких действий заключается в возможности порождения именно гражданско-правовых последствий. В противном случае такой поведенческий акт не будет обладать признаками волеизъявления как гражданско-правовой сделки.
Более того, не все действия, объективно указывающие на какую-то их направленность, следует считать тем самым поведенческим актом, выражающим волю.
В этой связи представляет интерес позиция Д.Д. Гримма, указывавшего, что по отношению к суждениям о чужих волевых актах «действие не только не составляет единственный, но далеко не всегда даже главный материал для подобных суждений».[190] Задача, по его мысли, двоякая: сначала нужно установить, служит ли данное действие проявлением волевого акта вообще, а затем - какой именно волевой акт за ним скрывается, то есть истолковать смысл действия. Уже первый вопрос нельзя решить без учета обстановки, в которой действие совершено; второй осложняется тем, что одинаковые внешние действия могут выражать различные волевые акты и преследовать различные цели, а единичное действие может оказаться лишь частью более сложного поведения.[191] Отсюда следует важный для дальнейшего вывод: само по себе действие ни о наличии воли, ни о ее содержании не свидетельствует, и квалификация поведения как волеизъявления всегда есть результат толкования.
Так, гражданское законодательство Республики Казахстан знает два способа принятия наследства - юридический и фактический. Первый подчинен строгим правилам о форме и предполагает подачу заявления нотариусу или иному уполномоченному лицу; второй состоит в фактических, не всегда формализованных действиях, из которых может явствовать намерение лица приобрести наследство. Если же такого намерения у наследника нет и фактические действия совершены с иной целью, не связанной с правопреемством, правовых последствий они не порождают. Поэтому п. 2 ст. 1072-1 ГК РК закрепляет лишь опровержимую презумпцию: наследник, совершивший действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, признается принявшим его, «пока не доказано иное», и может эту презумпцию опровергнуть, доказав отсутствие соответствующей воли.[192]
Тем самым не всякое действие является проявлением волевого акта.
Волеизъявление не всегда выражается в позитивных действиях субъекта. Нередки случаи выражения воли посредством пассивного (негативного) поведения - бездействия, которое способно довести до сведения других волю субъекта на конкретный правовой эффект.
Как отмечал В.М. Хвостов, «для права имеет значение не одно только намерение и внутреннее содержание воли, но и воля, проявившаяся вовне и таким образом сделавшаяся доступной для познания со стороны третьих лиц и органов судебной власти. Способы проявления воли вовне весьма разнообразны. Главным является, конечно, слово. Но слово не есть самая воля, а лишь способ ее выражения (этого различия, кажется, не делало древнейшее римское право) и, с другой стороны, слово еще не единственный способ изъявления воли».[193]
Придавая правовое значение истечению пресекательных сроков, установленных для осуществления субъективного права, законодатель может формализовать выражение воли и через бездействие. Так, Гражданский кодекс Республики Казахстан в редакции, действовавшей до 12 января 2007 года,[194] допускал приобретение наследства наследником, который в течение шести месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о призвании к наследованию, не откажется от него (ст. 1072, п. 1 ст. 1074 ГК РК). Иными словами, воля на приобретение наследства могла быть выражена бездействием - воздержанием от отказа в течение установленного срока, по истечении которого наступал желаемый правовой эффект: возникновение права собственности на имущество наследодателя, переход к наследнику его имущественных прав и обязанностей и т.п. А.Г. Диденко оценивал эту конструкцию иначе: по его мнению, наследник в таком случае не совершал никакой сделки, а

наследственное правоотношение возникало из факта-состояния - статуса наследника; односторонней сделкой он считал лишь отказ от приобретения наследства.[195] Различие этих объяснений не затрагивает, однако, главного: при любом из них бездействие наследника в течение установленного срока влекло правовой эффект, который наследник мог предотвратить своим волеизъявлением.

Другим примером выражения воли посредством пассивного (негативного) поведенческого акта - бездействием (или, иначе, молчанием) - является форма принятия кредитором предложения гаранта (поручителя) о заключении договора гарантии (поручительства). Согласно п. 3 ст. 331 ГК РК «БЮА Письменная форма договоров гарантии или поручительства считается соблюденной, если гарант или поручитель письменно уведомил кредитора о своей ответственности за исполнение обязательства должником, а кредитор не отказался от предложений гаранта или поручителя в течение нормально необходимого для этого времени».[196] Поведение кредитора в течение некоего разумного срока, демонстрирующее отсутствие отказа от предложения гаранта (поручителя) заключить договор гарантии, выступает примером акцепта молчанием (бездействием), дозволяемым п. 2 ст. 396 ГК РК.[197]

Функция по порождению правовых последствий волевого акта отражает некий приоритет волеизъявления, ибо правовые последствия могут наступить только по известному объективированному содержанию воли. Именно в результате совершения волеизъявления заключается сделка, совпадающая с целями как воли, так и, главным образом, волеизъявления.

Кроме того, волеизъявление фиксирует волю, делая ее на каком-то этапе известной. И если внутренние процессы, влияющие на формирование внутренней воли, как, собственно, и внутренняя воля субъекта, в силу динамичности их природы меняются, фиксация делает неизменной в контексте правовых последствий ту волю, которая была выражена вовне, что направлено на защиту интересов лиц, на которых такая воля была направлена в результате волеизъявления.

Эта позиция находит поддержку в доктрине. Как отмечает А.А. Панов, ссылаясь, в частности, на И.Б. Новицкого, «последующие изменения решения, желания, мотивов по общему правилу не могут являться основаниями для изменения уже выраженной юридически значимой воли».[198]

Тем самым юридический эффект возникает в силу фиксации воли посредством ее выражения и объективации таким образом, что она становится доступной для третьих лиц и выражает намерения лица на определенный эффект от такого выражения воли.[199]

Интересным является также и вопрос о возможности некоммуникативных сделок. Такие действия можно сопоставить с германской конструкцией волевого акта (Willensbetätigung). В германской доктрине господствующие воззрения относят их к сделкам, а спор идет лишь о том, считать ли волевой акт разновидностью волеизъявления или расширить само понятие сделки.[200]

Согласно распространенному взгляду сделочное волеизъявление представляет собой акт декларации воли, то есть непременно акт межчеловеческой коммуникации - сообщение, адресованное другому лицу либо публике. Между тем правопорядок связывает правовые последствия и с такими волевыми действиями, которые актом коммуникации не являются и на доведение воли до кого-либо не направлены, хотя и выражают правовую волю вовне иным образом; реальными актами они при этом не становятся, поскольку воля на наступление правового эффекта и дееспособность сохраняют здесь свое значение.[201]

В литературе приводятся показательные примеры: фактическое принятие наследства, когда наследник просто начинает пользоваться вещами умершего; отмена завещания путем намеренного уничтожения документа, при которой завещатель как раз стремится к тому, чтобы о совершенном акте никто не узнал (в тех странах, где допускается простая письменная форма завещания); акцепт открытой лицензии самим началом использования объекта исключительного права без извещения лицензиара; наконец, подтверждение оспоримой сделки действиями, из которых явствует воля ее исполнять.[202]

Для настоящей работы это уточнение имеет прямое значение. Определение волеизъявления как внешнего выражения внутренней воли, предлагаемое автором, следует понимать именно в широком смысле - как любое объективирование воли вовне, а не только как сообщение, обращенное к адресату. Такое прочтение согласуется с принятой в работе классификацией: рецептивность выступает признаком не всякого волеизъявления, а лишь отдельного его вида, и потому не может входить в родовое определение. Поэтому коммуникативная направленность не рассматривается в настоящей работе в качестве обязательного признака волеизъявления.

Итак, волеизъявление представляет собой внешнее выражение внутренней воли, направленное на определенный правовой эффект - возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей - и способное удовлетворить интерес изъявляющего волю субъекта. Интерес предопределяет формирование воли и служит критерием, позволяющим установить соответствие воли правовому эффекту изъявления. Само волеизъявление осуществляется посредством поведенческого акта в активной или пассивной форме; этот акт фиксирует волю в момент его совершения и делает ее неизменной для целей возникшего правоотношения. Тем самым волеизъявление есть тот юридический факт, который служит основанием возникновения гражданского правоотношения из сделки.[203]

Соотношение воли и волеизъявления как элементов сделки определяется их единством: воля, оставаясь внутренней, правового эффекта не порождает, а волеизъявление, не соответствующее действительному намерению лица, является порочным. Расхождение воли и волеизъявления разрешается правопорядком не по одной теории. Казахстанский закон в большинстве случаев учитывает порок воли независимо от того, была ли к нему причастна другая сторона и могла ли она его распознать, и в этом отношении ближе к теории воли, а элементы теории изъявления проявляются в нем лишь в отдельных нормах. Применительно к односторонним волеизъявлениям рецептивность влияет не на выбор теории, а на толкование: рецептивное волеизъявление толкуется с позиции разумного адресата, нерецептивное - как правило, исходя из действительной воли изъявителя (подробнее см. подраздел 2.1.4).

Бесспорно, что субъектами волеизъявления с частноправовым эффектом могут быть только субъекты гражданского права в их классической триадной версии - физические лица, юридические лица, государство.

Однако не всегда у всех этих субъектов процесс изъявления воли будет тождественен. Понятно, что у коллективных субъектов (юридические лица, государство) этот процесс отличается от процесса волеизъявления индивидуальных субъектов (физических лиц). Но даже внутри этих групп субъектов могут быть различные формы и способы волеизъявления в зависимости от отдельных факторов, что будет рассмотрено более подробно в следующем параграфе.

1.3 Соотношение одностороннего волеизъявления со схожими конструкциями

После определения понятия одностороннего волеизъявления и соотношения воли и волеизъявления в его структуре необходимо отграничить его от смежных правовых конструкций, которые внешне сходны с ним или включают его в свой состав. Таких конструкций три. Первая - реальные акты и сделкоподобные сообщения. Как и односторонняя сделка, они совершаются одним лицом и влекут правовые последствия, однако эти последствия наступают не в силу направленности воли на них. Вторая - договор, который складывается из односторонних волеизъявлений (оферты и акцепта) и в ряде пограничных случаев трудно отличим от односторонней сделки. Третья - решение собрания, в

котором воля нескольких лиц формируется по принципу большинства.
Для каждой из этих конструкций в настоящем подразделе определяется критерий разграничения: для реального акта и сделкоподобного сообщения - источник правового эффекта (1.3.1 и 1.3.2), для договора - число сторон, воля которых необходима для наступления правового эффекта (1.3.3), для решения собрания - способ формирования воли (1.3.4). От результата разграничения зависит, применяются ли к соответствующему акту общие положения о сделках непосредственно, по аналогии или не применяются вовсе.

1.3.1 Одностороннее волеизъявление и реальные акты

Если сделки являются волеизъявлениями, то юридические поступки (реальные акты) таковыми не являются. Это действия, приводящие к созданию объективированного результата. Для юридических поступков предопределяющим является не воля и ее изъявление, а некий объективированный результат, учитываемый правопорядком. Например, создание произведения искусства, переработка вещи, уничтожение вещи. Они могут быть предопределены намерениями или желаниями, но последние не важны для правового эффекта.
Уничтожение или переработка вещи, создание новой вещи, находка, создание произведения влекут правовой эффект не потому, что воля лица была направлена на его возникновение, а потому, что закон связывает этот эффект с самим фактом поведения. Последствия наступают и тогда, когда лицо их не желало, и даже тогда, когда оно прямо заявляло о своем нежелании: право собственности на сожженную книгу прекращается независимо от того, какое значение придавал своим действиям собственник.[204] Для казахстанского права этот вывод вытекает из той же конструкции, поскольку статья 147 ГК РК относит к сделкам лишь действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.
Примером реального акта в сфере интеллектуальной собственности служит публичное раскрытие информации об изобретении. Такое раскрытие заявителем (автором) или лицом, получившим от него информацию, не влияет на патентоспособность, если заявка подана не позднее шести месяцев с даты раскрытия; бремя доказывания этого факта лежит на заявителе.[205] Правовое последствие связано здесь законом с самим фактом раскрытия, независимо от того, была ли воля лица направлена на его достижение, поэтому раскрытие является не сделкой, а реальным актом.
Такие юридические факты в литературе обозначают как юридические поступки либо, вслед за германской доктриной, как реальные акты (Realakt). Второй термин представляется более точным. Понятием «юридический поступок» советская цивилистика охватывала не только уничтожение или создание вещи, но и юридически значимые сообщения, например извещение должника об уступке требования. Между тем это явления разной природы, и их объединение в одну категорию затуманивает принципиальное различие между ними.[206]
Безразличие воли предопределяет и правовой режим реального акта: правила о сделках к нему неприменимы. Не имеют значения сделкоспособность и полномочия на совершение сделки, правовой эффект реального акта нельзя поставить под условие, к нему не применяются правила о форме и о недействительности сделок.[207] Если ребенок разбил принадлежащую ему вазу, право собственности на нее прекратилось, и признать этот результат недействительным невозможно. Сходным образом германская доктрина относит к реальным актам переработку чужой вещи и присвоение найденного клада: право собственности возникает в силу закона (§ 950, 984 Германского гражданского уложения) независимо от того, желал ли действующий такого последствия, и даже тогда, когда он вовсе не способен к волеобразованию.[208]
Сказанное относится и к правилам о толковании. Толкование имеет целью установить содержание воли, направленной на правовой эффект. Однако в реальном акте такая воля не учитывается законом вовсе, а следовательно, толковать в нем нечего. Применительно к уничтожению вещи суд устанавливает лишь факт уничтожения, но не его смысл. Вопрос о смысле поведения приобретает значение только там, где закон связывает правовой эффект с волей лица. В этом случае перед нами уже не реальный акт, а сделка, совершенная путем волевого действия. Так, уничтожение завещателем документа с целью отмены завещания, а равно выбрасывание движимой вещи с намерением отказаться от права собственности на нее являются сделками, хотя и не адресованы никому в качестве сообщения.[209] Внешне такое поведение может ничем не отличаться от реального акта. Именно поэтому установление воли, выраженной в поведении, необходимо для квалификации: выброшенная вещь может оказаться как утраченной, так и оставленной собственником.
Иначе обстоит дело с юридически значимыми сообщениями. Они представляют собой волевой акт осознанной коммуникации, хотя воля здесь направлена не на правовой эффект, а на доведение информации до адресата. Поэтому к ним по аналогии могут применяться многие правила о сделках: о воле на само направление сообщения, о пороках ее формирования, об ошибке в содержании или адресате, о дееспособности.[210] Здесь, в отличие от реального акта, уместно и толкование: установить содержание сообщения и определить его адресата без него невозможно. Так, в германской доктрине правила о дееспособности по аналогии применяются к напоминанию должнику и к извещению покупателя о недостатках товара (§ 377 Германского торгового уложения): поскольку действующее лицо должно сознавать значение своего действия, такие сообщения недееспособного не порождают предусмотренных законом последствий.[211]
Таким образом, правила о сделках, включая правила о толковании, к реальным актам не применяются. Толкование приобретает значение лишь тогда, когда закон связывает правовой эффект с волей лица: при совершении сделки с волей на сам эффект, при направлении юридически значимого сообщения с волей на доведение информации до адресата.

1.3.2 Одностороннее волеизъявление и сделкоподобное сообщение

Одним из важных теоретических вопросов в рамках учений об односторонних волеизъявлениях является их соотношение с так называемыми сделкоподобными сообщениями. Последние представляют собой действия, направленные не на достижение правового результата, а на информирование другой стороны о юридически значимом факте или о намерении субъекта права. Классическими примерами являются уведомление должника об уступке требования, извещение продавца об обнаружении скрытых недостатков товара, уведомление покупателя о готовности товара к отгрузке и т.п.
Сделкоподобные действия внешне очень похожи на сделку, и главное сходство заключается в том, что для их действительности важно нормальное формирование воли и ее изъявление - объективация воли. Однако на этом сходства и заканчиваются. Правовой эффект от совершения сделкоподобного действия возникает не в силу того, что тот, кто совершает это действие, желает породить правовое последствие и выступает правотворческой инстанцией. Правовой эффект возникает потому, что с самим действием правопорядок объективно связывает правовое последствие. То есть не субъект воли придумал правовое последствие, а правопорядок его предусмотрел, субъект воли лишь активировал предписание правопорядка, совершив действие. Именно в этом и заключается коренное отличие сделкоподобного действия от сделки. Сделкоподобные действия не содержат какого-либо частноавтономного регулирования. Правовой эффект такого сообщения не продукт частной автономной воли. Он - продукт правопорядка. Однако в силу того, что они подобны сделкам, многие правила о сделках применяются к

ним по аналогии. Это правила о дееспособности, форме, толковании, представительстве, а также избирательно о недействительности: учитываются пороки дееспособности, полномочий и воли, но не режим оспаривания сделок.[212]

К сделкоподобным действиям можно отнести уведомления и извещения, требования, признания, а также некоторые оговорки, с которыми закон непосредственно связывает определенные правовые последствия.

Например, письменное уведомление должника о состоявшемся переходе права требования не переносит право к новому кредитору. Оно уже перешло на основании сделки либо закона. Однако при отсутствии такого уведомления новый кредитор несет риск неблагоприятных последствий, а исполнение обязательства первоначальному кредитору признается надлежащим (ст. 339 ГК РК). Правовой эффект уведомления здесь наступает в силу прямого указания закона, независимо от того, стремилось ли уведомляющее лицо именно к такому распределению рисков.

Другой пример связан с извещением продавца о ненадлежащем исполнении договора. Покупатель обязан сообщить продавцу о нарушении условий о количестве, ассортименте, качестве, комплектности, таре или упаковке товара (ст. 436 ГК РК). Само извещение не изменяет договор и не создает нового требования. Тем не менее его своевременность влияет на возможность покупателя воспользоваться уже возникшими средствами защиты. Если покупатель своевременно не известил продавца, последний при наличии предусмотренных законом условий вправе полностью или частично отказаться от удовлетворения его требований.

К сделкоподобным действиям можно отнести и требование кредитора об исполнении обязательства. Если обязательство не было исполнено в разумный срок либо срок его исполнения определен моментом востребования, предъявление требования запускает установленный законом семидневный срок для исполнения (ст. 277 ГК РК). Требование не создает само обязательство. Оно лишь приводит в действие правовое последствие, уже предусмотренное законом.

Особенно показательно признание долга. Совершение обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга или иной обязанности, прерывает течение срока исковой давности. После этого срок начинает течь заново (ст. 183 ГК РК). Причем должник может подтверждать наличие задолженности, не имея специального намерения прервать исковую давность. Такое последствие все равно наступает в силу закона. Именно поэтому признание долга обычно рассматривается как один из наиболее наглядных примеров сделкоподобного действия.

Примером юридически значимой оговорки является фиксация заказчиком недостатков в акте приемки выполненной работы. Заказчик вправе впоследствии ссылаться на обнаруженные при приемке недостатки лишь в том случае, если они были оговорены в акте или ином документе либо в нем была сохранена возможность последующего предъявления требования об их устранении (ст. 630 ГК РК). Такая оговорка не изменяет содержание договора, но сохраняет за заказчиком возможность воспользоваться предусмотренными законом средствами защиты.

Иначе обстоит дело с отказами. Отказ кредитора от принятия исполнения, которое вследствие просрочки утратило для него интерес, освобождает должника от исполнения обязательства в натуре (п. 2 ст. 365, п. 3 ст. 354 ГК РК). Этот эффект наступает потому, что кредитор, осуществляя предоставленное ему законом секундарное право, направил свою волю на прекращение обязанности должника исполнить в натуре. Поэтому такой отказ, как и односторонний отказ от договора (ст. 404 ГК РК), является не сделкоподобным действием, а односторонней сделкой.

Таким образом, уведомление, требование, признание, отказ или оговорка не могут автоматически квалифицироваться как сделкоподобное действие только по своему наименованию. Определяющим является характер правового последствия. Если оно наступает непосредственно в силу закона, даже когда лицо не стремилось именно к такому результату, перед нами сделкоподобное действие. Если же волеизъявление специально направлено на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, его следует квалифицировать как сделку.

Корпоративное право относится к числу областей, в которых сделкоподобные действия встречаются особенно часто:[213] юридически значимыми сообщениями сопровождаются созыв общего собрания, отчуждение доли, уменьшение уставного капитала, приобретение крупного пакета долей или акций. Закон связывает с ними правовые последствия прежде всего для защиты интересов тех лиц, чьи права затрагиваются.

Типичным сделкоподобным сообщением в сфере корпоративного права является извещение о созыве общего собрания участников. Орган или лица, созывающие собрание, обязаны не позднее чем за тридцать дней до дня его открытия письменно известить о его проведении каждого участника по адресу, указанному в реестре участников, с указанием времени, места и даты проведения собрания, предлагаемой повестки дня и иных предусмотренных законом сведений.[214] Созывающий собрание не выражает воли на возникновение у участника права участвовать в собрании: это право возникает из закона и устава, а извещение лишь создает условия для его осуществления. Последствия ненадлежащего извещения также определены законом: решение, принятое с нарушением порядка проведения собрания, может быть признано судом недействительным по заявлению участника, БЮА не принимавшего участия в голосовании или голосовавшего против.[215] Привязка извещения к адресу, указанному в реестре участников, означает, что риск неполучения извещения вследствие того, что участник не сообщил о смене адреса, несет сам участник. Не случайно в казахстанской литературе уведомление исполнительного органа товарищества о смене места жительства прямо квалифицируется как обязанность участника товарищества.[216]

Сообщения, связанные с отчуждением доли, показывают, что одно и то же по своей функции сообщение может быть сконструировано законодателем по-разному. Участник товарищества, желающий продать долю БЮА третьему лицу, обязан письменно известить о своем намерении исполнительный орган товарищества с указанием предполагаемой цены продажи; в течение семи дней исполнительный орган извещает об этом всех участников; участник, желающий осуществить преимущественное право покупки, в семидневный срок уведомляет об этом исполнительный орган; если в течение месяца со дня направления исполнительному органу извещения доля не будет выкуплена, участник вправе продать ее третьему лицу по цене не ниже указанной в извещении.[217] Извещение продавца в такой конструкции офертой не является: закон говорит о намерении и о «предполагаемой» цене, а правовые последствия - начало месячного срока и запрет продажи третьему лицу по более низкой цене - установлены самим законом.[218] Представляется, что такое извещение является сделкоподобным сообщением, тогда как уведомление участника об осуществлении преимущественного права выражает его волю на приобретение доли и по своей природе ближе к сделке. Российский законодатель избрал иную модель в отношении обществ с ограниченной ответственностью: извещение участника конструируется как оферта о продаже доли, которая « считается полученной всеми участниками общества, в отношении которых применяются правила о преимущественном праве покупки доли или части доли в уставном капитале общества, в момент ее получения обществом»,[219] и в доктрине это объясняется тем, что закон вменяет обществу статус законного пассивного представителя участников, чьи права затрагивает сообщение.[220] В казахстанской модели исполнительный орган такого статуса не имеет и лишь передает извещение участникам, однако месячный срок исчисляется со дня направления извещения исполнительному органу, а не со дня его получения участниками. Риск задержки в передаче сообщения тем самым фактически возлагается на участников, что с учетом высокой цены ошибки при сообщениях о намерении продать объект, обремененный преимущественным правом,[221] требует осторожного толкования этой нормы.

К той же группе относится требование кредитора участника о принудительном выкупе доли, которое заявляется товариществу и с момента

заявления которого исчисляется трехмесячный срок, по истечении которого кредитор вправе потребовать продажи доли с публичных торгов.[222] Это последствие наступает в силу закона, а не потому, что кредитор направил волю на его наступление, а значит, требование носит сделкоподобный характер. Отсюда практическое значение вопроса об адресате сообщения. А.К. Калдыбаев полагает, что требование кредитора о выкупе доли должно быть адресовано не товариществу, а его участникам.[223] Такой вывод согласуется с общей логикой адресованных сообщений: сообщение должно достигнуть тех лиц, чьи права и возможности (в данном случае возможность выкупить долю) оно затрагивает, если только закон, как в российской модели, не вменяет обществу роль пассивного представителя участников.

На практике возникает проблема разграничения односторонних сделок и сделкоподобных сообщений. От правильной квалификации зависит применение норм о сделках либо иных правил к подобным действиям.

В казахстанской судебной практике нередки ситуации, когда волеизъявление одной стороны (уведомление, требование, предупреждение и т.п.) ошибочно рассматривается как сделка либо игнорируется как юридически незначимое.

Так, апелляционная судебная коллегия Алматинского городского суда рассматривала иск о признании недействительным уведомления о расторжении договора. Коллегия указала, что такое уведомление является лишь документом, содержащим информацию о намерении одной из сторон расторгнуть договор до истечения срока его действия, а потому «не является сделкой и не может признаваться недействительным в судебном порядке».[224] Между тем право заказчика на односторонний отказ было прямо предусмотрено пунктом 11.2 договора, и направленное уведомление представляло собой осуществление этого права. Тем самым волеизъявление, непосредственно прекращающее договорное правоотношение, было сведено к информационному сообщению.

Противоположный подход к тому же по природе акту занял Актюбинский областной суд. Коллегия квалифицировала уведомление о расторжении договора как одностороннюю сделку в силу статей 147 и 148 ГК РК, поскольку оно было направлено на прекращение прав и обязанностей сторон. Констатировав отсутствие оснований для одностороннего отказа, она согласилась с признанием уведомления недействительным по статье 157 ГК РК.[225] Таким образом, одно и то же по природе волеизъявление в одном случае признается сделкой, а в другом - документом, лишенным сделочного характера.

Обратная ошибка состоит в распространении сделочного режима на акты, сделками не являющиеся. Особенно наглядно она проявляется в спорах о внесудебной реализации ипотеки. Уведомление о невыполнении обязательств, которое направляется залогодателю по статье 26 Закона Республики Казахстан «Об ипотеке недвижимого имущества» (в действующей редакции - уведомление о начале проведения реализации недвижимого имущества во внесудебном порядке), содержит требование погасить задолженность в течение тридцати дней и предупреждение о возможном проведении торгов. Правовые последствия такого уведомления определены законом, а не волей отправителя.

Тем не менее Бостандыкский районный суд города Алматы со ссылкой на пункт 1 статьи 158 ГК РК прямо указал, что «договор залога, ипотечное свидетельство, уведомление и договор уступки являются сделками, содержание которых не соответствует требованиям законодательства».[226] Судебная коллегия Павлодарского областного суда установила, что уведомления о невыполнении обязательств не содержат всех сведений, предусмотренных статьей 26 названного Закона, и признала их недействительными.[227] Тем самым к уведомлению было применено последствие, которое закон предусматривает только для сделок.

Приведенные дела демонстрируют отсутствие на практике устойчивых критериев, позволяющих отличить одностороннюю сделку от сделкоподобного сообщения. В одних случаях за волеизъявлением, непосредственно прекращающим договор, не признается сделочный характер, в других случаях признается.

Подобная ситуация позволяет резюмировать, что выявление формализованных критериев, позволяющих отграничить односторонние сделки от иных односторонних актов, не направленных на достижение самостоятельного правового результата, имеет важное практическое значение. Само сделкоподобное сообщение может содержать волевой акт. А.Г. Карапетов отмечает, что аспекты воли здесь «могут иметь значение как минимум в части вопросов а) о наличии или отсутствии воли на само направление сообщения, б) об искажениях при формировании самой такой воли направить сообщение, в) об ошибке при определении содержания либо адресата сообщения или г) о дееспособности».[228] Этим такие сообщения и отличаются от других юридических поступков, например реальных актов, и в то же время такое их свойство усиливает их сходство с односторонними сделками, ввиду чего к ним в ряде случаев могут применяться общие положения о сделках.

Проблематика разграничения односторонних сделок и иных односторонних актов получила развитие в различных правопорядках, и в частности в немецком гражданском праве и в российской доктрине, впитавшей идеи пандектной системы. Наряду с понятием Rechtsgeschäft (сделка), немецкая доктрина и практика выделяют категории «сделкоподобных действий» (geschäftsähnliche Handlungen) и реальных актов (Realakte). По мнению немецких цивилистов, квалификация зависит от цели поведения и его направленности на результат. Сообщение, которым передается факт или информация без намерения вызвать правовой результат, относится к юридически значимому, но не правосделочному поведению (nicht-rechtsgeschäftliches Handeln).[229]

Как отмечает Н.В. Резанов, Верховный Суд Российской Федерации применяет ст. 165.1 ГК РФ о юридически значимых сообщениях также к односторонним сделкам, требующим восприятия.[230]

Д.Р. Мамбетов выделяет сделкоподобные действия в самостоятельную группу правомерных юридических действий наряду со сделками и реальными актами. По его мнению, нормы о сделках распространяются на них по аналогии закона, а допустимость применения конкретной нормы надлежит устанавливать ad hoc. Однако проведенный им разбор большинства таких норм приводит к выводу об отсутствии практических различий в режиме сделок и сделкоподобных действий. Поэтому Д.Р. Мамбетов сомневается, нужно ли вообще обособлять последнюю категорию.[231]

Д. Шаляев, напротив, раскрывает практическое значение выделения сделкоподобных действий. Определяя их место среди юридических фактов, он различает сделку, сделкоподобное действие и юридически значимое сообщение.[232]

Для Э.А. Евстигнеева юридически значимые сообщения (в терминологии проекта ст. 165.1 ГК РФ) образуют самостоятельную категорию. Применимость к ним правил о сделках он связывает с природой соответствующего сообщения.[233]

В немецкой доктрине определяющим оказывается источник правового эффекта. Ни внешняя форма действия, ни наличие адресата сами по себе не отвечают на вопрос, чем этот эффект обусловлен - волей лица или предписанием закона. Полагаем, что данный критерий следует использовать и в казахстанском праве. Он объясняет, почему к уведомлению или требованию, внешне сходному с односторонней сделкой, применимы по аналогии лишь отдельные нормы о сделках, а не все общие положения непосредственно.

Российская доктрина и практика развиваются в близком к пандектному направлению. Понятие сделки сохраняется для волевых актов с animus juridicus, одновременно разрабатываются правила о сделкоподобных сообщениях и иных односторонних юридических действиях. Сходное различие известно французскому праву, хотя устойчивого термина для сделкоподобных действий в нем нет. Acte juridique предполагает волю на правовой результат. От него отличаются иные юридические действия, в том числе односторонние объявления и уведомления в обязательственном праве (notification).[234]

В англо-американском общем праве отсутствует сама концепция сделки в рассматриваемом смысле, но существуют аналоги сделкоподобных актов. К таковым можно отнести notice of assignment и notice to quit - уведомление арендатора о прекращении аренды. Обязательность этих односторонних уведомлений и зависимость от них юридических последствий не превращают их в сделки.[235] Следовательно, вопрос о юридически значимых сообщениях возникает во всех рассмотренных системах. При различии способов применения сделочных правил в них сохраняется граница между автономными волевыми актами и фактами, в которых выражение воли выполняет лишь техническую функцию.
Термин «сделкоподобное сообщение» в гражданском законодательстве Казахстана отсутствует. Тем не менее основание для такого разграничения дает само определение сделки. Гражданское законодательство связывает ее с направленностью действия [7] БЮА на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Соответственно, волеизъявление, не преследующее юридического результата, под это определение не подпадает. Если лицо лишь исполняет обязанность сообщить сведения, а не стремится создать новое правоотношение, или изменить и прекратить существующее, то речь идет об ином юридическом акте, но не сделке.
Для односторонней сделки направленность воли на правовой эффект обязательна. Сообщая же сведения во исполнение закона или договора, лицо реализует уже существующие права и обязанности. Само сообщение в этом случае не призвано самостоятельно установить, изменить или прекратить правоотношение.
В законодательстве Казахстана прямо не установлен особый режим юридически значимых сообщений. Приходится обращаться к аналогии закона и права, учитывая доктринальные решения. Например, применение по аналогии норм о форме сделок к юридически значимым сообщениям оправдывается доказательственным назначением письменной формы. Факт сообщения, его содержание и адресат должны поддаваться установлению в той же мере, что и соответствующие обстоятельства сделки. Если закон или договор предписывает письменное сообщение, то при несоблюдении простой письменной формы отправитель по аналогии со сделочными правилами лишается возможности подтверждать сообщение и его содержание свидетельскими показаниями. Не имеющим силы сообщение признается только при прямом указании закона или соглашения сторон на такое последствие.[236] Аналогия уместна и применительно к требованиям действительности волеизъявления. Так, сообщение недееспособного либо неуполномоченного лица не должно порождать предусмотренный законом эффект. Пока специальных норм нет, разрешение этих вопросов зависит от судебного усмотрения и доктринального толкования.
Общее определение сделки позволяет, следовательно, различать в казахстанском праве сделки и сообщения, не направленные на юридический результат. Отсутствие специальных правил усложняет применение этого критерия. Природу акта суду приходится определять самостоятельно в каждом конкретном случае.
Здесь необходимо учесть уточнение, предложенное в современной доктрине. Правовое значение сделкоподобного сообщения не обязательно вытекает из закона. Его основанием могут служить иная норма права, принцип добросовестности или условия ранее заключенного договора. Во всех этих случаях последствия наступают независимо от того, стремился ли отправитель вызвать их полностью или хотя бы частично.[237] Это уточнение заслуживает поддержки. Иначе пришлось бы исключить из числа сделкоподобных сообщений те, значение которых определено договором сторон или вытекает из требования добросовестности. Оснований для иного режима у них отсутствуют. Прямая законодательная норма лишь одним из возможных оснований эффекта сообщения.
При близости односторонних сделок и сделкоподобных сообщений их правовые режимы различаются. Сделка порождает последствия, на которые направлено намерение лица, в пределах дозволенного правом. Сообщение имеет информационное или удостоверительное содержание. Предусмотренные законом либо договором последствия наступают в связи с его совершением, но не служит его самостоятельным основанием. Ошибка в квалификации влечет вполне определенные последствия. К акту могут без достаточного основания применить правила о недействительности, форме или сроках либо, напротив, отказать в их применении, что способно привести к неправильному разрешению спора.

1.3.3 Одностороннее волеизъявление и договор

1.3.3.1 Критерий разграничения

Пунктом 1 статьи [122] 378 ГК РК договор определяется как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Гражданский закон раскрывает договор через понятие соглашения. Близкое решение определено в [51] ст. II.-1:101 Модельных правил европейского частного права, согласно которому соглашение признается договором, когда направлено на возникновение обязывающего правоотношения либо иного правового эффекта.[238]
Для признания соглашения гражданско-правовым договором необходима его направленность на гражданско-правовые последствия[239]. Согласованная воля сторон должна быть направлена на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей в отношениях, регулируемых и защищаемые правом, в том числе юрисдикционными способами. Одного фактического согласия недостаточно.
Договор относится к гражданско-правовым сделкам, но требует волеизъявления каждой из его сторон. Обычно стороны выражают волю последовательно, а отдельные односторонние волеизъявления (такие как оферта и акцепт) в совокупности образуют «состав» договора, с которым и связывается его юридический эффект.
В германской доктрине одностороннюю сделку отличает достаточность одного волеизъявления для ее возникновения. Для многосторонней сделки, прежде всего договора, одного волеизъявления недостаточно.[240]
Критерий разграничения, таким образом сводится к числу волеизъявлений, необходимых для совершения сделки. Так, дарение, заем и безвозмездное пользование являются договорами, так как их заключение требует согласованной воли двух сторон, хотя обязанность возникает только у одной. Именно в последнем смысле договор называют односторонне обязывающим. Смешение этого признака с достаточностью одного волеизъявления приводит к ошибочной квалификации сделки.
Односторонне обязывающий договор необходимо отличать от односторонней сделки. Так, дарение [63] предполагает перемещение экономических благ лишь в пользу одной из сторон, без осуществления какого-либо встречного предоставления и возложения обязательств на другую сторону, это сделка двухсторонняя, так как ... она является договором и требует согласия как дарителя, так и одаряемого»[241]. С этой позиции неверно относить прощение долга к односторонним сделкам, хотя действующая редакция ст. 373 ГК РК допускает такое прочтение (подробнее см. ниже).

1.3.3.2 Пограничные случаи

Однако теоретическая определенность критерия еще не устраняет затруднений при квалификации. В литературе выделены пограничные случаи, в которых спорно, достаточно ли односторонней сделки или необходим договор.[242] Рассмотрим эти случаи с учетом казахстанского

регулирования.
Несколько лиц могут выступать на одной стороне, причем для правового эффекта требуется их однонаправленная воля. Например, супруги-сособственники вместе выдают третьему лицу доверенность на распоряжение общим имуществом, соарендодатели заявляют об отказе от аренды, а сонаниматели - от найма. Сохраняется ли односторонний характер сделки? Часть авторов обособляет такие действия как совместный акт (Gesamtakt), не относя его ни к договорам, ни к односторонним сделкам. Другая квалификация возможна, если считать стороны, а не волеизъявления: тогда сделка остается односторонней. В литературе признается, впрочем, что при таком подходе граница с договором становится менее отчетливой.[243]
Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева отвечают определеннее. Несколько лиц могут совершить одностороннюю сделку, поскольку их одинаковые по содержанию волеизъявления обращены к третьему лицу, а не друг к другу. Они параллельны, а не взаимны. Авторы иллюстрируют это согласием обоих родителей на сделку несовершеннолетнего и совместным заявлением супругов о зачете принадлежащего им требования.[244] При таком понимании «совместный акт» лишь описывает способ совершения сделки, не образуя отдельной категории между односторонней сделкой и договором.
В немецкой литературе предлагается отделять достаточность волеизъявлений для совершения сделки от требований ее действительности. Если отказ от договора заявляет один из двух арендодателей, эффект не возникает, поскольку право на отказ принадлежит им совместно.[245] Но это не делает сделку многосторонней. Управомоченной является одна сторона, образованная несколькими лицами, а второе волеизъявление необходимо для совершения сделки надлежащим субъектом.[246] Практика также требует при множественности арендодателей или арендаторов заявления отказа всеми и в отношении всех.[247] Единого доктринального объяснения, однако, нет. Х. Брокс и В.-Д. Валькер относят совместный отказ супругов-сонанимателей к Gesamtakte и, следовательно, к многосторонним сделкам.[248] Й. Нойнер считает такой единый акт осуществления общего секундарного права односторонней сделкой с позиции адресата, хотя признает наличие нескольких волеизъявлений.[249]
К. Ларенц и М. Вольф также называют совместным актом осуществление несколькими лицами общего преобразовательного права, сохраняя его одностороннюю квалификацию. Заявления здесь одинаковы по содержанию («я расторгаю»), направлены к одному результату и не встречаются друг с другом, как волеизъявления продавца и покупателя. Поэтому к совместному акту применимы специальные нормы об односторонних сделках, в том числе § 111 и 174 ГГУ.[250]
В нидерландской доктрине сходный результат достигается через разграничение внешней и внутренней связи совладельцев. Заключая договор с третьим лицом, они образуют одну сторону. Их предварительное согласование этой сделки рассматривается как совместное волеизъявление (Gesamtakt), сходное с решением большинства, но не как договор.[251]
Казахстанское гражданское законодательство содержит основание для того же решения. В пунктах 2 и 3 статьи 148 ГК РК речь идет о воле сторон, а не о числе лиц. Поэтому однонаправленные волеизъявления нескольких лиц, составляющих одну сторону, могут образовать одностороннюю сделку, для действительности которой необходима воля каждого.
Для общей совместной собственности требование о выражении воли всеми участниками более мягкое. Распоряжение требует их общего согласия, но такое согласие предполагается независимо от того, кто совершил сделку. Остальные участники могут оспорить ее из-за отсутствия полномочий лишь при доказанности того, что другая сторона [7] БЮА знала или заведомо должна была знать об этом.[252] Поэтому волеизъявление одного сособственника по общему правилу действует для всех. Воля остальных учитывается как условие действительности, защита которого ограничена недобросовестностью адресата, а не как условие самого совершения сделки. К вопросу о виде сделки она не относится.
Другая пограничная ситуация возникает при заключении сделки одним лицом от имени обеих либо от имени представляемого с самим собой. Фактически совершается одно действие. Юридически же оно выражает волю двух разных сторон, поэтому такая сделка является договором.[253]
Эта квалификация требует оговорки: сделка с самим собой может быть и односторонней. Немецкая доктрина считает термин «самоконтрагирование» слишком узким, поскольку представитель способен, например, от имени представляемого отказаться от договора, заключенного с ним самим.[254] Волеизъявление здесь одно, но конфликт интересов сохраняется. Казахстанский закон, кроме коммерческого представительства, запрещает представителю [107] совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично либо другого одновременно представляемого лица.[255] Поскольку запрет сформулирован для «сделок», а не для договоров, он, на наш взгляд, охватывает и односторонние сделки, адресованные самому представителю.
Отдельного рассмотрения требует вопрос об изменении или расторжении многостороннего договора большинством его участников. Пункт 1 статьи 401 ГК РК допускает отступления от соглашения всех сторон, если они предусмотрены Кодексом, другими законами или договором. Следовательно, договор трех и более сторон может разрешать изменение или расторжение большинством. Между согласившимися сторонами возникает договорное соглашение. Для несогласной стороны, однако, его эффект навязан извне, что сближает действие соглашения с интервентной односторонней сделкой.[256] В этой части оправданна аналогия с правилами об интервентных сделках. Последствия для несогласной стороны должны возникать с доступности ей сведений о соглашении, а допустимость отлагательных и отменительных условий должна ограничиваться теми же пределами.[257]
Даже развитая общая часть о сделках не устраняет потребности в такой корректировке. По п. 2 ст. 6:213 ГК Нидерландов договорные нормы, рассчитанные на двустороннюю модель, не распространяются на многосторонний договор постольку, поскольку их назначение с учетом природы договора этому препятствует.[258] Сходную оговорку содержит п. 3 ст. 378 ГК РК: [41] общие положения о договоре применяются к многосторонним договорам, [118] если это не противоречит их многостороннему характеру.[259] Ее телеологическое толкование ведет к тому же результату: правила, предполагающие согласие всех, нельзя без изменений применять к стороне, не участвовавшей в изменении договора. Действие соглашения большинства в отношении нее следует оценивать по правилам об интервентных сделках.
Возможен и обратный выбор, когда обладатель права на одностороннюю сделку предпочитает соглашение. Вместо одностороннего отказа от исполнения договора по правилам ст. 404 ГК РК он может направить проект соглашения о расторжении или вместо заявления о зачете по правилам п. 1 ст. 370 ГК РК направить предложение заключить соглашение о зачете. Направленность воли здесь иная и правовой эффект поставлен в зависимость от согласия контрагента. Поэтому перед нами оферта, к которой применяются общие правила заключения договора. До ее принятия обязательства не прекращаются. Если ответа нет или предложение отклонено, оферент сохраняет возможность впоследствии осуществить свое одностороннее право.[260]
Выбор соглашения не отменяет всех правил о допустимости и содержании соответствующей односторонней сделки. Отпадают лишь ограничения, утратившие при согласовании смысл. Например, требование наступившего срока встречного требования и запрет зачета при истекшей исковой давности защищают адресата от погашения долга помимо его воли. Если же адресат сам согласился на зачет, такая защита

ему уже не требуется.[261]
В германском праве соглашение о зачете прямо не урегулировано ГГУ, но допускается на основании свободы договора. Стороны вправе отступить от законных предпосылок одностороннего зачета, включая встречность требований.[262] Однако ограничения в интересах адресата необходимо отличать от запретов, защищающих публичный интерес или особо уязвимого кредитора. Последние, на наш взгляд, должны сохраняться и при соглашении. Это относится к требованиям о возмещении вреда жизни или здоровью и об алиментах. Иначе более сильная сторона могла бы добиться их обхода, вынудив кредитора согласиться на зачет.
Еще один случай связан с молчанием адресата. Закон, обычай либо предшествующее соглашение могут придавать ему правовое значение после получения чужого волеизъявления. Возможны два объяснения. Либо молчание составляет внешнее условие эффекта односторонней сделки, либо полученное заявление является офертой, а молчание - акцептом. Второе объяснение представляется более убедительным.[263] Ему соответствует п. 2 ст. 396 ГК РК. По общему правилу молчание не является акцептом, но исключения следуют из закона, обычая делового оборота или прежних деловых отношений. В этих исключениях молчание учитывается именно как элемент договора.
Такое понимание согласуется с европейскими подходами. Обзор, подготовленный при разработке Принципов европейского договорного права, показывает практически повсеместное отрицание акцепта одним молчанием. Исключения связываются с заранее выраженным адресатом значением его молчания, обычаями или практикой отношений сторон.[264] Пункт 2 статьи 396 ГК РК следует той же модели. Это дает дополнительное основание квалифицировать молчание в предусмотренных исключениях как акцепт, а не условие, внешнее по отношению к односторонней сделке.
Это различие видно на примере гарантии и поручительства. По пункту 1 статьи 331 ГК РК они возникают из договоров. Пункт 3 той же статьи считает письменную форму соблюденной, если гарант или поручитель письменно уведомил кредитора о своей ответственности за исполнение должником обязательства, а кредитор не отклонил предложение в течение нормально необходимого времени. Активного действия кредитора может не быть, но возникает именно договор: молчание приравнено к согласию. В Принципах УНИДРУА предложение стать поручителем либо гарантом за должника адресата также служит примером возможного акцепта молчанием, поскольку договор заключается исключительно в пользу адресата. Основанием для такого вывода выступает п. 2 ст. 5.1.9 Принципов, применяемый непосредственно либо по аналогии.[265]
В России независимая гарантия по общему правилу возникает из односторонней сделки. Гарант, однако, может обусловить ее вступление в силу подтверждением бенефициара; до такого подтверждения гарантии нет.[266]
Договорное объяснение имеет сторонников и в российской доктрине. Возражая Пленуму ВАС РФ, Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева указывали на невозможность навязать бенефициару право помимо его воли. Отсюда они выводили договорную природу банковской гарантии - соглашения гаранта с кредитором по обеспеченному обязательству.[267] К этому пониманию ближе казахстанская модель договора с упрощенным акцептом.
Для германского права поручительство - консенсуальный договор. Поскольку выгоду из него извлекает только кредитор, акцепт предложения поручителя часто выражается конклюдентно и не доводится до поручителя.[268]
Практический результат сходен: обязанность гаранта или поручителя может возникнуть без активного действия кредитора. Различается объяснение. Казахстанское и германское право видят здесь договор с упрощенным акцептом, российское - одностороннюю сделку.
Более спорна квалификация прощения долга - следующего пограничного случая. До 2017 года пункт 1 статьи 506 ГК РК относил к предмету договора дарения наряду с передачей вещи или имущественного права и освобождением одаряемого от имущественной обязанности перед третьим лицом также освобождение его от имущественной обязанности перед самим дарителем, то есть прощение долга. Это указание было исключено из закона в 2017 году.[269] По статье 373 ГК РК кредитор освобождает должника от обязанностей, прекращая обязательство, при условии ненарушения прав других лиц в отношении имущества кредитора. Необходимость воли должника статья не оговаривает. В постатейном комментарии к ГК РК прощение долга приводится в качестве примера односторонней сделки.[270] Так же оно квалифицируется в академическом курсе гражданского права[271] и в лекции Д.А. Братуся, который, впрочем, упоминает и высказанное в литературе мнение о прощении долга как одном из видов договора дарения.[272]
В рассмотренных правопорядках обнаруживаются три подхода к природе прощения долга.
Первый подход последовательно договорный. В германском праве действует договорная конструкция: для прощения долга необходимо соглашение кредитора и должника (§ 397 BGB). Односторонний отказ от обязательственного требования не допускается. Составители Уложения даже сочли ненужной особую оговорку о бессилии отказа кредитора, не принятого должником.[273] Допустим и конклюдентный договор, но освобождение от доведения акцепта до кредитора не должно, как подчеркивает доктрина, фактически обращать прощение в одностороннюю сделку.[274]
Требование согласия должника сохраняется и в швейцарском праве. В отличие от собственности, от обязательственного требования кредитор не может отказаться односторонне. Согласие должника, правда, допускается выразить молчанием, поскольку прощение отвечает его интересу.[275]
После реформы 2016 года ст. 1350 Французского гражданского кодекса прямо называет прощение долга договором об освобождении должника от обязательства. Выбор остается за должником: принять освобождение или сохранить долг.[276] Французская доктрина объясняет это двусторонней природой обязательственной связи, прекратить которую может лишь соглашение связанных ею лиц.[277]
При втором подходе прощение также остается договором, но согласие должника выражается в упрощенном порядке.
Так устроено регулирование в Нидерландах. Прощение долга, подобно дарению, является двусторонней сделкой: принимать выгоду против воли никто не обязан. Но безвозмездное предложение считается принятым, если должник, узнав о нем, не отклонил его незамедлительно (п. 2 ст. 6:160 ГК Нидерландов).[278] Отдельное заявление о принятии не нужно. Нидерландская доктрина сопоставляет это решение со ст. 1333 Гражданского кодекса Италии и ст. 5.1.9 Принципов УНИДРУА.[279]
Статья 5.1.9 Принципов УНИДРУА также требует соглашения с должником для отказа от права - возмездного или безвозмездного. Если предложение безвозмездно, оно считается принятым при отсутствии отклонения без промедления после того, как должник о нем узнал.[280]
Итальянское право представляет третий подход - рецептивную одностороннюю сделку. С сообщением должнику заявления кредитора обязательство прекращается, но должник может в разумный срок отказаться воспользоваться освобождением (ст. 1236 Гражданского кодекса Италии).[281] Прежнюю договорную концепцию молчаливого акцепта доктрина отвергает как противоречащую тексту кодекса. Право отказа должника объясняется общим принципом: вторжение в чужую правовую сферу допустимо лишь с благоприятным для нее эффектом и при сохранении возможности его отвергнуть.[282]
В 2015 году российский законодатель закрепил решение, близкое к итальянскому. Доставка должнику заявления кредитора прекращает долг, если должник не возразит в разумный срок. Как отмечается в литературе, такое решение не разрешило, а обострило спор о природе прощения

долга, и Верховный Суд Российской Федерации в итоге поддержал договорную концепцию, усмотрев здесь договор, заключаемый посредством оферты, акцептуемой молчанием должника, с ретроактивным эффектом.[283] Если же кредитор направляет должнику обычную оферту о заключении соглашения о прощении долга либо инициатором выступает сам должник, применяются общие правила о заключении договора и требуется прямо выраженное согласие.[284]

У такого прочтения Верховным Судом РФ есть и более раннее доктринальное основание. Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева называли ошибочным взгляд на прощение долга как на одностороннюю сделку кредитора: навязать должнику непрошеную имущественную выгоду в виде освобождения от долга невозможно по той же причине, по какой невозможно навязать ему право.[285] Н.В. Резанов, не предрешая квалификации прощения долга, обращает внимание на то же обстоятельство: не всякая на первый взгляд благоприятная для адресата сделка является для него неинтервентной.[286]

При различии конструкций все рассмотренные системы оставляют должнику возможность отказаться от прощения. Там, где прямо выраженное согласие не требуется, его автономию защищает право отвергнуть освобождение. Статья 373 ГК РК такой возможности не предусматривает. После исключения прощения из предмета дарения нельзя обратиться и к правилам о дарении. Поэтому действующий текст допускает квалификацию прощения как односторонней сделки, безусловно навязывающей эффект должнику. Аналога этому решению среди рассмотренных правопорядков нет.

Практическое последствие такой квалификации видно на следующем примере. Лицо, которому в силу статьи 509 ГК РК не допускается делать подарки, приобретает жилой дом, оплачивает часть цены, а через некоторое время продавец сообщает ему о прощении оставшегося долга. Если признать прощение односторонним, согласие приобретателя на выгоду становится безразличным. Это позволяет фактически обойти запрет дарения. Если в отношении государственных служащих подобные действия могут быть пресечены в публично-правовом порядке на основании законодательства о противодействии коррупции, то в отношении иных БЮА лиц, указанных в подпункте 2) пункта 1 статьи 509 ГК РК, соответствующих механизмов нет.

Поэтому предлагаем вернуть в пункт 1 статьи 506 ГК РК освобождение одаряемого от имущественной обязанности перед дарителем как разновидность предмета дарения. Статью 373 ГК РК следует дополнить требованием согласия должника, изложив ее так: «БЮА Обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей при согласии должника, БЮА если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора».

К пограничным случаям относится и публичное обещание вознаграждения. Господствующий сегодня в германском праве взгляд признает публичное обещание награды односторонней сделкой. Получение волеизъявления не требуется: оно обращено к неопределенному кругу лиц.[287] Право на награду возникает у совершившего предусмотренное действие и тогда, когда он не руководствовался объявлением или вовсе о нем не знал.[288]

В казахстанском законе публичное обещание вознаграждения построено как конкурс. Обязательство возникает перед лицом, признанным победителем в соответствии с условиями конкурса (п. 1 ст. 911 ГК РК), а при отказе от обещания объявивший о вознаграждении возмещает «отозвавшемуся лицу» расходы, понесенные БЮА им в связи с совершением предусмотренного объявлением действия (п. 2 ст. 912 ГК РК). Использование той же формулы, что и в определении публичной оферты как предложения заключить договор «с любым, кто отзовется» (п. 5 ст. 395 ГК РК)[289], сближает публичное обещание вознаграждения с офертой. Тем не менее предпочтительной представляется квалификация публичного обещания вознаграждения в качестве односторонней сделки. Обязанность обещавшего основана на его публичном волеизъявлении. Выполнение же участником предусмотренных действий составляет юридический факт возникновения права на награду, а не принятие оферты.

Наконец, необходимо рассмотреть обязательное заключение договора. Если сторона, для которой в соответствии с законом БЮА заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор, а условия, БЮА по которым у сторон имелись разногласия, определяются в соответствии с решением суда (п. 4 ст. 399, ст. 400 ГК РК). В этом случае договор возникает помимо воли обязанной стороны. Ее волеизъявление замещается судебным решением. Тем не менее закон говорит здесь о заключении именно договора, а не об односторонней сделке управомоченной стороны, вступающей в силу вместе с решением суда. Этот парадокс, как признается в литературе, требует самостоятельного доктринального осмысления.[290] Договорную квалификацию, на наш взгляд, следует сохранить. Судебное решение восполняет волеизъявление обязанной стороны, сохраняя структуру соглашения двух сторон. Для односторонней сделки потребности в воле адресата не возникало бы.

Основание для такого прочтения дает и сравнительное право. В германском праве обязанность заключить договор (Kontrahierungszwang) реализуется по общим правилам о заключении договора: управомоченное лицо направляет обязанному оферту, а если стороны не достигают согласия, договор считается заключенным со вступлением в силу решения суда, которым обязанная сторона присуждена к выражению воли (§ 894 ГПК Германии).[291] Решение суда здесь замещает недостающее волеизъявление обязанной стороны, а не создает одностороннюю сделку управомоченного лица. Так, по нашему мнению, следует понимать и казахстанское понуждение к заключению договора. Требование согласованной воли сохраняется, а суд замещает волеизъявление той стороны, которая обязана была его совершить.

1.3.3.3 Оферта и акцепт

Оферта и акцепт требуют самостоятельного рассмотрения при разграничении договора и одностороннего волеизъявления. Каждый акт совершается одним лицом. При этом собственные правовые последствия возникают еще до заключения договора, и их природу необходимо объяснить.

Будучи рецептивным волеизъявлением, оферта связывает оферента с момента доставки адресату. У последнего возникает секундарное (преобразовательное) право заключить договор своим волеизъявлением. На протяжении срока для акцепта оферент остается в неопределенности: поступивший своевременно акцепт заключает договор. Поэтому эффект оферты существует независимо от того, будет ли она принята.[292]

Однако признание за адресатом секундарного права разделяют не все. Ранее этот взгляд господствовал в немецкой доктрине, теперь преобладает противоположный. Преобразовательное право предполагает возможность воздействовать на уже существующее правоотношение, адресат же оферты лишь вправе его создать, а потому обладает не преобразовательным правом, а иной правовой позицией, которую называют «правом реакции». Принятие оферты при этом составляет лишь часть правообразующего фактического состава договора, а связанность оферента служит техническим средством, облегчающим его заключение.[293] Практического значения этот спор почти не имеет.[294] Для казахстанского права существенно другое. Оферта связывает направившее ее лицо с момента получения адресатом и в течение срока для акцепта не может быть отозвана, БЮА если иное не оговорено в самой оферте либо не вытекает из существа предложения или обстановки, в

которой оно было сделано.[295] Следовательно, для обоснования связанности не требуется признавать оферту самостоятельной сделкой, так как связанность прямо предусмотрена законом.

В пользу односторонней сделочной природы оферты обычно приводят именно самостоятельность ее эффекта. Тогда договор объясняется как результат двух последовательно совершенных односторонних сделок - оферты и акцепта. Но существует и иной взгляд, согласно которому оферта является особым волеизъявлением в фактическом составе договора, а не самостоятельной сделкой.[296]

Эту позицию придерживаются и последовательно обосновывают также Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева, которые пишут: «Стороны договора желают вызвать соответствующее его содержанию правовое последствие не изолированно друг от друга, а в связи с волеизъявлением другой стороны. Поэтому каждое из входящих в договор волеизъявлений, взятое само по себе, не есть односторонняя сделка».[297] Авторы выводят отсюда практическое следствие для договора несовершеннолетнего без необходимого согласия законного представителя. Волеизъявление несовершеннолетнего не утрачивает силу как недействительная односторонняя сделка и законный представитель может одобрить его в совокупности с волеизъявлением контрагента.[298] Тот же взгляд господствует в германской литературе, согласно которой оферта представляет собой лишь часть сделки-договора, правовые последствия которого наступают только с завершением его фактического состава, а потому правила об односторонних сделках к ней не применяются.[299] Из этого, в частности, выводится, что правило о ничтожности сделки, нарушающей законодательный запрет, к самой оферте не применяется и закон лишает действия не волеизъявление, направленное на сделку, а саму сделку.[300]

Доктринальный спор сводится к тому, что оферту признают односторонней сделкой, но этому взгляду противопоставляют понимание оферты и акцепта как несамостоятельных элементов: вне заключения договора их правовой эффект самостоятельного значения не имеет.[301] Нидерландская доктрина, напротив, прямо квалифицирует оферту как одностороннюю адресованную сделку (eenzijdige gerichte rechtshandeling), которая до принятия может быть самостоятельно ничтожной или оспоримой. Акцепт также допустимо так называть, однако с оговоркой о малой значимости такой квалификации, поскольку с получением акцепт сразу растворяется в заключенном договоре как многосторонней сделке.[302]

В австрийской доктрине договор образуется соединением двух рецептивных односторонних волеизъявлений - оферты и акцепта. Такое объяснение представляется предпочтительным. Оно сохраняет договорную природу результата и одновременно объясняет применимость к обоим актам правил о доставке, моменте правового эффекта и отзыве одностороннего волеизъявления.[303]

Собственный режим оферты и акцепта особенно заметен при отзыве. Заявление об отмене оферты препятствует ее действию, если доставлено раньше нее или одновременно с ней. Полученная оферта по общему правилу безотзывна в течение срока для акцепта. Для акцепта действует сходное решение: он считается неполученным, когда извещение об отзыве поступило оференту до акцепта или вместе с ним. Здесь применен общий режим отзыва рецептивного волеизъявления, рассматриваемый в подразделе 3.3.[304]

Международные своды предлагают иной режим отзыва в отличие от ГК РК. Принципы европейского договорного права, как и Венская конвенция, различают изъятие оферты, еще не вступившей в силу, которое возможно, если извещение поступило адресату не позднее самой оферты, и отзыв оферты, уже вступившей в силу, допускаемый до отправки акцепта, если оферта не является безотзывной.[305] ГК РК, напротив, следует континентальной модели связанности и согласно нему полученная оферта безотзывна в течение срока для акцепта, если иное не оговорено в ней самой (п. 3 ст. 395 ГК РК). Режим оферты в ГК РК согласуется с разграничением, выработанным в работе для рецептивных волеизъявлений в целом. До получения оферты акцептантом отзыв допустим. После получения отзыв по общему правилу исключен, если само волеизъявление не предусматривает иного.

Оферту и акцепт, на наш взгляд, следует считать элементарными сделочными волеизъявлениями в составе договора. Самостоятельными сделками они не являются так как договорный фактический состав завершается только с поступлением акцепта.[306] Иная квалификация дана в академическом курсе гражданского права под редакцией М.К. Сулейменова и Ю.Г. Басина, где оферта и акцепт названы односторонними сделками;[307] по изложенным причинам согласиться с ней нельзя. Вместе с тем каждое из них порождает собственный правовой эффект неполного фактического состава: оферта связывает оферента и предоставляет адресату секундарное право ввести договор в действие, а акцепт, поступив к оференту, этот состав завершает. Общие положения о сделках применимы к ним по аналогии закона, с учетом их существа, а не непосредственно как к самостоятельным сделкам. Так, оферта, ожидающая акцепта, может быть оспорена по правилам об оспаривании сделок на основании аналогии закона. Оферта может быть поставлена под условие, тогда как акцепт по воле акцептанта поставить под условие нельзя, поскольку ответ на иных условиях является отказом от оферты и новой офертой (п. 4 ст. 397 ГК РК).[308]

Признание за офертой и акцептом природы рецептивных волеизъявлений объясняет и применение к ним правил о моменте получения и об отзыве (ст. 395-397 ГК РК). Тот же подход, как будет показано ниже, применим и к акту голосования при принятии решения собрания.

Для акцепта действиями необходима оговорка. По казахстанскому гражданскому законодательству совершение лицом, получившим оферту, в срок для БЮА акцепта действий по выполнению указанных в ней условий договора БЮА считается акцептом, если иное не предусмотрено законодательством или не указано в оферте.[309] Такой акцепт оференту не сообщается и правила о получении волеизъявления к нему неприменимы. В российском праве этот вопрос решается иначе. При акцепте оферты конклюдентными действиями договор по общему правилу считается заключенным с момента, когда оферент узнал о том, что акцептант приступил к исполнению или совершил иные действия, явственно выражающие согласие вступить в договор, если в оферте не предусмотрено иное.[310] Тем самым российская практика сохраняет за таким акцептом рецептивный характер, тогда как казахстанский закон не связывает его эффект с осведомленностью оферента. Германская доктрина, рассматривающая сходную ситуацию, исходит из того, что и в этом случае налицо конклюдентное волеизъявление, к которому применяются требования о дееспособности и правила о пороках воли, за исключением требования о доставке и толкования с позиции получателя.[311] Поэтому общие положения о сделках применяются к элементам договорного фактического состава избирательно, с учетом их существа. Письменный акцепт подчинен им полностью; для акцепта действиями исключаются нормы о доставке.

Следовательно, для разграничения договора и односторонней сделки нужно установить число сторон, чья воля необходима для правового эффекта (п. 2 и 3 ст. 148 ГК РК). Название сделки, количество лиц и распределение обязанностей сами по себе ответа не дают. Сделка нескольких лиц с однонаправленной волей остается односторонней. Сделка, совершаемая одним лицом от имени двух сторон, является договором. В пограничных случаях решающее значение имеет то, ставит ли закон или соглашение правовой эффект в зависимость от воли адресата, пусть даже выраженной молчанием или предполагаемой. Если ставит, перед нами договор (гарантия и поручительство по ст. 331 ГК РК, молчание как акцепт по п. 2 ст. 396 ГК РК). Если нет, то мы имеем дело с односторонней сделкой. При этом квалификация не исчерпывает вопроса о правовом режиме. Так, договор, навязывающий правовой эффект несогласной стороне, подчиняется по аналогии правилам об интервентных односторонних сделках, а соглашение, заключенное вместо односторонней сделки, освобождается от тех ее ограничений, которые установлены в интересах адресата. Наиболее острым для казахстанского права остается вопрос о прощении долга. В отличие от всех рассмотренных правопорядков, действующая редакция статьи 373 ГК РК не обеспечивает должнику возможности отказаться от освобождения,

что и обусловливает предложенные изменения статей 373 и 506 ГК РК.

1.3.4 Одностороннее волеизъявление и решение собраний

Решения собраний (решения коллегиальных органов или общего собрания участников) - особый феномен гражданского права. По своей сути решение собрания является юридическим актом, сформированным совместно несколькими лицами в порядке голосования. Возникает вопрос: можно ли считать решение собрания разновидностью многосторонней сделки, в том числе договора, или даже односторонней сделки особого рода, либо его следует выделять как самостоятельный юридический факт с особым режимом? Проблема носит не только теоретический характер, но и практический: от квалификации зависит, применимы ли к решениям собраний нормы о сделках (включая основания недействительности) и каким образом оспаривать такие решения.

Правовой природе решений собраний посвящено достаточно исследований, в которых как обосновывается, так и отрицается их сделочная природа. Соглашаясь с позицией ряда исследователей, следует отметить, что, определяя сделочную природу решений собраний, необходимо учитывать, что речь идет не только о коллегиальных органах уже существующего юридического лица, но и о других коллективных образованиях, не являющихся юридическими лицами, но решения которых способны породить, изменить или прекратить гражданские права и обязанности. И в этой части разумнее говорить о таких собраниях как о неких коллективных квазисубъектах, волеизъявление которых способно породить правовой эффект, если оно выражено в специальной форме с соблюдением специальных процедур и формализовано в решении как акте выражения коллективной компромиссной воли. В казахстанской доктрине не принято говорить о решениях собраний как о сделке в связи с отсутствием согласованности воли всех участников собрания. Известно, что такие решения принимаются большинством голосов (абсолютным или квалифицированным), а не общим согласованным волеизъявлением. А так как формально-юридически сделка бывает либо односторонней, либо договором, то сложно такие решения «вписать» в конструкцию сделки.

Однако нельзя отрицать определенное сходство таких решений со сделкой. Такие решения представляют собой сообщение воли коллективного (или фиктивного) субъекта, соответственно, они выступают особой формой волеизъявления. Они порождают правовой эффект в виде создания, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей и чаще всего выступают неким «допуском» для реализации гражданских прав посредством совершения других сделок. Можно даже провести аналогию таких решений с различного рода согласиями, также порождающими эффект в виде права совершения другой сделки.

На сегодняшний день нельзя не признать неактуальность советского подхода, рассматривавшего решения собраний как локальные нормативные акты юридического лица,[312] ибо концепция юридического лица значительно реформировалась в условиях рыночной экономики и уже давно не сводится к характерным для советского времени представлениям о кооперативных и общественных организациях как о звеньях всеобъемлющей системы органов управления.[313] Тем самым отрицание сделочной природы решений общих собраний в пользу их нормативной природы не представляется обоснованным, тем более что к таковым относятся не только решения коллегиальных органов юридического лица, но и других гражданских сообществ, не являющихся ни юридическими лицами, ни коллегиальными органами юридических лиц.

Не вдаваясь в аргументы сторонников теории о волеобразовательной природе решений собраний, а не волеизъявительной, которые считают, что решения собраний являются скорее сделкоподобным действием, а не сделкой, так как образуют волю, а не сообщают ее,[314] следует отметить, что представляется интересной позиция Д.В. Новака о сделочной природе таких решений, который указывает, что «решение собрания, как и сделка, достигает определенного правового результата и содержит направленную на этот результат волю частных лиц».[315] С точки зрения теории сделок, решению собрания свойственно участие множества лиц, что роднит его с многосторонней сделкой. Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева прямо относят решения объединений лиц к категории многосторонних сделок наряду с договорами.[316] В их понимании множественность воль (волеизъявления нескольких участников) сближает решения с договорами и позволяет относить их к многосторонним сделкам. Так же поступают Х. Брокс и В. Валькер, относящие решения наряду с договорами и совместными актами (Gesamtakte) к многосторонним сделкам, то есть к сделкам, содержащим волеизъявления нескольких лиц.[317]

Однако по своей природе решения собраний существенно отличаются от двустороннего договора. Во-первых, при голосовании нет согласования воль между сторонами в классическом смысле - участники голосуют «за» или «против» некоторого предложения, а правовой результат наступает не в силу встречного принятия обязательств друг перед другом, а в силу процедуры и большинства голосов.[318] Как отмечается в германской и российской доктрине, голоса участников однонаправленны: они подаются параллельно и адресуются не друг другу, а лицу, ведущему собрание. В отличие от договора, где воля сторон взаимна и адресована друг другу («я продаю» - «я покупаю»), в решении собрания каждый голосует по вопросу, и эти волеизъявления складываются в единое решение.[319] Таким образом, отсутствует элемент встречного согласования воли, характерный для договора. Например, когда общее собрание акционеров принимает решение о реорганизации общества, акционеры не вступают друг с другом в договор об этом - они лишь в совокупности выражают корпоративную волю, которая станет обязательной для всех в силу закона и устава. В германской литературе по акционерному праву в этой связи подчеркивается, что голосование, лежащее в основании решения, не направлено на достижение консенсуса, а потому о договоре здесь речь не идет.[320] Иную позицию занимают Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева: по их мнению, голосующие изъявляют волю со значением «да» или «нет» в качестве разных сторон сделки, обращаясь к лицу, проводящему голосование, как к представителю каждой другой стороны, поэтому их волеизъявления, вопреки мнению А. фон Тура и Х. Брокса, параллельными не являются.[321]

Во-вторых, принцип равенства сторон, присущий договорам, в решениях собраний модифицируется принципом большинства голосов.[322] Если договор основывается на консенсусе всех его сторон, то решение собрания может быть принято даже при несогласии части участников (по установленным правилам кворума и большинства). Тем самым воля меньшинства может быть подавлена большинством - что было бы недопустимо в договоре, но нормально для решения. Это еще один признак, отличающий решение собрания: его юридическая сила обусловлена соблюдением процедуры и получением требуемого большинства, а не согласием всех вовлеченных лиц. В германском праве решение, принятое необходимым большинством, связывает и тех участников, которые голосовали против. Так, при принятии решения общим собранием членов союза по общему правилу учитывается большинство поданных голосов (предл. 3 абз. 1 § 32 BGB).[323]

Вместе с тем отрицание договорной природы решения собрания не выводит его за пределы категории сделки. А.Г. Карапетов отмечает, что российская судебная практика вслед за германским правом обоснованно относит решения собраний к сделкам, которые, как и договоры, в большинстве случаев совершаются посредством волеизъявлений нескольких лиц.[324] Сложнее вопрос о месте решения собрания в делении сделок на односторонние и договоры. Решение единственного участника сообщества является односторонней сделкой, единогласное решение всех участников практически неотличимо от договора, а решение, принятое большинством при наличии голосовавших «против» или не участвовавших в голосовании, сочетает признаки договора между теми, кто голосовал «за», и интервентной односторонней сделки по

отношению к меньшинству, которое претерпевает правовой эффект помимо своей воли. Отсюда два возможных взгляда: 1) решение собрания можно рассматривать либо как сделку, которая в зависимости от ситуации принимает форму односторонней сделки, договора или договора с действием в отношении третьих лиц; 2) либо как особую сделку, способную приобретать черты то одной, то другой конструкции; при этом, как подчеркивается в комментарии, практического значения выбор между этими взглядами не имеет.[325]

В российской доктрине Е.А. Суханов, отмечая, что гражданско-правовая природа актов голосования участников юридических лиц и самих решений общих собраний сомнению не подлежит, подчеркивал организационно-имущественный характер таких волевых актов и допускал выделение наряду с традиционными имущественными сделками особой категории корпоративных сделок.[326]

Н.В. Резанов, анализируя пандектную модель регулирования, отмечает, что она оперирует абстрактной категорией сделки, охватывающей одновременно односторонние сделки, договоры и решения собраний, и напоминает, что уже Э. Беккер различал сделки, состоящие из одного волеизъявления (односторонние), и сделки из двух или более волеизъявлений (двух- и многосторонние).[327]

Тем самым следует подчеркнуть сделочную природу решений собраний. Сторонники сделочной теории решений собраний в свою очередь разделились на три группы. Первая группа склоняется к признанию договорной природы такой сделки,[328] упуская из виду (как уже отмечалось выше) отсутствие согласования всех участников (членов) собрания. Вторая группа считает, что решения собраний представляют собой третью разновидность сделки - многостороннюю сделку,[329] не являющуюся договором. Третья группа аргументирует односторонний характер такого специфического волеизъявления, как решение собрания.[330] Так, Д.В. Новак пишет, что «односторонний характер определяется именно сонаправленностью волеизъявлений лиц, принимающих решение собрания, и общностью их прав и обязанностей, порождаемых этим решением, что и отличает такую сделку от договора».[331] Сходную идею в германской литературе развивает В. Эрнст, рассматривающий решение как правовой акт собрания в целом, а не только проголосовавшего за него большинства, и приходящий к выводу о решении как самостоятельном одностороннем правовом акте. Д. Леенен возражает, что о сделке можно говорить лишь тогда, когда решение создается одним или несколькими волеизъявлениями.[332]

Представляется, однако, что квалификация решения собрания в качестве односторонней сделки затушевывает его главную особенность - формирование воли большинством при наличии несогласных участников, на которых правовой эффект распространяется помимо их воли. Решение собрания следует рассматривать как особый вид сделки, а не как юридический факт sui generis: оно содержит направленную на правовой эффект волю, выраженную вовне в установленной процедуре, и порождает гражданско-правовые последствия, а от договора отличается лишь способом формирования воли - по принципу большинства и путем однонаправленных, а не встречных волеизъявлений. Голоса участников являются при этом не самостоятельными сделками, а сделочными волеизъявлениями, входящими в фактический состав решения, подобно тому как оферта и акцепт входят в фактический состав договора: если необходимое число голосов «за» не набрано, фактический состав не накопился и решение не принято.[333]

Отсюда следует, что к самому решению как к особому виду сделки общие положения о сделках применяются непосредственно, но субсидиарно - в части, не урегулированной специальными корпоративными нормами и не противоречащей существу решения, а к отдельному голосу, который самостоятельной сделкой не является, - по аналогии закона и с учетом его места в составе решения. Важнейшее практическое следствие такого подхода - возможность оспорить отдельный акт голосования. Российская судебная практика допускает оспаривание голоса участника по правилам об оспаривании сделок, применяемым по аналогии, причем и тогда, когда аннулирование голоса не влечет аннулирования решения.[334] Если исключение оспоренного голоса снижает число голосов «за» ниже необходимого, недействительным оказывается и само решение; если нет, решение сохраняет силу, а аннулируется лишь отдельный голос. Последнее может иметь для участника самостоятельное значение. Так, по казахстанскому праву требовать выкупа своих акций вправе акционер, голосовавший против решения о реорганизации общества, а при принятии решения о внесении в устав изменений, ограничивающих права по его акциям, - акционер, не участвовавший в собрании или голосовавший против.[335] Акционер, проголосовавший «за» под влиянием обмана со стороны органов общества, без возможности оспорить свой голос этого права был бы лишен, даже если остальные участники его не поддержат. Поэтому представляется обоснованным признать за участником право оспорить свой голос по основаниям, предусмотренным пп. 8 и 9 ст. 159 ГК РК, применяемым по аналогии закона.

В нидерландском праве прямо связан режим отдельного голоса с режимом односторонней сделки. Согласно п. 1 ст. 2:13 ГК Нидерландов (BW) голос, поданный при принятии корпоративного решения, ничтожен во всех случаях, в которых была бы ничтожна односторонняя сделка, однако правила об оспоримости (vernietigbaarheid) к нему не применяются: отдельный голос нельзя оспорить, например, по мотиву заблуждения или обмана.[336]

В гражданских кодексах постсоветских стран исторически не было прямых норм о решениях собраний как об особых юридических актах. В германском праве порядок принятия решений общего собрания акционеров и последствия их пороков (ничтожность и оспоримость) урегулированы специальным законом (§§ 118 и сл., 241-249 AktG).[337] В ГК РК специальных статей об общих собраниях нет, но соответствующие нормы содержатся в акционерном и хозяйственном законодательстве.

Российское право сделало шаг к унификации: в 2013 г. в ГК РФ появилась гл. 9.1 с общими правилами о решениях собраний любых гражданско-правовых сообществ. Аналогов такого общего регулирования в кодификациях большинства развитых стран нет.[338] Нормы этой главы применяются субсидиарно, в той части, в которой вопрос не урегулирован специальными законами, например законами об акционерных обществах и об обществах с ограниченной ответственностью.[339]

Не случайно Д.В. Новак, ссылаясь на В.В. Витрянского, пишет, что нормы гл. 9.1 ГК РФ рассчитаны на все случаи, когда закон связывает с принятием решения собрания (определенного гражданско-правового сообщества) «наступление гражданско-правовых последствий, в том числе на ситуации, когда законодательство, регулирующее соответствующие правоотношения, вовсе не содержит правил о порядке принятия и оспаривания таких решений».[340] Сам В.В. Витрянский допускает распространение этих норм и на решения тех гражданских сообществ, которые в законодательстве пока не упоминаются.[341]

Прямой отсылки к общим положениям о сделках гл. 9.1 не содержит. Однако правила о недействительности решений построены по модели сделок: решения собраний, как и сделки, делятся на оспоримые и ничтожные.[342] В доктрине и в практике Верховного Суда РФ решение собрания квалифицируется как особый вид сделки. Поэтому к нему субсидиарно применяются общие положения о сделках и об их недействительности. Это возможно лишь в той части, в которой отношения не урегулированы специальными правилами о решениях собраний и в которой такое применение не противоречит существу решения.[343]

Общим правилом является оспоримость. Решение, принятое с нарушением требований закона, может быть признано недействительным судом. Прежде всего это касается существенного нарушения порядка принятия решения о проведении, порядка подготовки и проведения заседания или заочного голосования, а также порядка принятия решений, влияющего на волеизъявление участников, а также нарушения равенства их прав.[344] Ничтожность составляет исключение и наступает в случаях, прямо названных в законе. Ничтожны решения, принятые по вопросу,

не включенному в повестку дня, при отсутствии кворума, по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания, а также противоречащие основам правопорядка или нравственности.[345] Решение, содержание которого нарушает императивную норму закона, в этом перечне не названо, и по буквальному смыслу п. 1 ст. 181.3 и п. 1 ст. 181.4 ГК РФ оно было бы лишь оспоримым. В доктрине, однако, предлагается считать такое решение ничтожным на основании п. 3 ст. 181.5 ГК РФ, поскольку принятие решения с незаконным содержанием не входит в компетенцию собрания; из ничтожности незаконного положения решения в основном исходит и практика ВС РФ.[346] В разных правопорядках этот вопрос решается по-разному. В нидерландском праве решение органа юридического лица, противоречащее закону или уставу, по общему правилу ничтожно (п. 1 ст. 2:14 BW), тогда как нарушение правил о порядке принятия решений влечет лишь его оспоримость (подп. «а» п. 1 ст. 2:15 BW).[347] В германском акционерном праве, напротив, основания ничтожности решений общего собрания исчерпывающе перечислены в § 241 AktG, а иные незаконные решения лишь оспоримы (§ 243 AktG).[348]

В российской судебной практике вопрос о правовой природе решений собраний в настоящее время разрешен в пользу их сделочной квалификации. Поворотным стало определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11 июня 2020 г. No 306-ЭС19-24912 по делу ООО «Яна Тормыш»: признав устав сделкой, Судебная коллегия указала, что к нему применимы нормы о сделках, в том числе о решениях собраний, и об основаниях признания их недействительными, а положения о решениях собраний как специальном виде сделок должны применяться во взаимосвязи с общими положениями о сделках.[349] По выводам обзора последующей судебной практики, суды стали смелее применять к решениям собраний правила гл. 9 ГК РФ о сделках, однако практика пока немногочисленна, устоявшихся подходов не сложилось, а решения судов по ряду вопросов расходятся.[350] Этот вывод отражен и в комментарии к ст. 181.1 ГК РФ.[351]

К.И. Труханов предложил единый подход к квалификации решений общих собраний акционеров и участников ООО, собраний кредиторов при банкротстве, собственников помещений в многоквартирном доме и участников общей собственности: все они оцениваются им как юридические сделки, а общим для них критерием служит принцип большинства, предполагающий подчинение меньшинства (Mehrheitsprinzip).[352]

Определение по делу ООО «Яна Тормыш» в литературе оценивается как начало «новой жизни» российского корпоративного права.[353]

Казахстанская судебная практика нередко рассматривает решения собраний через призму действительности сделок (например, при оспаривании решений единственного участника товарищества с ограниченной ответственностью).

Показательно дело, в котором бывший генеральный директор оспаривал положения решения единственного участника ТОО. Эти положения сводились к назначению на должность генерального директора иностранного гражданина, хотя у товарищества не было разрешения на привлечение иностранной рабочей силы. Полномочия самого истца были при этом досрочно прекращены приказом.[354] Мотивировочную часть суд начал с цитаты ст. 147 ГК РК о понятии сделки, затем сослался на п. 1 ст. 157 и п. 1 ст. 159 ГК РК. Суд прямо указал, что требование о признании недействительными положений решения «подлежало рассмотрению как спор, вытекающий из признания сделок недействительным».[355] В иске было отказано ввиду пропуска срока исковой давности с отсылкой на п. 3 ст. 179 ГК РК.

В другом деле апелляционная инстанция согласилась с признанием недействительными двух решений единственного участника ТОО об отчуждении имущества товарищества.[356] Экспертиза установила, что подпись под первым решением выполнена не самим участником, а другим лицом. Порок здесь по существу сделочный: подлинного волеизъявления не было. Договор купли-продажи, заключенный на основании первого из этих решений, и последующую перепродажу имущества суд признал недействительными по п. 1 ст. 157, п. 2 ст. 157-1 и п. 11 ст. 159 ГК РК.

Однако такая квалификация не является последовательной. В одном из дел истец оспаривал решение единственного участника и доверенность, ссылаясь на п. 1-2 ст. 157, п. 1-2 ст. 158 и п. 1 ст. 159 ГК РК.[357] Суд квалифицировал доверенность как одностороннюю сделку, а решение единственного участника признал недействительным «в силу статьи 7 ГК», то есть не как сделку, а как основание возникновения гражданских прав и обязанностей.[358] В деле Кульбаев Б.Р. v Токкожин Е.М. и др.[359] суд применил разные режимы в одном споре. К доверенности и договору купли-продажи доли он применил ст. 157 ГК РК, а к решению общего собрания участников - ст. 11 и 50 Закона о товариществах.

Практика также идет по пути оспаривания решений собраний (общих собраний АО, ТОО) через суд, хотя прямых норм ГК РК об этом нет. Обычно применяются нормы специальных законов: БЮА Закона «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью»[360] и Закона «Об акционерных обществах»,[361] а также разъяснения Верховного Суда.[362] Они устанавливают основания для признания решения недействительным. Как правило, это нарушение требований закона или устава при созыве или проведении собрания и нарушение прав участника.

Так, суд признал недействительными решения общего собрания по двум вопросам повестки дня. Участник не был письменно извещен о собрании не менее чем за тридцать дней, как того требует п. 1 ст. 46 Закона о товариществах.[363]

В споре акционера суд опирался на п. 7, 16 и 17 Нормативного постановления No 8.[364] Акционер был несвоевременно извещен о собрании, а собрание рассмотрело вопросы, не включенные в опубликованную повестку дня. Суд указал, что нарушение императивного порядка созыва нарушает права акционера по ст. 14 Закона об акционерных обществах и может служить основанием для признания решения недействительным. Срок для обращения в суд он при этом определил по общему правилу ст. 178 ГК РК.

Сам по себе процедурный дефект для признания решения недействительным, однако, недостаточен. Суд требует одновременно двух условий: формального нарушения закона или устава и реального либо потенциального нарушения прав оспаривающего участника.[365] В том же деле суд указал, что непринятое решение оспорить нельзя. Участник, голосовавший «за», также не вправе оспаривать решение.

Таким образом, решения органов юридического лица оспариваются по правилам специальных законов. Общих норм ГК РК о решениях собраний нет и этот пробел суды восполняют нормами о недействительности сделок (ст. 157-159 ГК РК) и об исковой давности (ст. 178-179 ГК РК). Квалификация решения при этом неустойчива. В одних делах спор прямо назван сделочным. В других суд обращается к ст. 7 ГК РК. В третьих решение и сопутствующие ему сделки разведены по разным режимам.

В казахстанской литературе сделочная природа решения собрания, как правило, отрицается. М.К. Сулейменов относит решение собрания к «иным действиям граждан и юридических лиц» (подп. 7) ст. 7 ГК РК) и делает вывод, что норма об основаниях признания сделки недействительной к нему не применяется.[366] Ту же позицию занимает С.И. Климкин, по мнению которого ст. 157 ГК РК к оспариванию решений неприменима, а требование участника должно заключаться в признании недействительными результатов голосования.[367] Р. Карагаев, также не признавая решения собраний сделками, отмечает, что они, как и сделки, влекут возникновение, изменение либо прекращение прав и обязанностей, и предлагает по аналогии со сделками разделить основания их недействительности на ничтожные и оспоримые.[368] С отрицанием сделочной природы решения трудно согласиться по трем причинам. Во-первых, подп. 7) ст. 7 ГК РК представляет собой остаточную категорию и не дает решению собрания правового режима: отнесение решения к «иным действиям» не отвечает на вопросы о последствиях пороков воли голосующих, о толковании решения и о сроках его оспаривания. Во-вторых, решение обладает главным признаком сделки: оно представляет собой совокупность волеизъявлений, направленных БЮА на установление, изменение

или прекращение гражданских прав и обязанностей; отсутствие согласия всех участников отличает его от договора, но не выводит за пределы сделок (подраздел 1.1.2). В-третьих, суды, как показано выше, фактически применяют к решениям ст. 157-159 и 178-179 ГК РК, а предложение заимствовать для решений деление на ничтожные и оспоримые само подтверждает, что без обращения к правилам о сделках обойтись не удается. Вместе с тем в этой полемике верно подчеркнуто, что специальные корпоративные нормы имеют приоритет, а общие положения о сделках применимы к решениям лишь в части, не урегулированной специальным законом, и с учетом существа решения.

Не дожидаясь законодательных изменений, судам РК следует последовательно применять к решениям собраний нормы об основаниях недействительности сделок - непосредственно, поскольку решение является сделкой, но в части, не урегулированной специальными законами, и с учетом существа решения. Например, если решение общего собрания участников ТОО принято с нарушением кворума или вопрос не включен в повестку - признавать такое решение недействительным (аналогично тому, как договор признается недействительным при несоблюдении формы или выходе за пределы правоспособности). Для товариществ с ограниченной ответственностью такой результат, впрочем, уже следует из ст. 50 Закона о товариществах и разъяснений Верховного Суда Республики Казахстан, согласно которым решение, принятое по вопросу, не включенному в повестку дня, подлежит безусловному признанию недействительным.[369] При этом необходимо учитывать особенность процедуры голосования: индивидуальные пороки воли (заблуждение, обман отдельного участника) сами по себе не должны служить основанием недействительности всего решения, если и без порочного голоса необходимое большинство сохраняется. Однако они могут повлечь оспаривание самого голоса.[370]

Резюмируя сказанное, отметим, что решение собрания представляет собой особый вид сделки, не сводимый ни к односторонней сделке, ни к договору. Воля здесь формируется по принципу большинства, а правовой эффект распространяется и на лиц, голосовавших против. Голоса участников являются сделочными волеизъявлениями, входящими в фактический состав решения, и к ним, как и к оферте и акцепту, общие положения о сделках применяются по аналогии закона, что позволяет оспаривать отдельный голос. Для казахстанского правопорядка это означает, что уже сейчас, до появления специального регулирования, общие положения о сделках должны применяться к решениям собраний непосредственно, но субсидиарно по отношению к специальным корпоративным нормам и с учетом существа решения, а к образующим их голосам - по аналогии закона.

Выводы по главе 1

Проведенное в главе 1 исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Сделка представляет собой не действие, а волеизъявление или совокупность волеизъявлений, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Такое определение является общим: односторонняя сделка состоит из одного волеизъявления, договор - из совпадающих волеизъявлений сторон, решение собрания - из волеизъявлений участников гражданско-правового сообщества, которые отвечают совокупности признаков: а) они относятся к общему для участников вопросу, б) однонаправленны и адресуются не друг другу, а лицу, ведущему собрание, в) складываются в единое решение по правилу большинства в установленной процедуре, а принятое решение связывает и тех участников, которые голосовали против или не голосовали. Этим решение собрания отличается от параллельных волеизъявлений нескольких лиц, каждое из которых порождает собственный правовой результат. Определение ст. 147 ГК РК через действие не охватывает сделок, совершаемых бездействием и молчанием, и не отграничивает сделку от действий, правовой эффект которых наступает в силу закона независимо от воли.

2. Одностороннее волеизъявление шире односторонней сделки. Всякая односторонняя сделка совершается посредством одностороннего волеизъявления, но оферта, акцепт и голос участника собрания, будучи односторонними волеизъявлениями, входят в фактический состав договора или решения собрания и самостоятельными сделками не являются, поскольку сами по себе не вызывают того результата, на который направлены.

3. Казахстанский закон не проводит последовательно ни одну из теорий соотношения воли и волеизъявления и в целом ближе к теории воли, смягченной отдельными элементами теории изъявления. Воля может быть выражена действием, бездействием и молчанием; само по себе действие о наличии и содержании воли не свидетельствует, поэтому квалификация поведения как волеизъявления всегда требует толкования.

4. Односторонняя сделка отграничивается от смежных конструкций не по наименованию акта, а по совокупности признаков. Односторонней сделкой является волеизъявление, которое: а) направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; б) порождает правовой эффект в силу этой направленности воли и в определяемом ею содержании; в) само по себе достаточно для наступления этого эффекта; г) исходит от одной стороны, которую могут составлять и несколько лиц. Одностороннюю сделку отличают от реального акта и сделкоподобного сообщения по источнику правового эффекта. У сделки им служит направленность воли лица, у реального акта и сообщения - закон, принцип добросовестности или условия ранее совершенной сделки, причем последствие сообщения наступает независимо от того, направлена ли на него воля отправителя. Общие положения о сделках применяются к сделкоподобным сообщениям избирательно и лишь по аналогии закона.

5. Одностороннюю сделку и договор разграничивает число сторон, воля которых необходима для наступления правового эффекта, а не число участвующих лиц и не распределение обязанностей. Прощение долга имеет договорную природу, публичное обещание вознаграждения является односторонней сделкой, а статьи 373 и 506 ГК РК нуждаются в согласовании.

6. Решение собрания, обладающее признаками, названными в выводе 1, является особым видом сделки, не сводимым ни к односторонней сделке, ни к договору. Общие положения о сделках применяются к решениям непосредственно, но субсидиарно по отношению к специальным корпоративным нормам и с учетом существа решения, а к голосам участников - по аналогии закона.

ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ОДНОСТОРОННИХ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЙ

Односторонние волеизъявления в доктрине обычно классифицируются по следующим основаниям:

1) в зависимости от необходимости восприятия (подраздел 2.1);

2) в зависимости от степени вмешательства сделки в сферу правовой автономии адресата[371] (подраздел 2.2);

3) в зависимости от вида порождаемых правовых последствий (подраздел 2.3).

Эти основания охватывают большинство известных обороту типов односторонних сделок, хотя такую классификацию нельзя считать исчерпывающей. Незакрытым остается и перечень самих сделок: участники оборота вправе совершать акты, прямо не названные гражданским законодательством. Но пределы свободы различаются.[372] Для вторжения в правовую сферу адресата необходимо соответствующее право, опирающееся на закон, добросовестность или предшествующее соглашение с адресатом. Неинтервентные сделки ограничены менее строго.[373]

2.1 Рецептивные и нерецептивные односторонние волеизъявления

Рассмотрим, какие практические последствия влечет необходимость восприятия одностороннего волеизъявления и как по этому признаку разграничиваются сделки.

2.1.1 Критерий деления

По признаку необходимости восприятия традиционно выделяют две группы односторонних сделок:
1) рецептивные (требующие восприятия);
2) нерецептивные (не требующие восприятия).[374]
Немецкие авторы используют обозначения empfangsbedürftige und nicht empfangsbedürftige Willenserklärungen - волеизъявления, нуждающиеся и не нуждающиеся в получении (или восприятия).[375] В нидерландской литературе те же группы называются направленными и ненаправленными (gerichte en ongerichte) односторонними сделками.[376]
Для такого деления существенным является вопрос, зависит ли эффект сделки от восприятия другими лицами.[377] Нерецептивной является сделка, для которой достаточно выражения воли независимо от чужой осведомленности. Рецептивная требует, чтобы волеизъявление дошло до определенного лица или лиц. А. Акужинов обоснованно связывает значение этой классификации прежде всего с односторонними сделками: договор уже предполагает согласование воль и их восприятие сторонами. Особым случаем является договор в пользу третьего лица. Третье лицо приобретает право и без знания о заключенном в его пользу договоре.[378]
Разграничение возникло в немецкой пандектистике при разработке теории сделок и затем было воспринято российской доктриной.[379]
Рецептивная сделка дает эффект лишь по достижении волеизъявления адресата. Для завершения нерецептивной сделки доведение воли до какого-либо лица не требуется.
Выбор терминов обоснован в комментариях Глоссы. Обозначение «сделки, требующие восприятия» может вводить в заблуждение: при дистанционном сообщении по общему правилу несущественно, ознакомился ли адресат с содержанием. Достаточно возможности получить и воспринять волеизъявление. Поэтому авторы предпочитают термин «рецептивные».[380]
В тех же комментариях поясняется, что нерецептивность может следовать из закона, иной нормы права, доброй совести или условий ранее совершенной сделки.[381] Модельные правила европейского частного права различают адресованные и публичные акты сходным образом. Для первых необходимо достижение извещением определенного адресата, а вторые совершаются доведением до всеобщего сведения - объявлением, публичным уведомлением либо другим способом.[382]
Практические основания классификации подробно рассмотрены А. Акужиновым. Он показывает, что пандектное деление воспринято российским законом в правилах об отказе от собственности, зачете, прощении долга и других актах. От квалификации зависят решения вполне конкретных споров. Когда прекратилось право, от которого лицо отказалось? Своевременно ли сообщение, отправленное до истечения срока, но полученное позднее? Ответы различаются в зависимости от необходимости восприятия.[383]
А. Акужинов строит классификацию на действии волеизъявления во времени. Формирование воли, ее изъявление и правовой эффект составляют три стадии. При этом совершение сделки означает выполнение фактического состава, а завершение - возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Для рецептивных сделок автор разводит эти моменты, для нерецептивных считает их совпадающими.[384]
Отнесение к группе он связывает с воздействием на права и обязанности иных участников оборота и наличием конкретного адресата.[385]
Прежде всего от этой классификации зависят момент правовых последствий и допустимость отзыва. Поэтому рассмотрим обе группы по отдельности, после чего сопоставим их режимы.

2.1.2 Рецептивные односторонние волеизъявления

Классическое описание рецептивного волеизъявления принадлежит Л. Эннекцерусу: такие волеизъявления «должны быть обращены к другому лицу, которого волеизъявление касается (адресат волеизъявления)».[386] К ним относятся оферта, акцепт, отказ от договора, зачет встречного требования, отзыв доверенности и другие акты, эффект которых обусловлен получением сообщения другой стороной.[387] Во французской доктрине такие волеизъявления обозначают как actes réceptices: одностороннее волеизъявление, как правило, производит эффект лишь после того, как оно доведено до сведения лица, в отношении которого должно действовать (уведомление об отказе от договора найма, отзыв поручения, увольнение работника).[388]
Для рецептивного волеизъявления поступление адресату составляет момент, с которого возникает его эффект.[389]
До поступления адресату изъявитель еще может воспрепятствовать действию своего заявления. Оферта считается неполученной, если извещение об отзыве пришло до нее или одновременно с ней.[390] Акцепт отзывается на тех же условиях.[391]
Тот же временной критерий принят в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА. Оферта, даже безотзывная, может быть отозвана, если извещение об отзыве поступит адресату ранее оферты или одновременно с ней. Принципы разграничивают отзыв оферты, еще не вступившей в силу, и отмену уже полученной оферты.[392] Принципы УНИДРУА распространяют критерий достижения адресата и на уведомления вообще. К ним относятся заявления, требования, просьбы и любые иные сообщения о намерении; с достижением адресата они вступают в силу.[393] В Принципах европейского договорного права и в Проекте общей системы координат правило сформулировано шире. Оно касается любого извещения, а не только оферты: извещение вступает в силу с момента, когда оно достигло адресата, если в нем не предусмотрено отложенное действие. Достижение адресата определяется функционально через вручение, доставку по месту ведения дел или обычного пребывания, доступность электронного сообщения либо иной способ, при котором от адресата разумно ожидать получения доступа без неоправданной задержки. Извещение не производит эффекта, если его отзыв поступил адресату ранее или одновременно с ним.[394]
Договор сохраняет силу до поступления другой стороне уведомления о его расторжении, лишь тогда уведомление дает правовой эффект.[395]
Отзыв уведомления возможен, но только при опережающей или одновременной доставке адресату.[396]
Для германского права поступление волеизъявления является законодательным требованием. Волеизъявление, которое должно быть сделано другому лицу, вступает в силу в момент поступления к нему (предл. 1 абз. 1 § 130 ГГУ). Недостаточно выразить волю, необходимо обеспечить получателю возможность ознакомиться с ней. Но требовать фактического прочтения было бы неверно, поскольку тогда риск непрочтения нес бы изъявитель.[397] Именно этим признаком и проводится само деление и нуждающимся в получении признается изъявление, которое по закону должно быть сделано в отношении другого лица и становится действительным лишь с поступлением к нему.[398] Однако оно не вступает

в силу, если ранее или одновременно адресату поступил отзыв (предл. 2 абз. 1 § 130 ГГУ).[399] Само понятие поступления закон не раскрывает. По господствующему мнению, волеизъявление считается поступившим, когда оно попало в сферу адресата так, что при обычных обстоятельствах можно рассчитывать на возможность ознакомления с ним.[400] Смерть лица, сделавшего волеизъявление, или утрата им дееспособности после того, как волеизъявление сделано, на его действительность не влияет и письмо, дошедшее до адресата после смерти отправителя, порождает эффект.[401]

Нидерландское право также связывает силу заявления, обращенного к конкретному лицу, с достижением этого лица. Тем же моментом определяется совершение. Принятая теория получения (ontvangsttheorie) исключает альтернативные моменты - выражение воли, отправление сообщения и фактическое ознакомление с ним.[402] Но далее уточняется распределение риска. Заявление действует и тогда, когда оно не дошло до адресата или дошло с опозданием по причине его собственных действий, действий лиц, за которых он отвечает, либо иных касающихся его обстоятельств, оправдывающих возложение на него неблагоприятных последствий. Применение этой оговорки заметно сузилось после решения Верховного суда Нидерландов по делу Centavos/Stichting Nieuwenhuis. Для письменных заявлений «достижение» понимается теперь нормативно. В случае спора отправитель должен утверждать и при необходимости доказать, что заявление направлено по адресу, где он разумно мог рассчитывать застать адресата, и что оно туда поступило. Если адресат сам указал неверный адрес, заявление считается достигшим его в юридическом смысле, и к оговорке о риске обращаться уже не нужно.[403] Отправитель может отозвать заявление, если отзыв достигнет адресата ранее или одновременно с ним (п. 5 ст. 3:37 ГК Нидерландов).[404] Есть и другое последствие классификации в нидерландском праве. Адресату направленной сделки предоставлена защита доверия по ст. 3:35 ГК Нидерландов. Для ненаправленной сделки иные лица являются третьими лицами, которым доступна лишь защита ст. 3:36 ГК Нидерландов.[405]

В российском праве общие положения также определяет момент эффекта адресованного сообщения. Заявления, уведомления, извещения, требования и иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для него такие последствия с момента доставки. Сообщение считается доставленным и тогда, когда оно поступило адресату, но по зависящим от него обстоятельствам не было вручено или адресат с ним не ознакомился.[406] Верховный Суд РФ распространил это правило на односторонние сделки, указав, что юридически значимое сообщение может содержать информацию о сделке, например об одностороннем отказе от исполнения обязательства. А. Акужинов видит в этом признание рассматриваемой классификации высшей судебной инстанцией.[407] Решающей оказывается доставка, а не фактическое восприятие. Такое распределение соответствует природе рецептивных сделок и экономически объяснимо. Способ передачи выбирает отправитель и он же связан с доставляющим лицом, поэтому риск недоставки разумно возложить на отправителя.[408]

Российская доктрина не отождествляет «восприятие» с прочтением. Волеизъявление достаточно ввести в сферу контроля адресата. Поэтому поступившее по адресу письмо доставлено и при невскрытом конверте.[409] Это защищает отправителя: он выполнил требование о сообщении, и риск неосведомленности адресата ложится на последнего. Тот же подход принят в австрийском праве: требование поступления, сформулированное в § 862a ABGB применительно к акцепту, по аналогии распространяется на все волеизъявления, нуждающиеся в получении; волеизъявление считается поступившим, когда оно попало в сферу контроля получателя так, что при обычных обстоятельствах он может ознакомиться с его содержанием, а риск утраты и задержки сообщения несет отправитель.[410]

Принцип доставки, однако, сосуществует в ГК РФ с правилом противоположной логики: «письменные заявления и извещения, сданные в организацию связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, считаются сделанными в срок» (п. 2 ст. 194 ГК РФ).[411] Эта норма построена на принципе отправления и переносит риск задержки на получателя. А. Акужинов показывает, что практика по соотношению двух правил непоследовательна: по требованиям из независимой гарантии суды признают своевременным требование, сданное на почту в пределах срока, тогда как в спорах с государственными органами применение той же фикции отвергается. Логике рецептивных сделок, по мнению автора, соответствует лишь принцип доставки, и правило о сдаче заявления в организацию связи следует толковать ограничительно, распространяя его на процессуальные отношения, отношения с участием потребителей и иные прямо предусмотренные законом случаи.[412]

Для казахстанского права такое ограничительное прочтение также имеет значение. ГК РК содержит аналогичное правило о заявлениях и извещениях, сданных на почту, телеграф или в иное учреждение связи до двадцати четырех часов последнего дня срока,[413] но, в отличие от ГК РФ, не содержит общей нормы о доставке. В результате момент сдачи в учреждение связи решает вопрос о соблюдении срока, но не дает законодательного ответа на вопрос о начале правового эффекта.

Тот же принцип, хотя и в иной законодательной технике, действует в итальянском и испанском праве; английское право общего правила не содержит. По ГК Италии односторонние акты, обращенные к определенному лицу, производят действие с момента, когда становятся известны адресату (ст. 1334), причем заявление считается известным с момента его поступления по адресу адресата, если тот не докажет, что без своей вины был лишен возможности с ним ознакомиться. Итальянская доктрина выводит отсюда, что односторонние акты по общему правилу рецептивны, а отказ адресата принять заявление не препятствует наступлению его эффекта.[414] Испанская доктрина обозначает сходное решение как правило «смягченного ознакомления»: рецептивное заявление действует с момента, когда адресат узнал о нем либо, после его направления, не может не знать о нем, не нарушая добросовестности. Это правило установлено для акцепта, но распространяется и на иные рецептивные заявления, например на выбор в альтернативном обязательстве.[415] В английском праве вопрос о том, должно ли уведомление об отказе от договора быть фактически доведено до другой стороны и действует ли оно с момента отправки или получения, решается толкованием договора.[416] Вместе с тем отзыв оферты вступает в силу лишь тогда, когда фактически достигает адресата,[417] а уведомление арендодателя о прекращении аренды по общему правилу должно быть доведено до сведения арендатора.[418]

Термины «рецептивная» и «нерецептивная сделка» в казахстанской доктрине и ГК РК не получили устойчивого применения. Не установлено и общего момента вступления адресованного волеизъявления в силу. Рецептивный характер отдельных односторонних сделок следует, тем не менее, из специальных норм. Так, односторонний отказ от исполнения договора обращен к конкретному контрагенту. Договор считается расторгнутым или измененным в случае такого отказа.[419] Отказывающаяся сторона при этом должна предупредить другую сторону не позднее чем за месяц, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон.[420]

В судебной практике отсутствие предупреждения препятствует эффекту отказа. Так, в одном деле заказчик направил уведомление о расторжении договора о государственных закупках в регистрирующий орган, не предупредив подрядчика. Суд признал односторонний отказ недействительным, указав на нарушение п. 4 ст. 404 ГК РК.[421]

Отсутствие общего правила обнаруживается и при рассмотрении судебных дел. При разрешении спора о внесудебном одностороннем отказе от исполнения договора суд исходил из того, что отказ считается осуществленным с момента получения контрагентом соответствующего уведомления, однако основанием для такого вывода послужило не общее правило закона, а условие самого договора, установленное сторонами. На договор суд опирался и при распределении риска неполучения: письмо, направленное по указанному в договоре адресу, вернулось, поскольку контрагент сменил место нахождения, и суд признал уведомление надлежащим, сославшись на договорную обязанность

сторон сообщать друг другу об изменении реквизитов.[422]
Еще отчетливее проблема видна при неполучении уведомления адресатом. В одном деле договор подряда позволял заказчику отказаться от него в одностороннем порядке и считался расторгнутым по истечении 15 календарных дней с даты получения подрядчиком уведомления. Уведомление, направленное заказным письмом, вернулось по истечении срока хранения, а директор подрядчика отказался принять его лично, о чем был составлен акт. Заказчик исходил из того, что договор продолжает действовать, и потребовал его расторжения в судебном порядке. Суд расторг договор своим решением, и апелляционная инстанция оставила это решение без изменения.[423] Тот же путь избрал заказчик и в другом деле. Договоры поставки предусматривали его право на односторонний отказ, причем договор считался расторгнутым по истечении десяти рабочих дней с даты получения уведомления. После того как претензия о расторжении вернулась по истечении срока хранения, заказчик обратился в суд, и суд удовлетворил требование о расторжении договоров.[424]
Последствия отсутствия в ГК РК аналога ст. 165.1 ГК РФ или второго предложения п. 3 ст. 3:37 ГК Нидерландов здесь вполне конкретны. Сторона, располагавшая секундарным правом на внесудебный отказ, была вынуждена осуществлять его через суд, поскольку не могла быть уверена, что уклонение адресата от получения письма не будет истолковано против нее. Риск недоставки разумно возлагать на отправителя, когда сообщение не дошло по причинам, лежащим в его сфере. В этих делах, однако, он фактически лег на отправителя и тогда, когда причина лежала в сфере адресата. Предлагаемое ниже правило о доставке устранило бы потребность в таком иске: риск неполучения по зависящим от адресата причинам нес бы сам адресат.
Судебное понимание рецептивности заявления о зачете можно установить косвенно. В деле о прекращении исполнительного производства должник направил взыскателю заявление о прекращении обязательств зачетом встречного однородного требования. Взыскатель, обжалуя прекращение производства, утверждал, что заявление ему не вручено. Суд отклонил этот довод, сославшись на квитанцию о получении заявления, и признал прекращение исполнительного производства правомерным.[425] Суд, таким образом, проверял именно факт получения заявления адресатом, хотя из формулировки ст. 370 ГК РК, согласно которой для зачета достаточно заявления одной стороны, такое требование прямо не следует. Даже без общей нормы суды, следовательно, фактически используют доставку как условие эффекта адресованного волеизъявления.
При отмене доверенности рецептивность обнаруживается иначе: казахстанское регулирование связывает с осведомленностью конкретных лиц возможность противопоставить им эффект сделки, а не ее совершение. Лицо, выдавшее доверенность, обязано известить о ее отмене представителя и БЮА известных ему третьих лиц, для представительства перед которыми доверенность выдана. Права и обязанности, возникшие в результате действий представителя до того, как он узнал или должен был узнать о прекращении доверенности, сохраняют силу для выдавшего ее лица в отношении третьих лиц, если только третье лицо само не знало и не должно было знать о прекращении доверенности.[426] В одном деле собственник отменил доверенность на продажу автомобиля заявлением нотариусу, удостоверившему доверенность, однако представитель затем все же продал автомобиль. Апелляционная инстанция отменила решение об истребовании автомобиля и направила дело на новое рассмотрение. Суд указал, что не выяснено, известил ли собственник об отмене доверенности представителя, а также органы дорожной полиции, производившие снятие автомобиля с учета.[427] Отмена доверенности, не доведенная до представителя и третьих лиц, тем самым не лишена силы, но не может быть противопоставлена добросовестным третьим лицам. Для защиты оборота здесь существенна осведомленность затрагиваемых лиц, а не одно выражение воли. По функции такое решение сближается с рецептивной моделью.

2.1.3 Нерецептивные односторонние волеизъявления

Нерецептивными являются волеизъявления, правовой эффект от которых наступает вне зависимости от осведомленности лиц, к которым они направлены. К ним, в частности, можно отнести завещание, отказ от права собственности, завладение бесхозяйной движимой вещью, публичное обещание награды, а также принятие наследства. Осведомленность лиц, права которых затронуты этими волеизъявлениями, как мы видим, не является условием правового эффекта этих актов.[428] Требование нотариального удостоверения или государственной регистрации этого не меняет: такие формальности служат стабильности оборота, но не направлены на уведомление конкретного адресата.[429]
Нотариальное удостоверение не меняет нерецептивности завещания. Равным образом заявление нотариусу о принятии наследства не превращается в адресованную другим наследникам сделку. Тем более это относится к фактическому принятию наследства - вступлению во владение или в управление наследственным имуществом.[430]
Для совершения нерецептивной сделки достаточно объективного внешнего выражения воли. Нотариальное удостоверение, публикация либо иная допускаемая законом фиксация не предполагают обязательного доведения содержания до определенного адресата.[431] Характерным примером выступает завещание, то есть волеизъявление гражданина по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти. Оно совершается в письменной форме и удостоверяется нотариально.[432] Сделка совершена в момент удостоверения. Ее правовой эффект, однако, наступает лишь со смертью завещателя, и наступает независимо от того, знают ли о завещании и смерти наследодателя наследники и иные заинтересованные лица.[433] Поэтому тезис о том, что в нерецептивной сделке совершение и возникновение правового эффекта совпадают во времени,[434] нуждается в уточнении. Отсрочка эффекта завещания обусловлена природой распоряжения на случай смерти, а не необходимостью восприятия. Поэтому совпадение моментов само по себе классификацию не определяет. Значение имеет независимость правового эффекта от чужой осведомленности о волеизъявлении.
Завещание наиболее отчетливо выражает признаки одностороннего волеизъявления. Строго личный характер этого волеизъявления подчеркнут запретом совершения завещания через представителя, а для его совершения требуется полная дееспособность завещателя.[435] Для действительности завещания не требуется ни принятия, ни встречного волеизъявления какого-либо лица, а правовые последствия возникают лишь с открытием наследства, при котором имущество переходит к наследникам как единое целое.[436] Такое понимание завещания разделяется и в других правопорядках. Французская доктрина рассматривает завещание как классический односторонний акт наследственного права, особенность которого заключается в его отменяемости в течение жизни завещателя, тогда как принятие наследства и отказ от него являются безотзывными односторонними актами.[437] Нидерландская доктрина относит составление последней воли к ненаправленным односторонним сделкам[438] и называет завещательное распоряжение наиболее известной односторонней сделкой.[439] Его нерецептивность, строго личное совершение и независимость эффекта от принятия позволяют использовать завещание как модель для разрешения спорных вопросов об иных нерецептивных волеизъявлениях.
Нерецептивные волеизъявления ГГУ прямо не упоминает. Для их вступления в силу достаточно окончательного и распознаваемого выражения воли.[440] Правовые последствия собственноручного завещания наступают со смертью наследодателя и не требуют, чтобы наследник или третьи лица о нем знали.[441] В нидерландском праве решающим является момент выражения воли и теория получения не имеет значения для

односторонних сделок, не обращенных к определенному лицу.[442]
Отдельно следует рассмотреть вопрос отказа от права собственности. Собственник может отказаться от права, объявив об этом либо совершив действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на него. Однако тот же закон устанавливает, что отказ не влечет прекращения прав и обязанностей собственника до момента приобретения права собственности на это имущество другим лицом.[443] Аналогичная норма содержится в абз. 2 ст. 236 ГК РФ, которая подверглась обоснованной критике в российской литературе. Как пишет А. Акужинов, ее буквальное толкование ставит эффект нерецептивной по своей природе сделки в зависимость от поведения третьих лиц: на практике собственнику отказывали в регистрации прекращения права на недвижимость, пока имущество не приобретет другое лицо, и он был вынужден оставаться собственником и нести бремя имущества вопреки собственной воле.[444] Автор предлагает ограничительное толкование нормы: понимать ее не как правило о моменте прекращения права, а как указание на то, что отказ не освобождает от обязанностей, возникших в связи с ранее совершенными действиями собственника.[445] На наш взгляд, ст. 250 ГК РК допускает такое же ограничительное толкование.
Этим объясняется различие в устранении эффекта. Рецептивное волеизъявление отзывается до достижения адресата; нерецептивная сделка уже совершена. Для нее возможна лишь отмена дальнейшего действия на будущее. Единую норму сформулировать трудно, поэтому возможность отмены обычно специально установлена законом.[446] Так, завещатель вправе в любое время отменить или изменить завещание, не указывая причин. Сделать это можно подачей заявления в нотариальную контору либо составлением нового завещания.[447] Лицо, публично объявившее о выплате вознаграждения, вправе отказаться от обещания в той же форме. Исключение составляют случаи, когда недопустимость отказа предусмотрена в самом объявлении или вытекает из него, когда установлен срок для совершения действия либо когда кто-либо из отозвавшихся уже выполнил указанные в объявлении действия.[448]
Тем самым по ГК РК публичное обещание вознаграждения также можно считать нерецептивным. Оно адресовано неопределенному кругу лиц, а обязательство возникает перед признанным по условиям конкурса победителем.[449] Персональное доведение объявления до участника для этого не требуется.
Суды не всегда последовательно различают публичное обещание награды и публичную оферту. Между тем первое является нерецептивной односторонней сделкой, а вторая относится к рецептивному механизму заключения договора. Например, в споре о стимулирующей рекламной акции денежный приз присуждался победителю, которого компьютерная программа выбирала случайным образом. Районный суд г. Алматы квалифицировал отношения сторон как вытекающие из публичного обещания награды, но одновременно признал условия акции публичной офертой (ст. 395 ГК РК), акцептованной участником путем совершения указанных в ней действий. Отказ организатора выплатить приз объявленному победителю суд признал незаконным, сославшись на запрет одностороннего отказа от исполнения обязательства.[450] Ранее Алматинский городской суд по иску финалиста конкурса бизнес-проектов квалифицировал грант как награду за победу в конкурсе. Суд признал неправомерным отказ организатора выдать грант со ссылкой на незаключение с победителем договора, поскольку условия конкурса не ставили выдачу гранта в зависимость от заключения этого договора.[451]
Для исхода этих споров квалификация значения не имела. И по правилам о публичном обещании, и по договорной модели организатор не вправе отказаться от исполнения после того, как победитель определен. Отказ от публичного обещания исключен, если хотя бы одно из отозвавшихся лиц уже выполнило указанные в объявлении действия (п. 1 ст. 912 ГК РК). Однако квалификация приобретает значение там, где решающим является момент возникновения связанности и способ ее прекращения. Публичная оферта подчиняется общим правилам об оферте, публичное обещание связывает с момента объявления и может быть отменено лишь в той же форме и в пределах ст. 912 ГК РК. Представляется, что объявление, обращенное к неопределенному кругу лиц и обещающее награду за результат, следует квалифицировать как публичное обещание, то есть как нерецептивную одностороннюю сделку. Участник, выполняя условия, не выражает согласия на заключение договора, а совершает действие, с которым закон связывает возникновение обязательства. Вопрос о том, охватывается ли ст. 911 ГК РК розыгрыш, в котором победитель определяется случайным выбором, а не по результатам работы, суд в первом из названных дел не обсуждал.
Иное решение закон избрал для отказа от наследства. В отличие от завещания и публичного обещания награды, этот отказ безотзывен. Он совершается подачей наследником заявления нотариусу по месту открытия наследства и не может быть впоследствии отменен или взят обратно, а отказ под условием или с оговорками по общему правилу не допускается.[452] Заявление нотариусу не превращает отказ в рецептивную сделку. Нотариус не является лицом, чьи права затрагиваются отказом, а наследники, доли которых увеличиваются, могут о нем не знать. Практика последовательно исходит из окончательности такого отказа. Верховный Суд РК отменил акты нижестоящих судов, признавших отказ недействительным на том основании, что наследники отказались под влиянием обещания мачехи выплатить им в будущем стоимость их долей. Суд сослался на безотзывность отказа и недопустимость отказа под условием и указал: из заявлений следовало, что наследники отказались от всего причитающегося им имущества, в чем бы оно ни заключалось, и подали заявления добровольно.[453] Хотя прямо Верховный Суд этого не сформулировал, его решение можно прочитать так: ожидание встречного предоставления, не выраженное в самом отказе, не превращает безусловную нерецептивную сделку в условную. Возможность оспорить отказ по общим основаниям недействительности сделок, в том числе ввиду обмана или заблуждения, при этом не исключена. Кассационный суд в 2026 г., ссылаясь на соответствующее разъяснение Верховного Суда РК, оставил в силе решения об отказе в иске наследника, который отказался от наследства в пользу сестры, а затем ссылался на заблуждение относительно состава наследственного имущества. Суд квалифицировал отказ как одностороннюю сделку, отметил, что нотариус разъяснил ее окончательный и безусловный характер, и отклонил довод о том, что нотариус был обязан сообщить заявителю сведения о составе наследственной массы.[454]
2.1.4 Практическое значение деления

От классификации волеизъявлений по признаку рецептивности и нерецептивности зависят решения нескольких практических вопросов: когда наступает эффект сделки, кто несет риск недоставки, возможен ли отзыв, с чьей позиции толковать волеизъявление и где считать сделку совершенной. Момент эффекта, риск и отзыв уже разобраны в подразделах 2.1.2 и 2.1.3. В настоящем подразделе достаточно сопоставить полученные выводы.
Для рецептивного волеизъявления исходным моментом правового эффекта служит поступление адресату. Таково прямое решение германского и нидерландского закона (предл. 1 абз. 1 § 130 ГГУ, п. 3 ст. 3:37 ГК Нидерландов) и общих норм российского гражданского законодательства о юридически значимых сообщениях (ст. 165.1 ГК РФ). Нерецептивная сделка совершается с объективным выражением воли вовне. Чужая осведомленность не определяет начало ее эффекта. Завещание это правило не опровергает. Его эффект отсрочен в силу природы распоряжения, а не необходимостью восприятия. В ГК РК общего момента вступления адресованного волеизъявления в силу пока не установлено.
Требование поступления адресату определяет и распределение риска. Риск утраты или задержки сообщения по общему правилу несет

отправитель. Но если неполучение вызвано обстоятельствами, зависящими от адресата, нидерландское и российское право относят риск на него самого (п. 3 ст. 3:37 ГК Нидерландов, ст. 165.1 ГК РФ). При нерецептивной сделке вопрос о недоставке не возникает: доставка для ее эффекта не нужна. Отсутствие соответствующей нормы в ГК РК имеет практические последствия. Обладатель права на внесудебный отказ вынужден обращаться за расторжением в суд, когда адресат уклоняется от получения уведомления.

До поступления адресату рецептивное волеизъявление можно отозвать. Отзыв должен опередить само волеизъявление либо поступить вместе с ним (абз. 1 § 130 ГГУ, п. 5 ст. 3:37 ГК Нидерландов). Для уже совершенной нерецептивной сделки возможна лишь отмена дальнейшего эффекта; обычно ее специально разрешает закон. Например, БЮА завещатель вправе в любое время изменить или отменить завещание. Публичное обещание награды допускает отказ в той же форме и в пределах ст. 912 ГК РК. Отказ от наследства такой возможности не оставляет, так как он безотзывен.

Рецептивность определяет также позицию, с которой следует толковать одностороннее волеизъявление. Рецептивное волеизъявление толкуется с позиции разумного адресата, поскольку его содержание должно быть понятно тому, кому оно адресовано. У нерецептивного волеизъявления такого адресата нет, и германская доктрина делает отсюда вывод, что при его толковании определяющей становится действительная воля изъявителя.[455] Наиболее последовательно этот вывод проводится применительно к завещанию. При одностороннем распоряжении на случай смерти надлежит устанавливать именно действительную волю завещателя. Доверие иных лиц здесь защиты не требует, поскольку по завещанию они получают безвозмездное предоставление и поэтому применяется § 133 Германского гражданского уложения, а не § 157.[456]

Соответственно шире оказывается и круг обстоятельств, подлежащих учету при толковании. Так, при нерецептивном волеизъявлении учитываются любые обстоятельства, позволяющие установить действительно желаемое, независимо от того, могли ли они быть распознаны каким-либо получателем.[457] Единственное ограничение, которое германская доктрина сохраняет и здесь, носит не материальный, а доказательственный характер: действительная воля завещателя должна хотя бы намеком находить опору в тексте самого распоряжения, поскольку к моменту толкования завещатель уже умер и иных средств проверки его воли не остается.[458] Вместе с тем приоритет действительной воли не абсолютен и в современной германской доктрине. Так, отдельные нерецептивные волеизъявления и волевые акты, прежде всего акцепт без извещения оферента (§ 151 ГГУ) и отказ от права собственности на движимую вещь (§ 959 ГГУ), по соображениям правовой определенности и предотвращения злоупотреблений толкуются с позиции нейтрального объективного наблюдателя.[459]

Аналогичное решение принято и в нидерландском праве. Защищающая доверие ст. 3:35 ГК Нидерландов имеет значение лишь для односторонних актов, адресованных определенному лицу.[460] Этому подходу соответствует и казахстанское гражданское законодательство. При толковании завещания принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, а при неясности положение завещания сопоставляется с другими его положениями и смыслом завещания в целом.[461] Тем самым и здесь толкование направлено на установление воли завещателя по тексту распоряжения, а не на то, как его понял бы разумный получатель.

Особого внимания заслуживают нерецептивные волеизъявления, обращенные к неопределенному кругу лиц, прежде всего публичное обещание награды. Такое обещание не нуждается в получении, однако на него полагаются те, кто совершает предусмотренное объявлением действие, и их разумные ожидания заслуживают защиты не в меньшей мере, чем ожидания адресата рецептивной сделки. Не случайно австрийская доктрина подчиняет толкование публичного обещания общим правилам о толковании договоров (§§ 914 и сл. Всеобщего гражданского уложения Австрии), а не поиску одной лишь действительной воли обещавшего.[462] Поэтому содержание такого волеизъявления при неясности следует устанавливать с позиции разумного представителя того круга лиц, к которому оно обращено.

Изложенное позволяет определить, что значение деления односторонних сделок на рецептивные и нерецептивные для толкования состоит в том, что оно определяет позицию, с которой устанавливается содержание волеизъявления. Для рецептивного волеизъявления это позиция разумного адресата, для нерецептивного, как правило, действительная воля изъявителя. Исключение составляют волевые акты, которые по соображениям правовой определенности толкуются с объективной позиции, а также волеизъявления, обращенные к неопределенному кругу лиц.

Наконец, деление по признаку рецептивности имеет значение для определения места совершения односторонней сделки. Поэтому восполнение пробела, связанного с отсутствием в ГК РК общего правила о доставке рецептивного волеизъявления, важно не только для внутреннего оборота, но и для международного частного права. БЮА К обязательствам из односторонних сделок (публичное обещание награды, деятельность в чужом интересе без поручения и другие) применяется право места совершения сделки, а само БЮА место совершения односторонней сделки определяется по праву Республики Казахстан.[463] Однако, как обоснованно отмечает Н.С. Ешниязов, казахстанское законодательство не отвечает на вопрос, где совершается односторонняя сделка, а обращение к другим нормам Кодекса приводит к разным результатам. Из определения односторонней сделки через выражение воли одной стороны (п. 2 ст. 148 ГК РК) следует, что местом ее совершения является место, где выражена воля, тогда как правило о месте заключения договора (ст. 398 ГК РК) указывает на место жительства гражданина или место нахождения юридического лица, направившего оферту. Если сделка фактически совершена за пределами страны места жительства (нахождения) ее субъекта, автор предлагает определять применимое право по принципу наиболее тесной связи с учетом содержания и обстоятельств совершения сделки.[464] Следует учитывать, что ст. 1116 ГК РК охватывает лишь самостоятельные односторонние сделки: волеизъявления, акцессорные к существующему обязательству (например, прощение долга), подчиняются праву, применимому к этому обязательству.[465]

Представляется, что деление односторонних волеизъявлений на рецептивные и нерецептивные позволяет решить и эту проблему. Место совершения односторонней сделки должно определяться тем же критерием, что и момент ее совершения. Нерецептивная сделка считается совершенной с момента объективного проявления воли вовне, поэтому местом ее совершения следует считать место выражения воли, что согласуется с п. 2 ст. 148 ГК РК. Рецептивная сделка совершается лишь при условии доведения волеизъявления до адресата, поэтому местом ее совершения следует считать место, где волеизъявление поступило в сферу контроля адресата, как правило, место его жительства или нахождения.

Таким образом, деление односторонних волеизъявлений на рецептивные и нерецептивные имеет не только классификационное, но и прикладное значение. Им определяются момент наступления правового эффекта, распределение риска недоставки и пределы отзыва волеизъявления, позиция, с которой устанавливается его содержание при толковании и место совершения односторонней сделки. Поскольку ГК РК не содержит общего правила о моменте вступления в силу рецептивного волеизъявления, этот момент в казахстанском обороте определяется договорным усмотрением сторон, а при отсутствии соответствующего условия остается неопределенным. Представляется необходимым закрепить в ГК РК общее правило о наступлении правового эффекта рецептивного волеизъявления с момента его доставки адресату, с отнесением на адресата риска неполучения по зависящим от него обстоятельствам, по модели § 130 ГГУ и ст. 3:37 ГК Нидерландов. Такое решение близко к подходам, принятым в сравниваемых правопорядках и в наднациональных сводах. Одновременно следует определить

соотношение этого правила с п. 2 ст. 176 ГК РК, ограничив действие последнего вопросом своевременности заявления. Наряду с этим целесообразно закрепить критерий места совершения односторонней сделки для целей ст. 1116 ГК РК. Представляется, что нерецептивная сделка должна считаться совершенной в месте выражения воли, а рецептивная - в месте доведения волеизъявления до адресата.

2.2 Интервентные и неинтервентные односторонние волеизъявления

Как отмечает Н.В. Резанов, «правовой эффект односторонней сделки может состоять в создании прав и обязанностей для самого себя (или отказе от прав), как, например, в случае оферты, выдачи доверенности, выдачи независимой гарантии, публичного обещания награды или завещания»[466], причем такая возможность, по его мнению, «в полной мере соответствует принципу автономии воли и служит частным проявлением общей категории правоспособности»[467]. Иначе обстоит дело, когда односторонняя сделка создает, изменяет или прекращает права ее адресата: в этих случаях совершающее ее лицо вторгается в чужую правовую сферу, что наиболее наглядно проявляется при осуществлении секундарного права (например, на односторонний отказ от договора или зачет).[468]
Поэтому следует обсудить виды односторонних сделок в зависимости от степени вмешательства в сферу правовой автономии адресата. По данному классификационному критерию часто можно встретить в литературе деление односторонних сделок на: 1) «односторонне обязывающие» и 2) «односторонне управомочивающие». Впервые его предложил Б.Б. Черепахин. К односторонне обязывающим сделкам он относил не только возложение на другое лицо обязанности, но и одностороннее лишение права, например прекращение договорных отношений, а также модификацию чужого права. В качестве примеров назывались одностороннее прекращение договора и заявление о зачете. К односторонне управомочивающим он относил выдачу доверенности, прощение долга, модификацию чужой обязанности, а в других работах - также выдачу векселя, завещание и публичное обещание награды.[469] Деление развил С.С. Алексеев: односторонне управомочивающие сделки, по его мнению, не противоречат частной автономии, тогда как односторонне обязывающие допустимы лишь как исключение и, по существу, сводятся к осуществлению ранее возникшего секундарного права.[470]
Стоит отметить критику Н.В. Резанова в отношении видового деления сделок по такому классификационному критерию. Автор указывает на три его недостатка. Во-первых, неясен сам критерий: любая односторонняя сделка так или иначе затрагивает чужую правовую сферу, поэтому значение имеет не факт вмешательства, а его степень. Во-вторых, предоставление адресату права не всегда для него исключительно благоприятно. В-третьих, сделки, наиболее грубо вторгающиеся в правовую автономию адресата, далеко не всегда возлагают на него обязанности, и название «односторонне обязывающие» не отражает их содержания.[471]
Последнее хорошо видно на примерах. Заявление о зачете ничего не возлагает на адресата: оно прекращает встречные однородные требования, и для зачета достаточно заявления одной стороны.[472] Адресат зачета лишается права требования помимо своей воли, но новой обязанности у него не возникает. То же относится к одностороннему отказу от исполнения договора: договор считается расторгнутым, а обязательства сторон прекращаются.[473] Одностороннее изменение договора и выбор в альтернативном обязательстве также не создают для адресата новых обязанностей, а изменяют или конкретизируют содержание уже существующего правоотношения. Показательно, что сам Б.Б. Черепахин относил одностороннее прекращение договора и зачет к «обязывающим» сделкам,[474] то есть содержание его категории изначально было шире ее названия.
Не точнее и противоположный термин. Прощение долга, которое Б.Б. Черепахин считал «управомочивающей» сделкой, никого не управомочивает: кредитор освобождает должника от лежащих на нем обязанностей, и обязательство прекращается.[475] Отказ от права собственности или отказ от наследства также не наделяют правами конкретное лицо - изъявитель воли лишь ограничивает собственные права и правовые возможности.[476]
Для казахстанского права этот вопрос имеет не только терминологическое значение.[477] Согласно п. 1 ст. 149 ГК РК односторонняя сделка может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законами либо соглашением с этими лицами.[478] Текст нормы говорит только об обязанностях. Если читать ее буквально, правовое основание не требовалось бы ни для зачета, ни для отказа от договора, поскольку ни тот, ни другой обязанностей на адресата не возлагают. Между тем сам Кодекс исходит из обратного: прекращение обязательства по требованию одной из сторон допускается только в случаях, предусмотренных законодательством, а односторонний отказ от исполнения договора - в случаях, предусмотренных законами или соглашением сторон.[479] Следовательно, п. 1 ст. 149 ГК РК, как и совпадающая с ним по тексту ст. 155 ГК РФ, должен толковаться расширительно. Как обоснованно отмечается в комментарии к ст. 155 ГК РФ, в такой норме отражена более общая идея о недопустимости без надлежащего правового основания любых односторонних сделок интервентного типа - не только возлагающих на адресата обязанность, но и прекращающих, изменяющих или блокирующих его права либо иным образом навязывающих ему потенциально нежелательные правовые последствия.[480] Сходная идея известна французскому праву, где Гражданский кодекс прямо признает наряду с договорами односторонние юридические акты (ст. 1100-1 ГК Франции): доктрина исходит из того, что никто не может односторонним волеизъявлением создать себе право требования к другому лицу, а спорным остается лишь вопрос о том, может ли лицо таким способом обязать самого себя.[481]
А.Г. Карапетов в комментарии 2018 г. выделял две категории односторонних сделок. Первая, по его словам, «позволяет воле одного лица вторгнуться в сферу правовой автономии другого лица и навязать последнему правовые последствия в форме лишения этого лица тех или иных прав (полномочий), создания для него неких новых обязанностей, изменения или прекращения правоотношения с участием этого адресата односторонней сделки»; вторая «позволяет стороне сделки ограничивать свои собственные права и правовые возможности или предоставлять адресату такой сделки некие права (полномочия)».[482]
В современном российском праве в этом контексте говорят об интервентных и неинтервентных односторонних сделках. В комментарии 2018 г. обе группы обозначались лишь как сделки первой и второй категории. Термины «интервентная» и «неинтервентная» односторонняя сделка предложил Н.В. Резанов, поддержав сам критерий деления, но отказавшись от неудачных наименований.[483] В комментарии 2025 г. эта терминология принята и обоснована. Термин «интервентная» предпочтителен потому, что такие сделки часто не возлагают на адресата обязанности, а прекращают или изменяют его права либо навязывают ему иные правовые последствия; более универсальное понятие интервенции точнее отражает суть явления, чем более узкое понятие обязывания. Соответственно, вместо термина «управомочивающая» используется понятие неинтервентной сделки.[484] Обязывающая односторонняя сделка оказывается лишь частным случаем интервентной, а право на совершение интервентной сделки должно быть поименовано в законе, вытекать из принципа доброй совести либо быть согласовано в договоре.[485]
Отличительный признак интервентной сделки состоит в том, что ее правовой эффект наступает для конкретного адресата помимо его воли: адресат утрачивает права, приобретает обязанность либо оказывается участником измененного или прекращенного правоотношения. Право на совершение такой сделки представляет собой секундарное (преобразовательное) право изъявителя воли, источником которого служит закон,

принцип доброй совести или ранее заключенный договор с адресатом; типичные случаи - отказ от договора и его одностороннее изменение, выбор в альтернативном обязательстве, зачет.[486]

В комментарии к ст. 154 ГК РФ авторы разделили неинтервентные сделки на три группы. Первую составляют акты, вообще не затрагивающие непосредственно прав других лиц (учреждение организации единственным учредителем, смена имени). Вторую - акты, создающие для неопределенного круга лиц возможности, воспользоваться которыми или нет, решают сами эти лица (публичное обещание награды, отказ от права собственности на движимую вещь, завещание). Третью - акты, обращенные к конкретному лицу, но либо ограничивающие права самого изъявителя воли (отказ от осуществления секундарного права, отказ от наследства), либо наделяющие адресата полномочиями и иными возможностями (выдача доверенности, предварительное согласие на совершение сделки).[487]

Различаются и оценки самого признака интервенции. Н.В. Резанов понимает под интервенцией исключительно негативное вмешательство в правовую автономию адресата,[488] тогда как в комментарии 2025 г. подчеркивается, что термин «вторжение» не несет негативных коннотаций: нередко адресат сам предоставил другой стороне соответствующее правомочие или ожидает его скорейшего осуществления.[489] Представляется, что решающим является не то, желателен ли эффект для адресата в конкретном случае, а то, может ли он быть навязан адресату помимо его воли. Именно поэтому заявление о зачете остается интервентной сделкой и тогда, когда адресат против зачета не возражает.

В германской доктрине односторонние сделки делятся на те, посредством которых осуществляется преобразовательное право (Gestaltungsrecht), - зачет, отказ от договора и т.п., - и все остальные: выдачу доверенности, предварительное согласие третьего лица на совершение сделки, публичное обещание награды, завещание и т.п.[490] По существу, это та же классификация, только в иной терминологии: интервентным сделкам соответствуют волеизъявления об осуществлении преобразовательных прав. Преобразовательное право позволяет его обладателю односторонним актом установить правоотношение с другим лицом, конкретизировать его содержание, изменить или прекратить его, то есть совершить то, для чего обычно требуется согласие другой стороны. Другая сторона обязана претерпеть это вторжение в свою правовую сферу, а само право может основываться как на законе, так и на договоре.[491] Существенно, что германская доктрина описывает эти сделки через преобразование правоотношения, а не через обязывание адресата. Из той же идеи выводится и особый режим: заявления о преобразовании по общему правилу не допускают условий, поскольку адресат, вынужденный принять преобразование, не должен находиться в состоянии неопределенности (применительно к зачету это прямо закреплено в предл. 2 § 388 ГГУ), и по общему правилу не могут быть отозваны.[492] Одностороннюю сделку, совершенную представителем без предъявления доверенности, адресат может немедленно отклонить, и тогда она недействительна (§ 174 ГГУ).[493] Сходное правило, заимствованное из германского права, содержит ст. 3:71 ГК Нидерландов: сторона, получившая, например, заявление представителя об отказе от договора, вправе потребовать подтверждения полномочий и при его отсутствии отклонить заявление.[494]

Не уходя в обоснование полноты второго деления, охарактеризуем сделки этих двух видов. Итак, интервентными являются односторонние сделки, посредством которых изъявитель воли вторгается в правовую автономию лица, не участвующего в их совершении: лишает его прав или полномочий, возлагает на него новые обязанности, изменяет или прекращает правоотношение с его участием.[495] На первый взгляд может показаться, что свобода совершения такой сделки не вписывается в существующие частноправовые принципы. Известно, что частное право защищает автономию воли и это отражается в позитивном законодательстве. Однако такие сделки не просто возможны, но и часто встречаются. Например, реализуя свое право на односторонний отказ от договора, субъект вторгается в правовую автономию другой стороны, навязывая ей свою волю в части последствий такого отказа - прекращения договора. Подобное происходит и при заявлении о зачете или одностороннем изменении договора (даже при наличии соглашения о возможности такого изменения). Ту же природу имеет осуществление иных секундарных прав, например выбора в альтернативном обязательстве.

Однако закон ограничивает возможность совершения односторонних сделок, посягающих на правовую автономию другого лица, строго определенными законом случаями, если соответствующее соглашение сторон отсутствует. Все это связано с тем, что такие сделки опосредуют «достаточно радикальное вторжение в сферу правовой автономии участников оборота, позволяют одному лицу подчинить своей воле структуру и динамику правоотношения с участием другого лица».[496] Из этого же вытекает принцип защиты адресата интервентной сделки от навязывания ему правовой неопределенности. Он проявляется в целом ряде отступлений от общих правил о сделках, сложившихся под влиянием договорного права: адресат вправе возразить против заявления, подписанного лицом, чьи полномочия ему не очевидны, или совершенного без необходимого согласия третьего лица; постановка интервентной сделки под условие допустима лишь в узких пределах; адресат вправе запросить письменное подтверждение устного волеизъявления; правила об оспоримости сделок требуют адаптации.[497] В германском праве право адресата отклонить одностороннюю сделку, совершенную без подтвержденного согласия третьего лица, прямо закреплено в законе: если согласие не представлено адресату в письменной форме, он может немедленно отклонить сделку, и тогда она недействительна; отклонение исключено, если управомоченное на согласие лицо само известило адресата о согласии (§ 111 и абз. 3 § 182 ГГУ).[498]

Казахстанская судебная практика следует той же логике. В упомянутом выше деле о государственных закупках суд, признавая недействительным односторонний отказ заказчика, указал, в частности, и на то, что договор не предоставлял заказчику права на односторонний отказ.[499] В другом деле апелляционная инстанция не признала обязательства прекращенными односторонним зачетом, поскольку адресат письменно оспорил встречное требование: по мнению суда, для зачета требование должно быть бесспорным, а для его оспаривания достаточно письменного возражения адресата, без обращения в суд.[500] Требование бесспорности в тексте ст. 370 ГК РК отсутствует, суд вывел его из смысла нормы, но по существу речь идет о защите адресата интервентной сделки от вторжения, правомерность которого им оспаривается.

Квалификация отказа от договора как интервентной односторонней сделки находит отражение и в формулировках судебных актов. По иску поставщика специализированный межрайонный экономический суд признал недействительным одностороннее расторжение заказчиком договора о государственных закупках. Договор допускал односторонний отказ лишь при отказе поставщика от исполнения либо при просрочке поставки более чем на месяц, тогда как договор, заключенный 24 октября 2017 г., был расторгнут уже 1 ноября 2017 г. Вместе с тем требование признать договор действующим в качестве последствия недействительности односторонней сделки суд отклонил, указав, что такое последствие законом не предусмотрено.[501] Последний вывод показывает, что правила о последствиях недействительности, рассчитанные прежде всего на реституцию по договору, плохо приспособлены к интервентной сделке. Недействительный отказ от договора не порождает задуманного эффекта. Договор продолжает действовать не в силу особого последствия, которое суд должен применить, а потому, что прекращающая его сделка юридически ничего не изменила. Требование о признании договора действующим является, следовательно, не применением последствий недействительности, а констатацией того же результата.

Показательна и судьба права банков в одностороннем порядке изменять ставку вознаграждения по договорам займа. Пока такое право было

предусмотрено договором, его осуществление признавалось правомерным, поскольку источник секундарного права - соглашение сторон - был налицо. В 2008 г. законодатель ограничил это право: фиксированная ставка вознаграждения по договорам займа с физическими лицами не подлежит изменению в одностороннем порядке, причем действие запрета распространено и на ранее заключенные договоры. Суд, однако, отказал заемщику во взыскании вознаграждения, начисленного по ставке, повышенной банком до вступления закона в силу, указав, что запрет действует лишь с этого момента.[502] Пример показывает, что соглашение как источник права на интервентную сделку само может быть ограничено законом. Такое ограничение оправдано прежде всего там, где одна из сторон при заключении договора не в состоянии оценить риск предоставляемого другой стороне секундарного права, как это обычно бывает в отношениях с участием потребителя.

Неинтервентные сделки не посягают на правовую автономию других лиц в той степени, которая позволила бы говорить о значительном изменении прав, возникновении обязанностей или их изменении и прекращении. Под значительным изменением прав при этом понимается их негативное изменение: при позитивном, пусть и значительном, изменении вряд ли можно говорить о грубом вторжении в автономию. А.Г. Карапетов отмечает, что по таким сделкам « элемент навязывания практически отсутствует или абсолютно незначителен».[503] Такие сделки направлены либо на предоставление полномочий или правовых возможностей (доверенность, оферта, завещание), либо на ограничение изъявителем воли собственных прав (отказ от осуществления секундарного права, отказ от наследства). Представитель, получивший доверенность, может ее не использовать; наследник по завещанию может не принимать наследство; посторонние лица могут не воспользоваться возможностью завладеть брошенной вещью.[504] Поэтому для неинтервентных сделок столь же жесткое требование правового основания не оправдано: они могут совершаться и тогда, когда прямо не предусмотрены законом или соглашением, если это не противоречит закону, существу отношений и принципам их регулирования.[505] Н.В. Резанов предлагает преодолевать трудности разграничения с помощью презумпции интервентности: при споре о допустимости не предусмотренной законом односторонней сделки совершившее ее лицо должно доказать, что сделка не влечет для адресата негативных последствий.[506]

Сказанное подтверждает и практика по отказу от наследства. Закон позволяет наследнику указать, что он отказывается от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или по закону.[507] Такой отказ увеличивает долю конкретного лица, но ничего ему не навязывает: наследник, в пользу которого совершен отказ, сам решает, принимать ли наследство. Показательно, что в упомянутом выше деле, рассмотренном Кассационным судом в 2026 г., спор возник не по инициативе сестры, в пользу которой был совершен отказ, а по иску самого отказавшегося, ссылавшегося на порок собственной воли. Для неинтервентной сделки это типичная конфигурация: защиты требует не адресат, чья правовая сфера помимо его воли не затронута, а изъявитель, ограничивший собственные права.

Большинство известных обороту конструкций односторонних сделок можно четко распределить по такому классификационному критерию. Однако есть такие случаи, в отношении которых достаточно сложно оценить вмешательство в автономию. Так, выдача независимой гарантии предоставляет бенефициару не секундарное право, а полноценное право требования к гаранту; тем не менее, поскольку требование носит обеспечительный характер и лишь упрочивает положение бенефициара, сделку иногда относят к неинтервентным,[508] но такая квалификация не является бесспорной. Н.В. Резанов возражает против отождествления блага с желательностью для адресата. В числе примеров он называет право банка односторонне повысить ставку по вкладу: даже такое благо может оказаться нежеланным.[509]

Спорна и квалификация завещательного отказа. Завещатель возлагает на наследника имущественные обязанности перед третьими лицами - отказополучателями, приобретающими право требовать исполнения.[510] Оценивать действие такой сделки необходимо отдельно для наследника и отказополучателя. В отношении отказополучателя сделка неинтервентна: приобретение им блага не порождает для него обязанностей, и он вправе отказаться от завещательного отказа, после чего наследник освобождается от обязанности его исполнить.[511] Это решение совпадает с подходом Модельных правил, по которым адресат вправе отклонить предоставленное ему односторонней сделкой право.[512]

Для наследника ответ менее очевиден. Дополнительные обязанности связаны с принятием наследства, и правила об этом осознанном волевом акте защищают автономию наследника. Отказавшись от наследства или не приняв его, наследник не подпадает под цепочку дополнительных обременений. Кроме того, исполняя отказ, наследник передает третьему лицу благо, полученное от наследодателя: наследник исполняет завещательный отказ БЮА лишь в пределах действительной стоимости перешедшего к нему наследства БЮА за вычетом падающей на него части долгов наследодателя, и собственного имущества, принадлежавшего ему вне связи с наследованием, он лишиться не может. Не нарушается и публичный порядок: если наследник имеет право на обязательную долю, его обязанность исполнить отказ ограничивается стоимостью наследства, превышающей стоимость обязательной доли.[513]

Однако принятие наследства не во всех случаях обнаруживает осознанное и бесспорное намерение вызвать наследственный правовой эффект. Пока не доказано иное, наследник признается принявшим наследство, если он вступил во владение или в управление наследственным имуществом, принял меры по его сохранению, произвел расходы на его содержание либо оплатил долги наследодателя; [514] вступив же во владение наследственным имуществом или распорядившись им, он утрачивает и право отказаться от наследства.[515] При фактическом принятии наследник может и не осознавать, что на него возложен завещательный отказ. В отношении него сделку поэтому следует считать интервентной. Она непосредственно создает обязанность, и возможность ее возложения специально установлена законом как того требует п. 1 ст. 149 ГК РК. Вмешательство, однако, ограничено стоимостью наследственной массы и не затрагивает собственного имущества наследника.

Следовательно, интервентность характеризует действие сделки в отношении определенного лица, а не обязательно ее тип в целом. Одна сделка может быть интервентной для одного лица и неинтервентной для другого. Сочетание обоих эффектов допускал еще Б.Б. Черепахин, хотя примеров не приводил.[516]

Практическое применение этого деления обнаруживается и в режиме служебных результатов интеллектуальной деятельности. Право на патент на изобретение, полезную модель, промышленный образец, созданные работником при выполнении служебных обязанностей или конкретного задания работодателя, принадлежит работодателю, если иное не предусмотрено договором между ними; размер и порядок выплаты вознаграждения автору определяются соглашением между ним и работодателем.[517] Закон и договор, следовательно, определяют распределение прав. Одностороннее волеизъявление автора само его не устанавливает; односторонние волеизъявления и сделкоподобные действия участвуют лишь в реализации предусмотренного распределения. Автор обязан в письменной форме в течение месяца уведомить работодателя о создании служебного объекта. Если работодатель в течение четырех месяцев с даты такого уведомления не подаст заявку, не уступит БЮА право на получение охранного документа другому лицу и не сообщит автору о сохранении объекта в тайне, право на получение охранного документа переходит к автору; если работодатель отказывается от получения или поддержания охранного документа, он обязан своевременно в письменной форме уведомить об этом автора и безвозмездно предоставить ему соответствующее право.[518]

Сообщая о создании служебного объекта, автор совершает сделкоподобное действие. Начало четырехмесячного срока предусмотрено законом. Он течет с момента получения работодателем уведомления, а без уведомления - с момента, когда работодатель узнал о создании

объекта. Сообщение работодателя о сохранении объекта в тайне, напротив, является рецептивным интервентным волеизъявлением: оно блокирует переход права к автору и тем самым непосредственно затрагивает его правовое положение помимо его воли. Поэтому значение имеет момент его доставки автору в пределах установленного срока, а его постановка под условие, как будет показано в подразделе 3.2, вряд ли допустима.[519]
Вторжение в сферу правовой автономии адресата определяет дальнейший режим односторонней сделки. Именно от интервентности зависят свобода совершения, допустимость условий, возможность отзыва и особенности недействительности.[520] В отличие от неинтервентных волеизъявлений, интервентные допустимы лишь при наличии у лица соответствующего секундарного права, основанного на законе, договоре либо принципе добросовестности. Поскольку п. 1 ст. 149 ГК РК в действующей редакции говорит лишь о создании обязанностей для других лиц, представляется целесообразным уточнить его формулировку: односторонняя сделка может создавать обязанности для других лиц, прекращать или изменять их права либо иным образом затрагивать их правовое положение помимо их воли лишь в случаях, установленных законами либо соглашением с этими лицами.

2.3 Односторонние волеизъявления в зависимости от вида правовых последствий

По виду правовых последствий можно делить и односторонние волеизъявления, и договоры. Поэтому данный критерий не раскрывает особенностей одностороннего волеизъявления. Ограничимся кратким указанием на эффекты, которые оно способно породить.
В литературе с этим критерием связывается обсуждение распорядительных и абстрактных сделок. Заимствование германской конструкции распорядительной сделки оценивается неоднозначно. При этом в литературе обращается внимание на то, что обязывающий или распорядительный характер может иметь и договор, и односторонняя сделка.[521] В сфере интеллектуальной собственности распорядительный характер имеют, в частности, заявление патентообладателя о предоставлении права на открытую лицензию и его заявление о досрочном прекращении действия охранного документа: они непосредственно изменяют правовое положение объекта (открывают доступ к нему неопределенному кругу лиц или прекращают его охрану), а не порождают лишь обязанность совершить такое изменение.[522]
Обязывающие односторонние сделки порождают обязательство. Например, публичное обещание вознаграждения. По нему лицо, объявившее о выплате вознаграждения за лучшее выполнение работы или достижение иных результатов, обязано выплатить его тому, кто по условиям конкурса признан победителем (ст. 911 ГК РК). Распорядительные односторонние сделки не создают обязательств, но призваны прекращать или изменять право. Например, зачет прекращает обязательство заявлением одной стороны (ст. 370 ГК РК), односторонний отказ от исполнения договора прекращает договорное правоотношение (ст. 404 ГК РК), отказ от права собственности направлен на прекращение этого права (ст. 250 ГК РК). К распорядительным сделкам относится и завещание.[523] Своеобразие завещания как распорядительной сделки состоит в том, что его эффект отложен до смерти завещателя и зависит от принятия наследства наследником. Не всякое завещательное распоряжение, однако, имеет лишь распорядительный характер. В случаях, если завещание содержит завещательный отказ, возлагающий на наследника обязательство,[524] то в этой части завещание следует рассматривать в том числе и как обязывающую сделку.
Наряду с обязывающими и распорядительными односторонние сделки порождают и иные правовые эффекты. В наследственном праве принятие наследства и отказ от него определяют, к кому перейдет наследственное имущество.[525] В вещном праве завладение бесхозяйной движимой вещью ведет к возникновению права собственности, а отказ от права собственности может привести к его прекращению. Выдача доверенности создает полномочие представителя, а предварительное согласие на совершение сделки снимает препятствие к ее совершению. Специфики односторонних сделок эта классификация не определяет, так как вид правового эффекта определяется содержанием конкретной сделки, а не тем, что для ее совершения достаточно волеизъявления одного лица. Поэтому для настоящего исследования ее значение ограничено, и подробно она не рассматривается.

Выводы по главе 2

Проведенное в главе 2 исследование позволяет сформулировать следующие выводы.
1. Деление односторонних волеизъявлений на рецептивные и нерецептивные проводится по тому, должно ли волеизъявление быть доведено до адресата. Рецептивным является одностороннее волеизъявление, отвечающее совокупности признаков: а) оно обращено к определенному лицу или лицам (адресату); б) для вступления в силу оно должно быть доставлено адресату, то есть поступить в сферу его контроля так, чтобы он имел возможность с ним ознакомиться, тогда как фактического ознакомления не требуется; в) до доставки оно правового эффекта не порождает. Нерецептивное волеизъявление в доставке не нуждается: для его совершения достаточно объективного выражения воли вовне, а правовой эффект наступает независимо от осведомленности лиц, чьи права оно затрагивает (завещание, публичное обещание награды, отказ от права собственности). От этого деления зависят момент наступления правового эффекта, распределение риска недоставки, пределы отзыва, позиция толкования и место совершения сделки.
2. Рецептивное волеизъявление вступает в силу с момента доставки адресату, а риск его неполучения по обстоятельствам, зависящим от адресата, должен нести сам адресат. ГК РК такого общего правила не содержит, а п. 2 ст. 176 ГК РК решает лишь вопрос о своевременности заявления. Пробел приводит к тому, что сторона, имеющая право на внесудебный отказ от договора, вынуждена расторгать его в судебном порядке.
3. Нерецептивное волеизъявление порождает правовой эффект с момента выражения воли. Объявление о награде, обращенное к неопределенному кругу лиц, является публичным обещанием, то есть нерецептивной односторонней сделкой, а не публичной офертой.
4. Рецептивное волеизъявление толкуется с позиции разумного адресата, нерецептивное - как правило, исходя из действительной воли изъявителя, а обращенное к неопределенному кругу лиц - с позиции разумного представителя этого круга. Местом совершения рецептивной сделки следует признавать место доведения волеизъявления до адресата, нерецептивной - место выражения воли.
5. Деление односторонних сделок на интервентные и неинтервентные проводится по тому, навязывает ли сделка правовые последствия адресату помимо его воли. Интервентной является односторонняя сделка, отвечающая совокупности признаков: а) ее правовой эффект наступает для определенного лица, не участвующего в ее совершении; б) этот эффект состоит в лишении такого лица прав, возложении на него обязанностей, изменении или прекращении правоотношения с его участием либо в ином изменении его правового положения; в) он наступает помимо воли этого лица, причем решающей является не желательность эффекта для адресата, а возможность навязать его без согласия.
Неинтервентная сделка ограничивает права самого изъявителя либо предоставляет другим лицам правовые возможности, воспользоваться которыми или нет они решают сами. Интервентная сделка допустима лишь при наличии секундарного права, основанного на законе, соглашении с адресатом или принципе добросовестности; без него она не порождает последствий, на которые направлена. Интервентность

характеризует действие сделки в отношении конкретного лица: одна и та же сделка может быть интервентной для одного лица и неинтервентной для другого. Интервентность не совпадает с рецептивностью. Рецептивность характеризует способ вступления волеизъявления в силу, а интервентность - его действие на чужую правовую сферу. Поэтому рецептивная сделка может быть как интервентной (отказ от договора, зачет), так и неинтервентной (выдача доверенности).
6. Деление односторонних сделок по виду правовых последствий (обязывающие, распорядительные и иные) имеет вспомогательное значение, поскольку не отражает особенностей одностороннего волеизъявления по сравнению с договором.

ГЛАВА 3. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОДНОСТОРОННЕГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

3.1 Модели правового режима односторонних волеизъявлений

Правовой режим односторонних сделок в сравнительно-правовом плане строится с помощью двух законодательных техник, которые важно не смешивать: распространения на них общих положений о сделках и отсылки к правилам о договорах.[526]
Первая техника - пандектная. Германское гражданское уложение содержит развитую общую часть гражданско-правового регулирования, включающую множество правил о сделках: правила о форме, о поступлении волеизъявления, о толковании, об основаниях и последствиях недействительности, об условии и о согласии. Эти правила применяются ко всем сделкам, в том числе к односторонним, напрямую, без обращения к аналогии. Наряду с ними в общей части имеются нормы, рассчитанные исключительно на односторонние сделки (§ 111, абз. 3-4 § 143, § 174, 180 ГГУ).[527] Именно немецким цивилистам XVIII-XIX вв. принадлежит ведущая роль в выработке общего понятия сделки, охватывающего и договоры, и односторонние сделки.[528] Однако и в пандектной системе общие правила универсальны не до конца: так, общее правило о допустимости условия в сделке приходится дополнять запретами для отдельных односторонних сделок - зачета, принятия и отказа от наследства.[529]
Вторая техника - отсылочная. Правопорядки, не знающие пандектной общей части, строят регулирование вокруг договора и распространяют договорные правила на односторонние акты. После реформы 2016 г. ст. 1100-1 ГК Франции устанавливает, что юридические акты, в том числе односторонние, подчиняются в отношении их действительности и последствий правилам о договорах «в той мере, в какой это разумно».[530] До реформы к тому же выводу приходила господствующая доктрина, переносившая на односторонний акт режим договора по всем вопросам, не решенным законом.[531] Согласно ст. 1324 ГК Италии нормы о договорах применяются, поскольку они совместимы, к односторонним актам между живыми, имеющим имущественное содержание.[532] В силу § 876 АГУ правила о пороках воли, установленные для договоров, применяются к другим волеизъявлениям, которые должны быть сделаны другому лицу (например, к уведомлению о расторжении или выдаче полномочия).[533] Сходную отсылку содержит ст. 7 ГК Швейцарии.[534] Той же техникой пользуются и наднациональные своды: Принципы европейского договорного права применяются с необходимыми изменениями к односторонним обещаниям, иным заявлениям и поведению, указывающему на намерение;[535] Принципы УНИДРУА распространяют правила о недействительности договоров на любое сообщение о намерении, адресованное одной стороной другой.[536] Даже Модельные правила европейского частного права, оперирующие понятием юридического акта, распространяют правила о недействительности договора на иные юридические акты «с необходимыми адаптациями», а в вопросах толкования, наряду с собственным правилом для односторонних актов, отсылают к нормам о толковании договоров.[537]
Казахстанское и российское право соединяют обе техники. Оба кодекса построены по пандектной схеме, и общие положения о сделках применяются к односторонним сделкам дедуктивно - так же как общие нормы обычно применяются к категории, подпадающей под гипотезу таких норм. Вместе с тем закон содержит и отсылочную норму: «БЮА к односторонним сделкам соответственно применяются общие положения об обязательствах и о договорах, поскольку это не противоречит законодательству, природе и существу сделки».[538] Почти тождественное правило закреплено в ст. 156 ГК РФ (с указанием на односторонний характер сделки вместо ее природы), а в комментарии к ней А.Г. Карапетов отмечает, что подобная отсылка характерна для кодификаций, не реализовавших пандектную модель (§ 876 АГУ, ст. 1100-1 ГК Франции, ст. 1324 ГК Италии).[539] По наблюдению Н.В. Резанова, для кодификаций пандектного типа такая отсылка нехарактерна: их общая часть задумана как универсальная и потому обходится без переадресации к нормам о договоре.[540]
Впрочем, с такой оценкой сложно согласиться. Так, нидерландское законодательство также содержит большой массив общих правил о сделках, применимых дедуктивно с некоторыми исключениями и к односторонним сделкам. При этом к адресованным односторонним сделкам в нидерландском праве признается применение договорных норм по аналогии.[541]
В казахстанском праве необходимо различать три группы норм, образующих режим односторонней сделки. Общие положения о сделках действуют непосредственно. Однако они выработаны преимущественно из договорных решений, поэтому нередко нуждаются в адаптации либо телеологической редукции.[542] Общие положения о договорах применимы лишь по аналогии в порядке п. 2 ст. 149 ГК РК, если это совместимо с природой и существом сделки.[543] Общие положения об обязательствах, напротив, прямо регулируют обязательства из односторонней сделки: их действие не зависит от источника обязательства.[544] Прежде чем рассматривать применение этих норм, необходимо решить предшествующий вопрос - когда само одностороннее волеизъявление допустимо.

3.1.1 Свобода совершения односторонних сделок

Для договора вопрос о свободе совершения решен в кодексе прямо. Граждане и юридические лица БЮА свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых его условий, не противоречащих законодательству, а БЮА стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законодательством.[545] Применимо ли то же начало к односторонней сделке, закон прямо не говорит. Отсылка п. 2 ст. 149 ГК РК к общим положениям о договорах ответа не дает: свобода договора может быть перенесена на одностороннюю сделку лишь постольку, поскольку это не противоречит ее природе и существу, а именно природа односторонней сделки и вызывает сомнения.
Прежде всего следует различать два самостоятельных вопроса: 1) свободу совершения односторонней сделки и 2) свободу определения ее содержания. Второй вопрос возникает тогда, когда совершение сделки уже допущено законом или соглашением, и решается по той же логике, что и в договорном праве: нормы, определяющие содержание такой сделки, предполагаются диспозитивными, если из закона не следует иное. Первый вопрос значительно сложнее. Смешение этих вопросов приводит к двум перекрестным ошибкам: 1) необоснованному расширению круга допустимых односторонних актов, 2) необоснованному признанию императивными правил, определяющих их содержание.[546] Предметом настоящего подраздела является первый из них.
Сравнительное право не отражает единого подхода по данному вопросу. Наиболее строгий подход представлен итальянским правом. В силу ст. 1987 ГК Италии одностороннее обещание исполнения не порождает обязательства вне случаев, допускаемых законом. Из этой нормы

итальянская доктрина выводит принцип типичности односторонних обещаний, противопоставляя его свободе заключения непоименованных договоров (ст. 1322 ГК Италии), и объясняет его тем, что обещание, не включенное в возмездный договор, позволяло бы совершать безвозмездные предоставления в обход формы, установленной для дарения. Вместе с тем та же доктрина допускает непоименованные односторонние сделки, если односторонней структуры достаточно для достижения цели, заслуживающей правовой защиты, но с одной оговоркой: вне предусмотренных законом случаев нельзя вторгаться в правовую сферу другого лица против воли ее обладателя.[547]
Германское право исходит из так называемого принципа договора: обязательство может быть установлено сделкой, как правило, лишь посредством договора (абз. 1 § 311 ГГУ). Обосновывается это тем, что обязательственное отношение охватывает по меньшей мере двух лиц, и если бы его можно было установить или изменить односторонне, интересы другого участника регулировались бы без его участия. Показательно, что ГГУ проводит этот принцип и тогда, когда согласия другой стороны можно ожидать без всяких сомнений, поскольку она получает лишь выгоду: договор требуется и для дарения, и для прощения долга.[548] Исключения из принципа договора немногочисленны и названы в законе: учреждение фонда, публичное обещание награды, а позднее и одностороннее обещание выигрыша (§ 661а ГГУ).[549] За пределами обязательственного права свобода односторонних сделок ограничивается иными средствами: закрытым перечнем вещных прав, вид и содержание которых определены законом,[550] и правилом о том, что распоряжения на случай смерти могут совершаться лишь в предусмотренных законом формах.[551] Швейцарское право также относит одностороннюю сделку к второстепенным основаниям возникновения обязательств, называя в их числе обещание награды (ст. 8 Швейцарского обязательственного закона) и завещательный отказ.[552]
Во французском праве вопрос о том, может ли одностороннее волеизъявление быть самостоятельным источником обязательства, остается дискуссионным и после реформы 2016 года. Бесспорно лишь, что воля одного лица не может сделать должником другое лицо. Но вопрос о том, может ли лицо своей волей обязать себя перед другим без его согласия, является спорным. Новая редакция ст. 1100 ГК Франции упоминает такое обязательство лишь применительно к обещанию исполнить долг совести, что дает основание говорить о признании одностороннего волеизъявления источником обязательства лишь «в миноре».[553] В испанском праве ГК не называет одностороннее волеизъявление среди источников обязательств, и Верховный суд Испании исходит из того, что односторонняя воля по общему правилу источником обязательств не является; практика допускает такие обязательства лишь в виде исключения.[554] Английское право приходит к близкому результату иным путем: обещание имеет силу, только если оно дано в обмен на встречное предоставление либо облечено в форму документа за печатью (deed), так что неформальное безвозмездное обещание не связывает.[555] Наиболее либеральное решение предлагают Модельные правила европейского частного права: одностороннее обязательство связывает лицо без акцепта, если оно имело намерение быть связанным без акцепта (п. 2 ст. II.-1:103). Составители Модельных правил полагают, что опасения, связанные с признанием таких обязательств, не обоснованы: люди в здравом уме обычно не принимают на себя обязательств без веских причин, а правопорядки, признающие безвозмездные обязательства, не испытывают в связи с этим серьезных затруднений.[556]
Сопоставление показывает, что правопорядки расходятся не столько в принципе, сколько в предмете ограничения. Там, где ограничение установлено, оно направлено прежде всего против сделки, посредством которой лицо распоряжается чужой правовой сферой: устанавливает для другого лица обязанность, лишает его права или навязывает ему правоотношение, которого тот не желал. В итальянской доктрине это прямо обосновывается недопустимостью вторжения в чужую правовую сферу против воли ее обладателя, в германской - тем, что одностороннее установление обязательства означало бы регулирование интересов другого участника помимо его воли. Сделки, которыми лицо распоряжается собственными правами или предоставляет другому лицу возможности, которыми тот волен не пользоваться, ограничиваются значительно мягче или не ограничиваются вовсе.
Казахстанское законодательство в этом вопросе внутренне не вполне согласовано. С одной стороны, односторонней признается сделка, для совершения которой «в соответствии с законодательством или соглашением сторон» необходимо и достаточно выражения воли одной стороны, а обязанности для других лиц она может создавать лишь в случаях, установленных законами либо соглашением с этими лицами.[557] Из этих норм нами ранее был сделан вывод о том, что для односторонних волеизъявлений действует не презумпция свободы, а замкнутый перечень оснований.[558] С другой стороны, гражданские права и обязанности возникают «из договоров и иных сделок, предусмотренных законодательством Республики Казахстан, а также из сделок, хотя и не предусмотренных им, но не противоречащих законодательству Республики Казахстан», а граждане и юридические лица, если иное не установлено законами, отказываются от прав своей волей и в своем интересе.[559] Норма ст. 7 ГК РК говорит о сделках вообще, а не только о договорах, и тем самым допускает непоименованные односторонние сделки.
Представляется, что противоречие здесь кажущееся и устраняется делением односторонних сделок на интервентные и неинтервентные, поэтому сделанный нами ранее вывод нуждается в уточнении. Ограничение п. 1 ст. 149 ГК РК, как было показано в подразделе 2.2, выражает более общую идею: без правового основания, вытекающего из закона, соглашения с адресатом или принципа добросовестности, недопустима любая сделка, вторгающаяся в правовую сферу адресата помимо его воли. Для таких сделок действительно действует закрытый перечень оснований, а принцип свободы договора на них не распространяется. Указание п. 2 ст. 148 ГК РК на совершение односторонней сделки «в соответствии с законодательством»[560] не означает, однако, что каждая односторонняя сделка должна быть прямо названа в законе: в соответствии с законодательством совершается и сделка, которая им не предусмотрена, но ему не противоречит. Поэтому неинтервентные односторонние сделки, которые лишь ограничивают правовые возможности самого изъявителя воли или предоставляют другим лицам возможности, которыми те вольны не пользоваться, могут совершаться и тогда, когда закон их не предусматривает. К тому же выводу приходит и российская доктрина: «Если сделка не структурирует вторжение в сферу правовой автономии адресата, она может быть совершена и в тех случаях, когда основание для этого прямо не следует из закона или ранее заключенного с адресатом соглашения».[561] Н.В. Резанов находит нормативное основание такого вывода в ст. 155 ГК РФ, согласно которой односторонняя сделка может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законом либо соглашением с ними: ограничение, по его мнению, касается только сделок, негативно затрагивающих автономию адресата.[562] В иной терминологии к тому же выводу приходит Р.С. Бевзенко, обосновывая допустимость залога, установленного завещанием в обеспечение завещательного отказа. Он различает односторонне-обязывающие и односторонне-управомочивающие сделки. Первые воздействуют на имущественную сферу другого лица и потому возможны лишь тогда, когда поименованы в законе. Вторые создают для другого лица право или иную правовую возможность, с последствиями которой оно вправе не согласиться, а значит, не способны причинить ущерб его имущественной сфере; в их типизации законом нет необходимости, и они, подобно договорам, допустимы и тогда, когда в законе не поименованы, если только не запрещены им.[563] Казахстанское законодательство содержит для этого вывода еще более прочную опору, поскольку п. 1 ст. 149 ГК РК прямо называет первым следствием односторонней сделки обязанность самого лица, ее совершившего, а ст. 7 ГК РК прямо признает основанием прав и обязанностей непоименованные сделки. На то, что правомерность сделки не требует ее прямого указания в законе, обращал внимание и Ю.Г. Басин: «вполне возможны сделки, законом не предусмотренные;

требуется лишь, чтобы они не противоречили закону, не нарушали его запретов».[564]
Свобода совершения неинтервентных сделок, однако, не безгранична: «Пределы такой свободы задаются нормами закона, существом соответствующих отношений и принципами их регулирования».[565] Так, лицо не может своей волей учредить юридическое лицо в неизвестной закону организационно-правовой форме, отказаться от права собственности на вещь, продолжая ею владеть и пользоваться, или ограничить свою дееспособность на будущее.[566] Для казахстанского права эти пределы прямо следуют из закона: коммерческая организация может быть создана только в формах, названных в законе, а БЮА сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны.[567]
Пределы свободы различаются и в зависимости от того, в какой сфере гражданского права совершается сделка. В обязательственном праве одностороннее принятие лицом обязанности перед другим лицом само по себе неинтервентно: кредитор получает право, которое может не осуществлять. Однако неинтервентность такой сделки сохраняется лишь до тех пор, пока за адресатом остается возможность отвергнуть предоставленное ему благо. Там, где закон эту возможность исключает, выгода навязывается, и сделка становится интервентной; именно поэтому, как было показано в подразделе 1.3.3.2, прощение долга по своей природе является соглашением. В вещном праве свободу односторонних сделок ограничивает закрытый перечень вещных прав: к ним наряду с правом собственности относятся лишь права, названные в ГК РК или иных законах.[568] Поэтому, например, вопрос о допустимости залога, установленного завещанием на имущество, переходящее к наследнику, в пользу отказополучателя решается не столько через свободу односторонних сделок, сколько через закрытый перечень оснований возникновения залога: по ГК РК залог возникает в силу договора или на основании законов.[569] С позиции интервентности такое распоряжение мало отличается от завещательного отказа: обременение затрагивает лишь перешедшее к наследнику имущество, а сам наследник свободен не принимать наследство.[570] Р.С. Бевзенко, исходя из этого, считает завещательный залог допустимым и по действующему российскому праву, которое такого основания возникновения залога не знает, но и не запрещает.[571] Для казахстанского права вопрос сводится, следовательно, к толкованию п. 1 ст. 300 ГК РК: если видеть в нем закрытый перечень оснований возникновения залога, то препятствие лежит не в природе односторонней сделки, а в вещно-правовом принципе; если же исходить из того, что закон, не называя завещание среди таких оснований, его и не запрещает, завещательный залог допустим как неинтервентная сделка. В наследственном праве свобода завещателя широка: он может любым образом определять доли наследников и распорядиться своим имуществом или его частью, в том числе возложить на наследника исполнение завещательного отказа.[572] Однако и здесь она реализуется лишь в предусмотренных законом формах распоряжений на случай смерти, как это прямо признается германской доктриной. В корпоративном праве свобода учреждения юридического лица ограничена закрытым перечнем организационно-правовых форм.
Остается вопрос о распределении бремени доказывания. Граница между интервентными и неинтервентными сделками не всегда очевидна (см. подраздел 2.2), и Н.В. Резанов предлагает установить презумпцию интервентности: при споре о допустимости не предусмотренной законом односторонней сделки совершившее ее лицо должно доказать, что сделка не влечет для адресата негативных последствий.[573] Для казахстанского права такая презумпция согласуется с п. 1 ст. 149 ГК РК и с основными началами гражданского законодательства, к которым относится недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела.[574] Казахстанская судебная практика, признающая недействительным односторонний отказ от договора, право на который не предусмотрено ни законом, ни договором, по существу исходит из той же логики (см. подраздел 2.2).
Таким образом, свобода совершения односторонней сделки определяется ее интервентностью. Интервентная сделка допустима лишь при наличии у лица секундарного права, основанного на законе, соглашении с адресатом или принципе добросовестности, и принцип свободы договора на нее не распространяется. Неинтервентная сделка может быть совершена и тогда, когда закон ее не предусматривает, если она не противоречит законодательству, существу соответствующих отношений и принципам их регулирования, а в вещном, наследственном и корпоративном праве - еще и закрытому перечню вещных прав и организационно-правовых форм и предусмотренным законом формам распоряжений на случай смерти. Предложенная в подразделе 2.2 редакция п. 1 ст. 149 ГК РК, ограничивающая лишь сделки, которые затрагивают правовое положение других лиц помимо их воли, позволяет закрепить именно такое решение. Если же совершение сделки допущено, ее содержание определяется изъявителем воли свободно в пределах диспозитивных норм.

3.1.2 Форма сделки

К форме односторонних сделок применимы общие требования. Письменная либо нотариальная форма, установленная для соответствующего вида сделок, обязательна и при одностороннем волеизъявлении. Например, завещание совершается в письменной форме и нотариально удостоверяется,[575] доверенность представляет собой письменное уполномочие и в ряде случаев подлежит нотариальному удостоверению, [576] а отказ от наследства путем заявления совершается подачей такого заявления нотариусу по месту открытия наследства.[577]
Общие правила о форме сформулированы в ст. 151-155 ГК РК для сделок вообще: сделка, для которой не установлена определенная форма, может быть совершена устно и считается совершенной также тогда, когда из поведения лица явствует его воля ее совершить; молчание признается выражением воли лишь в случаях, предусмотренных законодательством или соглашением сторон.[578] Содержание этих общих правил, однако, обнаруживает преимущественную ориентацию на договор. В российском праве это особенно заметно: п. 1 ст. 161 ГК РФ требует письменной формы для сделок «между» юридическими лицами, юридическими лицами и гражданами, гражданами на сумму свыше десяти тысяч рублей, то есть при буквальном прочтении охватывает только договоры, и распространять его на односторонние сделки приходится через ст. 156 ГК РФ.[579] Сходная проблема известна швейцарскому праву: ст. 11 Швейцарского обязательственного закона о свободе формы упоминает лишь договоры, однако в силу ст. 7 ГК Швейцарии это начало распространяется на все сделки, включая односторонние.[580] Формулировка п. 1 ст. 152 ГК РК удачнее: письменная форма требуется для сделок, совершаемых в процессе предпринимательской деятельности, и для сделок на сумму свыше ста месячных расчетных показателей, то есть критерий связан с предметом сделки, а не с ее сторонами, и прямо охватывает односторонние сделки. Но подписание сторонами и обмен документами по п. 2, 3 ст. 152 ГК РК предполагают договорную модель. Для односторонней сделки эти правила необходимо адаптировать.[581]
При конкретизации требований к форме следует исходить из характера волеизъявления. Для неинтервентной сделки требование письменной формы обосновывается договорной аналогией: трудно объяснить, почему одно и то же обязательство требует письменного оформления в договоре, но не требует его при одностороннем принятии, например при публичном обещании значительной награды. Особый спор касается формы согласия третьего лица. Верховный Суд РФ допускает любую форму при отсутствии специального предписания закона, но устное согласие кредитора, например, на перевод долга создает риск последующего «подтверждения» свидетельскими показаниями.[582]
Для интервентного волеизъявления письменная форма тем более оправданна. Значимые заявления о зачете, изменении или прекращении договора, выборе в альтернативном обязательстве должны оформляться письменно. Письменная форма самого договора требует той же

формы для его одностороннего изменения или прекращения.[583] В казахстанском праве к такому выводу ведет применение по аналогии п. 1 ст. 402 ГК РК, согласно которому БЮА соглашение об изменении и расторжении договора совершается в той же форме, что и договор.[584]
Не совпадают и последствия нарушения формы. Несоблюдение требования о нотариальном удостоверении влечет ничтожность сделки, а несоблюдение простой письменной формы - ничтожность лишь в случаях, прямо указанных в законе или соглашении сторон. По общему правилу при несоблюдении обязательной письменной формы сторонам запрещается ссылаться на свидетельские показания.[585] Запрет рассчитан на договорный спор и недостаточно учитывает положение адресата односторонней интервентной сделки;[586] по тем же причинам с трудом применимы к односторонним сделкам правила о признании судом действительной сделки, которая «фактически исполнена сторонами или одной из сторон», и о регистрации сделки по решению суда при уклонении от регистрации «одной из сторон».[587]
Поэтому в доктрине предлагается различать последствия нарушения письменной формы. Для неинтервентной сделки достаточно исключения свидетельских показаний: адресат вправе запросить письменное подтверждение или не полагаться на сделку. Устная интервентная сделка создает иную ситуацию. Заявив между делом об отказе от договора, изъявитель впоследствии может признать либо отрицать разговор, тогда как адресат уже должен решать, как действовать. Одного запрета свидетельских показаний для его защиты недостаточно.[588]
Общие правила ст. 151-155 ГК РК действуют для односторонних сделок непосредственно, но конкретные требования к форме зависят от интервентности. Чем сильнее волеизъявление затрагивает правовую сферу адресата, тем строже должны быть требования к его оформлению. Соответственно уменьшаются основания считать достаточным устное или конклюдентное выражение воли.

3.1.3 Недействительность

А. Ничтожность

Специальных исключений из оснований недействительности для односторонних сделок ГК РК не устанавливает. На них распространяются ст. 157-161 ГК РК. Однако это не означает пригодности каждого общего правила без изменений: многие из них рассчитаны на договор и при одностороннем волеизъявлении нуждаются в адаптации. Рассмотрим основные затруднения, начиная с ничтожности.
Требования к правоспособности и дееспособности действуют и при односторонней сделке. Изъявитель должен обладать ими в необходимом объеме. Например, если недееспособный гражданин составил завещание или выдал доверенность, такая односторонняя сделка ничтожна, как и любая сделка, совершенная лицом, признанным недееспособным.[589] Но положение недееспособного адресата законом не определено: когда для него вступает в силу чужое одностороннее волеизъявление? Германское право решает этот вопрос специально: такое волеизъявление вступает в силу лишь с момента, когда оно поступило законному представителю (§ 131 ГГУ).[590]
Такое решение, на наш взгляд, необходимо и казахстанскому праву. Недееспособный не может ни понять значение обращенного к нему волеизъявления, ни отреагировать на него, а сделки от его имени совершает опекун,[591] следовательно, и доводить до него чужие волеизъявления имеет смысл лишь через законного представителя. Особенно важно это для интервентных волеизъявлений: заявление об отказе от договора, заключенного опекуном от имени подопечного, или заявление о зачете, полученные самим недееспособным, не должны считаться доставленными, пока они не поступили опекуну, иначе подопечный утратил бы права, даже не узнав об этом. Для лиц с ограниченной дееспособностью германское право делает исключение: волеизъявление вступает в силу с поступлением самому такому лицу, если оно приносит ему лишь правовую выгоду или если законный представитель дал на это согласие (абз. 2 § 131 ГГУ).[592] За этим разграничением прослеживается различие интервентных и неинтервентных сделок. Применительно к несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, совершающим сделки с согласия законных представителей,[593] неинтервентное волеизъявление, лишь расширяющее их правовые возможности (например, оферта или предварительное согласие на совершение сделки), может вступать в силу с получением его самим несовершеннолетним, тогда как интервентное должно доводиться до законного представителя. В отсутствие специальной нормы этот вывод может быть обоснован ст. 22, 26, 164 ГК РК и принципом добросовестности; de lege ferenda его целесообразно закрепить в правилах о моменте вступления в силу рецептивного волеизъявления, необходимость которых обоснована в подразделе 2.1.
Односторонняя сделка может быть мнимой или притворной. О симуляции изъявитель способен договориться с адресатом либо с иным лицом, правовое положение которого затрагивается сделкой. Например, сторона может заявить об отказе от договора аренды лишь для вида, тогда как пользование имуществом и тайная оплата продолжаются; такой отказ является мнимой односторонней сделкой. В германской и итальянской литературе распространено мнение, что симулятивными могут быть только рецептивные сделки, однако мыслима симуляция и нерецептивной сделки, если отклонение воли согласовано с лицом, чьи права она затрагивает.[594] Казахстанская практика прямо допускает притворность односторонней сделки: в разъяснениях Верховного Суда приводится пример, когда договор купли-продажи прикрывается выдачей доверенности, а завещание, напротив, названо прикрываемой сделкой, оформленной договором дарения.[595]

Б. Оспоримость

Для оспоримых сделок возникают дополнительные затруднения.
Процедура оспаривания прежде всего требует определить ответчика. Для договора им является контрагент; у односторонней сделки такого контрагента нет. При оспаривании односторонней сделки ответчиком является ее адресат либо лицо, которое воспользовалось предоставленными ею правовыми возможностями (например, наследники при оспаривании завещания); если же оспаривает адресат, ответчиком будет автор волеизъявления.[596] Казахстанский закон и судебная практика решают этот вопрос через категорию заинтересованного лица, права и законные интересы которого нарушены или могут быть нарушены совершением сделки,[597] но не различают ответчиков в зависимости от вида односторонней сделки.
В германском законе ответчик по оспариванию определен прямо. При адресованной односторонней сделке это адресат, при неадресованной - лицо, непосредственно получившее из нее правовую выгоду (абз. 3, 4 § 143 ГГУ).[598]
Рассмотрим теперь применение отдельных оснований оспоримости.
Так, сделка, содержание которой не соответствует требованиям законодательства, по общему правилу является оспоримой.[599] Аналогичное решение закреплено в ст. 168 ГК РФ и подвергается в российской доктрине резкой критике именно применительно к односторонним сделкам: если незаконное заявление об отказе от договора или о зачете оспоримо, то адресат, которого можно «бомбардировать» необоснованными заявлениями, вынужден на каждое из них реагировать иском, а до его удовлетворения сделка действует.[600] Российская судебная практика эту проблему фактически сняла: в п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. No 25 разъяснено, что если односторонняя сделка совершена, когда законом, иным правовым актом или соглашением сторон ее совершение не предусмотрено или не

соблюдены требования к ее совершению, то по общему правилу такая сделка «не влечет юридических последствий, на которые она была направлена»; в доктрине эта формулировка понимается как указание на ничтожность.[601] Нидерландское право также знает оспоримость незаконных сделок, но ограничивает ее договорами. На односторонние сделки это правило не распространяется.[602]

В Нидерландах указанное ограничение закреплено непосредственно законом. Нарушение императивной нормы по общему правилу влечет ничтожность сделки, и лишь если норма направлена исключительно на защиту одной из сторон многосторонней сделки, сделка оспорима (п. 2 ст. 3:40 ГК Нидерландов). Смягченная санкция обосновывается тем, что ничтожность в такой ситуации позволила бы ссылаться на нее и стороне, которую норма не защищает.[603] Поэтому нарушение закона односторонней сделкой не влечет такой санкции, как оспоримость. Н.В. Резанов, поддерживая разъяснение Верховного Суда РФ, подчеркивает, что такой ограничительный подход бесспорно справедлив для интервентных сделок: негативное вмешательство в чужую правовую автономию допустимо лишь тогда, когда право на него прямо установлено законом либо заранее согласовано в договоре.[604]

Казахстанская практика аналогичного разъяснения не выработала. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан о недействительности сделок специальных правил для односторонних сделок не содержит,[605] а п. 1 ст. 158 ГК РК относит сделку, содержание которой не соответствует требованиям законодательства, к оспоримым, если законом не установлено иное. Вместе с тем ключ к решению содержится в самом ГК РК. Односторонняя сделка БЮА может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законами либо соглашением с этими лицами. БЮА Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законодательством или договором. Односторонний отказ от исполнения договора допускается лишь в случаях, предусмотренных законами или соглашением сторон.[606] Предмет этих норм - пределы секундарного права, позволяющего совершить сделку, а не само ее содержание. Если такого права у лица нет, интервентная сделка не может произвести эффект независимо от того, оспорит ли ее кто-либо: в литературе отмечается, что зачет, произведенный при отсутствии активного требования, не имеет силы и не затрагивает существования долга заявителя перед адресатом,[607] и тем более не может иметь силы отказ от договора, право на который не предусмотрено ни законом, ни договором. Поэтому интервентная односторонняя сделка, совершенная при отсутствии у лица секундарного права или с нарушением условий его осуществления, не должна порождать правовых последствий, на которые она направлена, независимо от ее оспаривания, а адресат вправе ее игнорировать. Иск о недействительности в таком случае нужен лишь для устранения возникшего спора.[608] К этому же результату по существу приходит и казахстанская практика, хотя и облекает его в форму признания одностороннего отказа недействительным (см. подраздел 2.2). Для неинтервентных сделок режим оспоримости, напротив, приемлем: незаконная доверенность или незаконное публичное обещание награды ничего никому не навязывают, и лица, к которым они обращены, вправе на них не полагаться. В дополнение к предложенному в подразделе 2.2 уточнению п. 1 ст. 149 ГК РК представляется целесообразным закрепить в той же статье правило, аналогичное п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ No 25: интервентная односторонняя сделка, совершенная при отсутствии предусмотренного законом или соглашением основания либо с нарушением требований к ее совершению, не влечет правовых последствий, на которые она направлена.

Отдельные затруднения вызывает отсутствие необходимого по закону согласия третьего лица. В ГК РК нет общего правила, аналогичного ст. 173.1 ГК РФ; поэтому последствия приходится устанавливать по специальным нормам. Сделка БЮА несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, совершенная без согласия законных представителей, может быть признана недействительной по их иску.[609] Сделка участника совместной собственности по распоряжению общим имуществом может быть признана недействительной по требованию остальных участников ввиду отсутствия у него необходимых полномочий, только если другая сторона знала или заведомо должна была знать об этом.[610] По тому же правилу оценивается отсутствие согласия супруга на распоряжение общим имуществом.[611] Ничтожность сделки, совершенной без получения необходимого разрешения (п. 1 ст. 159 ГК РК), рассчитана, судя по формулировке нормы, на разрешения публично-правового характера.[612] Следовательно, казахстанское право обычно использует оспоримость, часто связывая ее с недобросовестностью другой стороны.

Для неинтервентных односторонних сделок - выдачи доверенности, отказа от осуществления секундарного права, публичного обещания награды - такой режим приемлем: адресат, не знавший об отсутствии согласия, защищен собственной добросовестностью, а знавший волен не полагаться на эффект сделки, которая ничего ему не навязывает. Для интервентной сделки такого объяснения недостаточно. Если несовершеннолетний, достигший четырнадцати лет, без согласия законных представителей заявил о зачете или об отказе от договора, адресат, знающий об отсутствии согласия, оказывается в безвыходном положении: проигнорировав заявление, он рискует тем, что законные представители сделку не оспорят, а подчинившись ему - тем, что они ее оспорят. В результате адресат оказывается в правовой неопределенности без собственного решения принять этот риск.[613] Германское право устраняет такую неопределенность иначе: односторонняя сделка несовершеннолетнего, совершенная без необходимого предварительного согласия законного представителя, недействительна и не может быть исцелена последующим одобрением, поскольку закон не возлагает бремя подвешенного состояния на лиц, не участвующих в совершении сделки.[614] Если же согласие было дано, но не представлено адресату в письменной форме, адресат может немедленно отклонить сделку, и это правило распространено на любые односторонние сделки, требующие согласия третьего лица (§ 111, абз. 3 § 182 ГГУ).[615]

Обоснование этого решения изложено в комментариях к § 111 ГГУ. В отличие от договора, при односторонней сделке несовершеннолетнего закон в интересах правовой определенности стремится избежать подвешенного состояния: сделка должна быть либо изначально действительной, либо изначально недействительной, чтобы ясность существовала для лиц, которых она затрагивает, но которые в ее совершении не участвуют. Адресат рецептивного волеизъявления защищен дополнительно: даже если согласие было дано, он может устранить неопределенность, отклонив сделку, если согласие не было ему представлено в письменной форме или он не был о нем извещен законным представителем.[616] Риск отсутствия согласия, следовательно, несет совершающий сделку. Адресату такой риск германский законодатель не навязывает.

Доктринальное решение допускает вступление сделки без согласия в силу как оспоримой. При этом адресат, которому одновременно с волеизъявлением не представлено подтверждение согласия, вправе в разумный срок отвергнуть сделку. Тогда сделка вступает в силу лишь при последующем представлении согласия - на будущее, без ретроактивности. Если же адресат сделку не отверг, он принимает на себя неопределенность, связанную с режимом оспоримости.[617] Это решение может быть применимо и в казахстанском праве. До его законодательного закрепления (соответствующее предложение сформулировано ниже) право адресата отвергнуть интервентную сделку может быть выведено из обязанности участников гражданского оборота действовать добросовестно, разумно и справедливо и из запрета извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения.[618]

Следующий вопрос касается представителя, совершившего одностороннюю сделку без полномочий либо с их превышением. По ГК РК такая сделка создает, изменяет и прекращает права и обязанности представляемого лишь в случае ее последующего одобрения, которое делает

сделку действительной с момента ее совершения.[619] Для договора ретроактивность одобрения оправдана: контрагент сам решил вступить в сделку с лицом, полномочия которого не подтверждены, и ретроактивность защищает прежде всего его ожидания. Для неинтервентной односторонней сделки это правило также приемлемо: адресат доверенности, выданной неуполномоченным лицом, или лица, к которым обращено публичное обещание награды, могут не полагаться на сделку, пока полномочия не подтверждены. Для интервентной сделки ретроактивное одобрение неприемлемо. Получив отказ от договора за подписью лица с неясными полномочиями, адресат не может ни проигнорировать заявление, ни положиться на него. Полномочия могут как подтвердиться, так и не подтвердиться.[620] Германское право решает эту проблему специально: одностороннюю сделку, совершенную представителем без предъявления доверенности, адресат вправе немедленно отклонить (§ 174 ГГУ), а односторонняя сделка представителя, не имеющего полномочий, по общему правилу недопустима и одобрена быть не может; правила об одобрении договора применяются лишь тогда, когда адресат не оспорил заявленные представителем полномочия или согласился с тем, что представитель действует без полномочий (§ 180 ГГУ).[621]

Н.В. Резанов также указывает, что при разработке последствий отсутствия согласия или полномочий законодатель не учел односторонние сделки. При договоре контрагент, сомневающийся в полномочиях представителя, может просто не заключать рискованный договор либо запросить подтверждение у представляемого. Адресат же односторонней сделки возможности проигнорировать волеизъявление лишен: пока он ожидает подтверждения, сделка уже связывает его. Возлагать на адресата этот риск, по мнению Н.В. Резанова, неадекватно, и потому механизмы его защиты закреплены не только в ГГУ, но и в ГК Грузии (ст. 66, п. 3 ст. 99).[622]

Для казахстанского права отсюда следуют два вывода. Правило ч. 2 ст. 165 ГК РК о ретроактивном действии одобрения подлежит телеологической редукции: применительно к интервентным односторонним сделкам одобрение должно действовать лишь на будущее, с момента его доведения до адресата. Кроме того, адресат интервентной сделки, совершенной от имени другого лица, вправе в разумный срок возразить против нее ввиду неподтвержденности полномочий и запросить их подтверждение либо повторное волеизъявление лица, полномочия которого сомнений не вызывают. Если подтверждение не последует, адресат вправе исходить из того, что правовой эффект не наступил; если последует, эффект наступит с момента подтверждения. Если же адресат в разумный срок не возразил, он утрачивает возможность ссылаться на неопределенность полномочий.[623] Такое решение может быть выведено из принципа добросовестности, однако его закрепление в ст. 165 ГК РК сделало бы правовое положение адресата предсказуемым. К неинтервентным сделкам эта специфика неприменима.

Внутренние ограничения полномочий представителя создают сходное затруднение. Под ними понимаются ограничения, установленные договором между представителем и представляемым, положением о филиале или представительстве либо учредительными документами юридического лица, которые уже полномочий, явствующих из доверенности, закона или обстановки. В отличие от превышения полномочий, при нарушении внутренних ограничений представитель действует в пределах полномочия, видимого для третьих лиц, но нарушает свои обязанности перед представляемым. ГК РФ допускает оспаривание такой сделки по иску лица, в интересах которого установлены ограничения, лишь при доказанности того, что другая сторона знала или должна была знать о них.[624]

В ГК РК общей нормы о внутренних ограничениях нет. Указания, данные представителю, но не отраженные в доверенности, полномочия не ограничивают, поэтому сделка, совершенная в пределах доверенности, связывает представляемого, и он может защититься лишь при злонамеренном соглашении представителя с другой стороной. Для юридических лиц, однако, такая норма есть: сделка, совершенная с нарушением уставной компетенции органа юридического лица, может быть признана недействительной по иску собственника имущества юридического лица или его учредителя (участника), если доказано, что другая сторона знала или должна была знать о таком нарушении.[625]

Норма предполагает договорную ситуацию. Контрагент сам решает вступить в договор с органом, превысившим компетенцию, и его недобросовестность оправдывает аннулирование. При совершении односторонней сделки адресат никакого решения не принимает: сделка появляется помимо его воли, и, даже зная о нарушении, он не может помешать ее совершению.[626]

В германском праве вопрос решается учением о злоупотреблении полномочием. По исходному правилу риск такого злоупотребления относится на представляемого.[627] Исключение составляет прежде всего сговор представителя с контрагентом в ущерб представляемому, который, по господствующему мнению, влечет ничтожность сделки как противоречащей добрым нравам. Й. Нойнер полагает, что интересам представляемого лучше отвечает применение по аналогии правил о представительстве без полномочий, позволяющее ему самому решить, сохранить ли сделку.[628] Этот подход подкрепляет предлагаемое ниже решение: если риск злоупотребления по общему правилу несет представляемый, то адресата интервентной сделки, не участвовавшего в сговоре, тем более нельзя ставить в зависимость от внутренних отношений представителя и представляемого.

Ответ и в этом случае зависит от интервентного либо неинтервентного характера сделки. Для неинтервентной сделки (например, доверенности или публичного обещания награды, выданных директором вопреки уставу) режим оспоримости приемлем, но знание адресата следует определять на момент, когда он решил воспользоваться предоставленными ему возможностями: зная о нарушении, он может на сделку не полагаться. Для интервентной сделки буквальное применение п. 11 ст. 159 ГК РК ставит адресата в безвыходное положение: подчинившись эффекту, например, отказа от договора, заявленного директором без требуемого уставом одобрения, он рискует оказаться нарушителем договора после аннулирования отказа, а не подчинившись - если сделку не оспорят или одобрят.[629] На наш взгляд, п. 11 ст. 159 ГК РК должен позволять оспаривание интервентной односторонней сделки лишь при предварительном сговоре с адресатом. В остальных случаях адресат, знающий или имеющий основания знать о нарушении, вправе в разумный срок запросить подтверждение согласия юридического лица (его компетентного органа): получив подтверждение, он связан сделкой с момента его получения, получив отказ - вправе игнорировать волеизъявление, а не воспользовавшись правом на запрос - лишается возможности ссылаться на нарушение компетенции.[630]

Заблуждение также требует особого применения общих правил к односторонним сделкам. Казахстанский закон допускает оспаривание сделки, совершенной вследствие существенного заблуждения, по иску заблуждавшейся стороны, не связывая его с тем, знала ли об ошибке другая сторона. Суд вправе отказать в иске, если заблуждение явилось следствием грубой неосторожности участника сделки либо охватывается его предпринимательским риском.[631] Для односторонней рецептивной сделки это особенно чувствительно: адресат не участвовал в ее совершении и не мог от нее уклониться, поэтому его доверие заслуживает по меньшей мере защиты негативного интереса,[632] тогда как по ГК РК убытки взыскиваются лишь со стороны, виновной в недействительности.[633] Германское право, напротив, обязывает лицо, оспорившее волеизъявление вследствие заблуждения, возместить адресату вред, понесенный им из-за доверия к действительности волеизъявления (негативный интерес), независимо от вины оспаривающего (§ 122 ГГУ).[634]

Сравнение правопорядков обнаруживает затруднения при распространении договорных правил о заблуждении на одностороннее волеизъявление. Принципы европейского договорного права допускают оспаривание договора по мотиву заблуждения, если заблуждение было вызвано информацией другой стороны, либо другая сторона знала или должна была знать о нем и вопреки добросовестности оставила заблуждавшегося в неведении, либо допустила ту же ошибку, причем во всех случаях она знала или должна была знать, что заблуждавшийся

не заключил бы договор или заключил бы его на существенно иных условиях (ст. 4:103). Как применять эти условия к односторонней сделке, неясно. Если исходить из отсутствия второй стороны, для оспаривания достаточно установить сам факт заблуждения, и оспорить одностороннюю сделку окажется проще, чем договор. Если же учитывать знание адресата, то правило приходится достраивать. Н.В. Резанов отмечает, что однозначного решения здесь нет, а общая отсылка к правилам о договорах «с необходимыми изменениями» открывает широкий простор для судейского усмотрения.[635] Казахстанский закон избрал первый вариант, не связав оспаривание со знанием другой стороны, а потому для односторонней сделки вопрос о защите адресата встает еще острее.

Возмещение убытков, однако, не устраняет основного затруднения - правовой неопределенности. Для неинтервентной сделки она не стоит остро: предварительное согласие на совершение сделки, данное под влиянием заблуждения, может быть оспорено лицом, его выдавшим, и после совершения согласованной сделки,[636] но адресат, заметивший ошибку, может просто не пользоваться предоставленными ему возможностями; разумно лишь признать за ним право запросить у изъявителя воли разъяснения, ответ на которые снимет вопрос об оспаривании.[637] Иначе обстоит дело с интервентной сделкой. Получив заявление о зачете, в котором очевидно перепутана сумма, или заявление об отказе от договора, явно основанное на ошибочном представлении об обстоятельствах, адресат понимает, что изъявитель воли ошибся, но не знает, будет ли тот оспаривать сделку. Считаться с ее эффектом нужно уже сейчас, а оспаривание возможно в пределах срока исковой давности. У адресата нет возможности просто не пользоваться эффектом сделки. Его положение зависит от будущего решения изъявителя оспорить сделку.[638]

Казахстанский порядок оспаривания продлевает эту неопределенность. Во многих европейских правопорядках оспоримая сделка аннулируется не иском, а внесудебным заявлением, причем срок для такого заявления существенно короче общего срока исковой давности. Так, по швейцарскому праву заблуждавшийся должен заявить об оспаривании в течение года с момента обнаружения ошибки, а пропуск этого срока приравнивается к одобрению сделки; при этом срок является пресекательным, а не давностным.[639] Казахстанский закон предусматривает оспаривание в судебном порядке в пределах срока исковой давности, и состояние неопределенности для адресата интервентной сделки оказывается значительно более продолжительным.

По нашему мнению, режим оспоримости интервентных сделок следует изменить в двух отношениях. Адресат, который распознал ошибку или имеет основания ее подозревать, вправе в разумный срок после получения волеизъявления запросить у изъявителя воли разъяснения. Если изъявитель отзовет заявление, сделка не считается совершенной; если исправит его - она считается совершенной с момента получения исправления; если подтвердит - сделка вступает в силу, но по мотиву этой ошибки оспорена быть уже не может; при молчании изъявителя адресат вправе отвергнуть правовой эффект сделки.[640] Само же оспаривание интервентной сделки по мотиву заблуждения должно быть заявлено без неоправданного промедления после того, как изъявитель воли узнал об ошибке, по аналогии с германским правилом, согласно которому оспаривание вследствие заблуждения должно последовать без виновного промедления после того, как управомоченное лицо узнало об основании оспаривания (абз. 1 § 121 ГГУ).[641] Для неинтервентных сделок такой сокращенный срок не нужен, поскольку адресат свободен не полагаться на сделку.

При обмане и угрозе «другой стороной», от которой исходит порок или которая о нем знала, следует считать адресата рецептивной сделки либо лицо, воспользовавшееся эффектом нерецептивной сделки.[642] Если порок исходил от такого лица, режим оспоримости вполне применим: связанная с ним неопределенность вызвана его собственным поведением, и его интерес в правовой определенности защиты не заслуживает.[643] Дополнительные вопросы возникают при обмане или угрозе со стороны третьего лица. Пункт 9 ст. 159 ГК РК допускает оспаривание сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия или угрозы, по иску потерпевшего, не указывая, от кого должен исходить порок, и не связывая оспаривание со знанием другой стороны. Не уточняет этого и нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан о недействительности сделок.[644] Между тем во многих правопорядках сделка, совершенная под влиянием обмана со стороны третьего лица, оспорима лишь тогда, когда другая сторона знала или должна была знать об обмане (абз. 2 § 123 ГГУ, § 875 АГУ, п. 5 ст. 3:44 ГК Нидерландов; по абз. 2 ст. 1439 ГК Италии требуется, чтобы обман был известен стороне, извлекшей из него выгоду), причем российский закон прямо распространяет это правило на лицо, к которому обращена односторонняя сделка (абз. 3 п. 2 ст. 179 ГК РФ).[645]

Швейцарское право показывает, что обман и угроза со стороны третьего лица могут регулироваться по-разному. Сделка, совершенная под влиянием обмана третьего лица, оспорима лишь тогда, когда контрагент знал или должен был знать об обмане, в противном случае потерпевший может ссылаться только на правила о заблуждении.[646] Угроза третьего лица, напротив, позволяет оспорить сделку независимо от знания контрагента, однако потерпевший обязан по справедливости возместить добросовестному контрагенту убытки, как правило, в пределах негативного интереса (абз. 2 ст. 29 Швейцарского обязательственного закона).[647] Для казахстанского права значение швейцарской модели состоит в денежной защите добросовестного адресата наряду с ограничением оспаривания. Такая компенсация могла бы дополнить предложенное ниже право адресата интервентной сделки отвергнуть ее правовой эффект: адресат, не знавший об угрозе и положившийся на сделку, вправе рассчитывать на возмещение негативного интереса, если сделка впоследствии будет оспорена.

Применительно к неинтервентной сделке такое решение не вызывает затруднений, если знание лица, воспользовавшегося ее эффектом, определять на момент, когда оно решило им воспользоваться.[648] При интервентной сделке вновь возникает проблема навязанной неопределенности. Адресат знает, что изъявитель воли действует под влиянием угроз или обмана со стороны третьего лица, а значит, сделка оспорима. Но будет ли она оспорена, ему неизвестно, а исполнять ее или считаться с ее эффектом нужно уже сейчас. Если угрозы продолжаются, оспаривание может последовать и значительно позднее. В результате адресат, который не решал совершать сделку с лицом, подвергающимся давлению, оказывается заложником чужого порока воли.[649]

В казахстанском праве целесообразно прямо закрепить следующее правило: сделка, совершенная под влиянием обмана или угрозы третьего лица, может быть оспорена, если другая сторона, а для односторонней сделки - ее адресат или лицо, воспользовавшееся ее эффектом, знали или должны были знать о пороке. Наряду с этим адресат интервентной сделки, знающий о пороке или подозревающий его, должен располагать средствами устранить навязанную неопределенность. Применительно к обману эти средства те же, что и при заблуждении. Адресат может сообщить изъявителю воли, что тот, по-видимому, обманут третьим лицом, и запросить разъяснения. Узнав об обмане, изъявитель либо отзовет заявление, и тогда сделка не считается совершенной, либо подтвердит его, и тогда сделка вступает в силу, но по мотиву этого обмана оспорена быть уже не может. При молчании изъявителя адресат вправе отвергнуть правовой эффект сделки. С угрозой положение сложнее. Лицо, находящееся под угрозой, на вопрос адресата может ответить, что действует свободно, оставаясь под тем же давлением. Подтверждение в этих условиях не удостоверяет свободы воли. Поэтому запрос разъяснений проблему не решает. Представляется, что адресату, знающему об угрозе, следует предоставить право в короткий разумный срок после получения волеизъявления отвергнуть его правовой эффект независимо от ответа изъявителя, а подтверждение, исключающее последующее оспаривание сделки, признавать лишь тогда, когда оно дано после прекращения угрозы. Это решение не снимает с адресата всех рисков, а изъявитель воли, действительно желавший совершить сделку, может оказаться ее лишен. Однако его интерес защищается возможностью совершить сделку повторно после прекращения угрозы, тогда как адресат

не остается в состоянии подвешенности.[650]
Но кто несет риск спора о том, существовала ли угроза? Допустим, участник товарищества с ограниченной ответственностью заявляет о выходе из товарищества,[651] а товарищество, видя, что он действует под давлением третьего лица, отвергает заявление, хотя сам участник наличие угрозы отрицает. Отвергая волеизъявление, адресат не оспаривает сделку и не устанавливает порок воли изъявителя. Он лишь отказывается принять на себя риск ее последующего оспаривания. Поэтому он действует на свой риск, и обстоятельства, дающие ему право отвергнуть сделку (наличие угрозы и свое знание о ней), доказывает он сам. Изъявитель воли, настаивающий на том, что действовал свободно, вправе требовать в суде признания сделки совершенной, а в приведенном примере - признания выхода состоявшимся и выплаты стоимости доли. Если суд установит, что угрозы не было или что адресату о ней не было известно, отказ правового значения не имеет: сделка считается совершенной с момента получения волеизъявления, а адресат отвечает за просрочку исполнения возникших из нее обязанностей. Если же угроза и знание о ней будут доказаны, правовой эффект сделки не наступает, а изъявитель сохраняет возможность совершить ее повторно после прекращения угрозы. Повторное волеизъявление адресат по тому же основанию отвергнуть уже не вправе, и по мотиву прекратившейся угрозы оно не может быть оспорено.
Предложенное решение не создает нового спора о пороке воли. Оно позволяет разрешить прежний спор раньше. Без права отвергнуть сделку он возник бы уже после ее исполнения - в форме иска о признании выхода недействительным и о восстановлении участия в товариществе с возвратом полученной стоимости доли, причем годичный срок исковой давности по такому иску исчислялся бы лишь со дня прекращения угрозы.[652] Предлагаемое правило позволяет разрешить спор до исполнения, пока стороны еще не произвели предоставлений. Использовать это право для того, чтобы удержать участника в обществе, адресату невыгодно: риск ошибки лежит на нем, а ссылка на угрозу, о которой ему не было известно, представляет собой злоупотребление правом, в защите которого суд может отказать.[653] По той же причине право отвергнуть волеизъявление при угрозе следует предоставлять лишь адресату, который знает о ней, а не адресату, который лишь должен был о ней знать: иначе оно превратилось бы в право отказа по одному лишь подозрению.
Применение правил о кабальной сделке к односторонней сделке затруднено самим основанием оспаривания: необходимо установить использование тяжелых обстоятельств другой стороной.[654]
Затруднение обусловлено конструкцией этого основания недействительности. В швейцарском праве его объективным элементом является явное несоответствие между предоставлением и встречным предоставлением, установленное договором.[655] Казахстанский закон говорит о сделке, БЮА которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась (п. 9 ст. 159 ГК РК).[656] Обе формулировки предполагают обмен предоставлениями и сторону, извлекающую из него выгоду. У односторонней сделки встречное предоставление отсутствует. Поэтому порок волеизъявления, совершенного в тяжелых обстоятельствах, на наш взгляд, может оцениваться скорее по правилам об угрозе или заблуждении, чем как кабальность.

В. Частичная недействительность

В силу ст. 161 ГК РК БЮА недействительность части сделки «не влечет за собой недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части».[657] В односторонней сделке нельзя устанавливать гипотетическую волю «сторон». Для неинтервентного акта учитывается лишь гипотетическая воля его автора, а для завещания - презумпция сохранения силы (favor testamenti).[658]
Для интервентной сделки этого порядка недостаточно. Даже презумпция частичной недействительности не дает адресату ясности: оценка гипотетической воли изъявителя остается за судом. Если адресат точно знал, совершил бы изъявитель сделку без недействительного условия или нет, решение определяется этим знанием, если нет - тем, какую волю изъявителя разумное лицо на месте адресата сочло бы наиболее вероятной, а при сомнениях действует презумпция частичной недействительности. Адресату, который не готов принять такую неопределенность, следует предоставить право в разумный срок возразить против признания сделки совершенной, указав на недействительное условие. При таком возражении сделка не считается совершенной.[659] Например, если в заявлении о зачете содержится недопустимая оговорка о моменте прекращения обязательств, адресат может понимать, что она важна для заявителя, и не знать, признает ли суд зачет состоявшимся без нее; право возразить избавляет его от этой неопределенности. Применительно к ст. 161 ГК РК это означает, что для интервентной сделки предположение о том, была ли бы сделка совершена без недействительной части, должно делаться с позиции разумного адресата.

Г. Реституция

Договорная модель не полностью объясняет и последствия недействительности односторонней сделки. Общее правило о двусторонней реституции, по которому БЮА каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное,[660] рассчитано на договор. Для односторонних сделок последствия определяются их существом: при недействительности завещания применяются правила наследственного права (наследование по закону), при недействительности доверенности совершенные по ней сделки рассматриваются как совершенные неуполномоченным лицом и связывают представляемого лишь при последующем одобрении.[661]
Для интервентных сделок последствия недействительности необходимо рассмотреть отдельно. Поскольку недействительная сделка недействительна с момента ее совершения и не влечет юридических последствий, за исключением связанных с ее недействительностью,[662] аннулирование зачета означает, что прекращенные им встречные требования считаются непрекращавшимися, а аннулирование отказа от договора - что договор продолжает действовать. Речь идет прежде всего о восстановлении правоотношения. Возвращать полученное при зачете нечего, поскольку имущество не передавалось; восстанавливаются прекращенные встречные требования. Если же в связи с мнимым прекращением договора стороны что-либо передали друг другу, возврат полученного осуществляется по правилам о неосновательном обогащении, которые применяются и к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке.[663] Восстановление правоотношения не должно, однако, обращаться против адресата, который добросовестно подчинился эффекту интервентной сделки: прекратив исполнение договора после получения отказа, он не должен отвечать за просрочку за период до аннулирования отказа. Вне предпринимательской деятельности этот результат следует из того, что ответственность наступает при наличии вины. В предпринимательских отношениях, где ответственность по общему правилу не зависит от вины, он может быть обоснован запретом извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения, если аннулирования добился сам изъявитель воли.[664]

Д. Общие выводы

Изложенное позволяет заключить, что специфика недействительности односторонних сделок носит не случайный, а системный характер и производна от двух уже выделенных нами критериев - рецептивности волеизъявления и его интервентного либо неинтервентного характера. Именно вторжение в правовую сферу адресата служит тем основанием, которое требует корректировки общих правил о недействительности: там, где адресату навязывается состояние подвешенности, механическое применение режима оспоримости оказывается несправедливым. Это проявляется в каждом из рассмотренных составов: при отсутствии у лица секундарного права, при отсутствии согласия третьего лица или неподтвержденности полномочий, при нарушении внутренних ограничений, при распознаваемой адресатом ошибке и при известных ему обмане или угрозе третьего лица. Во всех этих случаях адресату интервентной сделки должна быть обеспечена возможность либо игнорировать сделку, либо в разумный срок отвергнуть ее или потребовать разъяснений, тогда как неинтервентные сделки в такой защите не нуждаются, поскольку лица, к которым они обращены, свободны на них не полагаться.

Представляется, что казахстанскому правопорядку недостает нормы, которая учитывала бы это различие. В ГК РК отсутствует правило, аналогичное закрепленному в ГГУ праву адресата отвергнуть одностороннюю интервентную сделку, совершенную без необходимого согласия. Развивая решение, предложенное в российской доктрине,[665] de lege ferenda мы предлагаем дополнить ст. 149 ГК РК пунктом следующего содержания: «Односторонняя сделка, совершенная без необходимого в силу закона согласия третьего лица и вторгающаяся в правовую сферу ее адресата, не влечет правовых последствий для адресата, если он в разумный срок после получения волеизъявления заявил возражение против его принятия ввиду отсутствия согласия. При последующем представлении согласия такая сделка вступает в силу на будущее время. То же касается случая, когда такое согласие имелось, но не было доведено до сведения адресата к моменту получения сделочного волеизъявления». Тем же пунктом целесообразно закрепить общее правило о том, что адресат интервентной односторонней сделки, который знает или должен знать о пороке, дающем основание для ее оспаривания (заблуждении изъявителя воли, обмане или угрозе со стороны третьего лица, нарушении представителем ограничений полномочий), вправе в разумный срок после получения волеизъявления запросить у изъявителя воли его подтверждение либо отвергнуть правовой эффект сделки (причем подтверждение сделки, совершенной под влиянием угрозы, должно иметь силу, лишь если оно дано после прекращения угрозы, право же отвергнуть правовой эффект такой сделки независимо от ответа изъявителя принадлежит лишь адресату, который знает об угрозе, и осуществляется на его риск), а оспаривание интервентной односторонней сделки по мотиву заблуждения должно быть заявлено без неоправданного промедления после того, как изъявитель воли узнал об основании оспаривания.

3.1.4 Специфика применения общих правил о договорах к односторонним сделкам по аналогии закона

Общие положения о договорах содержат нормы, посвященные заключению, исполнению, изменению и расторжению договоров, а также принципы договорного права. Односторонняя сделка не является договором, и эти нормы применяются к ней лишь в порядке п. 2 ст. 149 ГК РК - по аналогии и с учетом ее природы и существа. Как отмечает А.Г. Карапетов, договорное право урегулировано заметно детальнее, чем общие положения о сделках, и потому именно при совершении односторонних сделок чаще всего обнаруживаются пробелы; отсылочная норма лишь легализует аналогию закона, к которой можно было бы прибегнуть и без нее.[666] Казахстанские суды ссылаются на п. 2 ст. 149 ГК РК, как правило, в общем виде, не уточняя, какие именно договорные нормы применяются: из 20 последних по дате актов, в которых воспроизведен текст этой нормы (всего на 11 ноября 2026 г. в системе «ОпенСуд» выявлено 105 таких дел), лишь в трех суд назвал конкретные положения об обязательствах или договорах, которые он применяет.[667] Так, рассматривая спор о гарантийном обязательстве, принятом гарантом перед кредитором, суд привел определение односторонней сделки и положения п. 1 и 2 ст. 149 ГК РК, не конкретизируя, какие договорные правила к нему применимы.[668] Показательно, что гарантия по ГК РК оформляется договором,[669] и квалификация гарантийного обязательства как односторонней сделки в этом деле сама нуждалась в обосновании. Между тем круг договорных норм, применимых по аналогии, достаточно определен.

Во-первых, к односторонним сделкам применимо правило о смешанном договоре: одно волеизъявление может соединять эффекты нескольких односторонних сделок - например, в одном сообщении подрядчику заказчик заявляет и об отказе от договора ввиду ненадлежащего качества работ, и о зачете своего долга по оплате выполненной части работ против встречного требования о возмещении убытков.[670]

Во-вторых, применим алгоритм восполнения содержания сделки диспозитивными нормами: многие правила о доверенности являются диспозитивными и действуют, если доверитель не установил иное.[671] При этом презумпция диспозитивности, обоснованная для норм о договорах, распространяется через п. 2 ст. 149 ГК РК на нормы, определяющие содержание уже допущенной односторонней сделки, но не на вопрос о допустимости ее совершения.[672]

В-третьих, к длящимся отношениям из односторонней сделки применяется закон, действовавший в момент ее совершения: изменение правил о доверенности по общему правилу не затрагивает полномочий по ранее выданным доверенностям.[673]

В-четвертых, правило об отзыве акцепта, сообщение о котором поступило ранее или одновременно с самим акцептом, может применяться по аналогии к любым рецептивным односторонним сделкам.[674] В правопорядках с развитой общей частью о сделках это правило изначально сформулировано для любого адресованного волеизъявления и применяется без обращения к аналогии (п. 3 и 5 ст. 3:37 ГК Нидерландов).[675]

В-пятых, правило о ничтожности заранее заключенного соглашения БЮА об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства распространяется и на такое условие, включенное в одностороннюю сделку, например в публичное обещание награды.[676]

По аналогии с правилом о форме соглашения об изменении и расторжении договора одностороннее изменение или прекращение письменного договора также должно совершаться письменно.[677]

Сюда же относится и толкование. Специальные правила толкования в ГК РК установлены лишь для договора и завещания;[678] к иным односторонним сделкам правила ст. 392 ГК РК применимы только по аналогии, в порядке п. 2 ст. 149 ГК РК.[679] Так же решает вопрос М.К. Сулейменов, считая обоснованным применение правил ст. 392 ГК РК к толкованию односторонних сделок и усматривая в п. 2 ст. 149 ГК РК «оптовый» перенос правового режима одного института на другой.[680] С. В. Скрябин уточняет, что требование п. 2 ст. 392 ГК РК об учете общей воли к толкованию доверенности, а возможно, и иных односторонних сделок неприменимо.[681] В литературе отмечается, что адресованная односторонняя сделка (например, заявление о зачете или об отказе от договора) толкуется так, как ее понимало бы разумное лицо на месте адресата, а субъективные намерения изъявителя учитываются, лишь если они были известны адресату. Для сделок, обращенных к неопределенному кругу лиц, предлагается объективное толкование, а для завещания обсуждается приоритет действительной воли завещателя.[682] А.Г. Диденко, напротив, подчеркивал, что при толковании завещания исследованию подлежит только его текст, но не

обстоятельства, находящиеся вне этого текста.[683] Сравнительно-правовой материал подтверждает эту позицию и позволяет ее уточнить. Австрийская доктрина исходит из того, что установленные для договоров правила толкования распространяются на все волеизъявления частного права, в том числе на односторонние.[684] Швейцарское право формулирует критерий толкования через принцип доверия: волеизъявление толкуется так, как его адресат, действуя добросовестно, мог и должен был его понять.[685]
Механическое перенесение здесь недопустимо. Правило ст. 392 ГК РК предписывает, если буквальное значение условий договора и их сопоставление с другими условиями и смыслом договора не позволяют определить его содержание, выяснять «действительную общую волю сторон с учетом цели договора»;[686] общей воли сторон в односторонней сделке нет. Если понимать адаптацию буквально и учитывать только волю изъявителя, адресат лишается защиты; поэтому более обоснованным представляется ориентир на понимание разумного лица в положении адресата.[687] Отправной точкой служит воля лица, совершившего волеизъявление, а пределом ее учета - то понимание, которое мог составить себе добросовестный адресат. Тем самым для рецептивных волеизъявлений действует принцип доверия. Для нерецептивных волеизъявлений приоритет действительной воли изъявителя оправдан лишь там, где нет лиц, доверие которых заслуживает защиты, прежде всего в завещании. Публичное обещание награды, напротив, хотя и не требует восприятия, обращено к неопределенному кругу лиц, которые на него полагаются; поэтому при неясности оно должно толковаться так, как его мог понять разумный представитель этого круга, а не исходя из одной лишь действительной воли обещавшего (см. подраздел 2.1.4).[688]
Применяя договорные правила, следует постоянно учитывать специфику односторонних сделок. Как подчеркивается в комментарии к ст. 156 ГК РФ, некоторые договорные нормы предоставляют сторонам правовые возможности именно потому, что содержание договора «освящено» согласием всех затронутых им лиц; механический перенос таких правил на односторонние сделки неприемлем. Так, принцип свободы договора к интервентным односторонним сделкам не применяется.[689] Применительно к основанию совершения интервентной односторонней сделки казахстанский закон исходит не из свободы, а из закрытого круга случаев, указанных в законодательстве или соглашении с адресатом (п. 2 ст. 148, п. 1 ст. 149, п. 1 ст. 404 ГК РК). Подробнее этот вопрос рассмотрен в подразделе 3.1.1.[690] Нормы же, сугубо технически регулирующие взаимодействие сторон при заключении и изменении договора (оферта-акцепт, переговоры, соглашение об изменении), не находят прямого применения, поскольку односторонние сделки совершаются вне согласования.
Что касается общих положений об обязательствах, то они применяются к обязательствам из односторонней сделки напрямую - это правила об исполнении, прекращении, обеспечении обязательств, о множественности лиц и ответственности, установленные для обязательств независимо от их источника. По аналогии применяются лишь те из них, которые по букве адресованы договорным обязательствам, как упомянутое правило п. 3 ст. 359 ГК РК.[691]
Обобщая изложенное, можно заключить, что правовой режим односторонних сделок в Республике Казахстан построен по комбинированной модели: он образуется общими положениями о сделках, применяемыми напрямую, и - субсидиарно, в силу п. 2 ст. 149 ГК РК - общими положениями о договорах, применяемыми по аналогии. Практическое значение имеет не констатация этой модели, а разграничение трех групп норм: применимых к односторонним сделкам напрямую, применимых с необходимыми изменениями и неприменимых в силу существа односторонней сделки. Поскольку, как отмечалось, и общие положения о сделках формировались на основе обобщения решений, выработанных для договоров, их применение к односторонним сделкам требует проверки на соответствие природе конкретного волеизъявления, прежде всего его рецептивности и интервентности.
Наконец, обязательства, возникающие из односторонней сделки (например, из публичного обещания награды или завещательного отказа), подчиняются общим положениям об обязательствах напрямую, а нормы, сформулированные специально для договорных обязательств, применяются к ним лишь по аналогии в силу п. 2 ст. 149 ГК РК и постольку, поскольку это не противоречит природе и существу односторонней сделки.

3.2 Последствия постановки под условие правового эффекта одностороннего волеизъявления

Условные сделки - распространенное явление в гражданском праве: стороны могут поставить возникновение или прекращение прав и обязанностей в зависимость от наступления определенного условия. Однако применимость этого механизма к односторонним сделкам имеет свои ограничения и особенности. Еще А. фон Тур сформулировал принцип, согласно которому односторонняя сделка допустима лишь тогда, когда она может действовать тотчас же и окончательно.[692] Причина в том, что неопределенность, которую порождает условие, в договоре основана на согласии сторон, а в односторонней сделке определяется одним изъявителем воли и не «освящена» принципом свободы договора.[693]
Современный ГК РК прямо не содержит запрета на условные односторонние сделки: ст. 150 ГК РК о сделках, совершенных под условием, помещена в общие положения о сделках и исключений для односторонних сделок не делает. Показательно, однако, что ее формулировки рассчитаны на договор: отлагательным или отменительным условие является, если его установили «стороны».[694] В отличие от ГГУ, ГК РК не содержит и специального запрета условного заявления о зачете.[695] Поэтому ответ на вопрос о пределах условности должен быть дифференцирован в зависимости от вида односторонней сделки и характера условия: одни односторонние сделки могут быть совершены под любым условием, другие - лишь при соблюдении ряда предпосылок, третьи не могут быть условными в принципе.[696] Сводить его к простой формуле «неинтервентные сделки - с условием, интервентные - без условия» было бы упрощением.[697]

3.2.1 Случаи тотального запрета на условность

Первую группу составляют сделки, условность которых исключена тотально - независимо от характера условия. Такой запрет может быть установлен законом. В казахстанском праве БЮА не допускается принятие наследства под условием или с оговорками.[698] БЮА отказ от наследства с оговорками или под условием,[699] отказ отказополучателя от завещательного отказа под условием;[700] акцепт должен быть полным и безоговорочным, а потому условным быть не может.[701] Сходные запреты известны российскому праву (п. 1 ст. 438, п. 2 ст. 1152, п. 2 ст. 1158, п. 1 ст. 1160 ГК РФ, п. 3 ст. 279 КТМ РФ об абандоне) и германскому (§ 388, 1947, 2180 ГГУ).[702] Запреты в наследственном праве объясняются тем, что условность таких сделок затрагивает интересы других наследников, а состояние подвешенности противоречило бы публичному интересу.[703] В нидерландском праве принятие наследства и отказ от него также могут быть только безусловными, причем этот запрет (п. 3 ст. 4:190 ГК Нидерландов) объясняется интересами кредиторов наследства.[704]
Тотальный запрет может следовать и из существа сделки. Невозможно условно заявить о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица, поскольку такие волеизъявления адресованы регистрирующему органу и проецируются на неопределенный круг лиц.[705] По той же причине не допускают условий признание отцовства, согласие на усыновление и заявление о

расторжении брака: правовая определенность в этих социально значимых отношениях превалирует над автономией воли; в германском праве соответствующие запреты прямо закреплены (§ 1594, 1750 ГГУ).[706]
Германская доктрина объясняет такие запреты публичным интересом. Закон исключает условия прежде всего для некоторых семейно-правовых актов, например для заключения брака, а также для отдельных имущественных сделок, таких как соглашение о переходе права собственности на земельный участок: условие нарушило бы ясность, которой служит запись в поземельной книге.[707] Тот же довод - правовая определенность публичного реестра - применим и в казахстанском праве к волеизъявлениям, направленным на государственную регистрацию прав и юридических лиц. Регистрация призвана фиксировать правовое положение для неопределенного круга лиц, и ее зависимость от неизвестного обстоятельства с этим назначением несовместима.
Существом сделки исключается и условность заявления патентообладателя о досрочном прекращении действия охранного документа. Действие охранного документа прекращается на основании такого заявления, поданного в уполномоченный орган, с даты публикации сведений о досрочном прекращении в бюллетене; заявление может касаться и части объектов, охраняемых одним документом.[708] Оно адресовано не правообладателям или пользователям, а публичному органу, и его эффект привязан к публикации, то есть к доведению сведений до неопределенного круга лиц. Поскольку заявление направлено на внесение изменений в публичный реестр, его постановка под условие исключается самим его существом.[709]
Если тотальный запрет на условность в силу закона или природы сделки отсутствует, то вопрос о пределах свободы включения в сделку отлагательного или отменительного условия следует решать в зависимости от интервентного или неинтервентного характера сделки.

3.2.2 Условность неинтервентной сделки

Если сделка не вторгается в правовую сферу адресата (является неинтервентной), а предоставляет ему или любым лицам дополнительные правовые возможности, ее постановка под условие по общему правилу проблемы не составляет: условие не навязывает никому состояния подвешенности, поскольку лицо, не уверенное в наступлении условия, может просто не пользоваться предоставленной возможностью.[710] Поэтому допустимы условное публичное обещание награды, условная гарантия, условное предварительное согласие на совершение сделки и условная оферта; доверенность под условием также допустима, хотя нотариусы нередко отказываются удостоверять такие доверенности, а в литературе против них возражают со ссылкой на интересы третьих лиц.[711] Еще в 2012 г. Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева указывали, что предварительное согласие и выдача полномочия могут совершаться под условием, поскольку первое совершается в интересе лица, желающего совершить сделку, а второе - в целях предоставления права действовать от чужого имени.[712]
Однако и здесь есть оговорка. Если для адресата заключение договора обязательно (например, публичный договор), условная оферта или предъявленная представителем условная доверенность перестают быть безобидными: обязанная сторона вправе их не принимать и не впадает при этом в просрочку, если только условие не находится в сфере ее непосредственного информационного контроля. Так, если адресованная обязанной стороне оферта содержит отменительное условие в виде отзыва у нее лицензии, неопределенности не возникает: зная о сохранении лицензии, эта сторона не вправе уклониться от акцепта.[713]
В германском праве допустимость условной доверенности признается прямо: полномочие может быть выдано под условием, и при наступлении отменительного условия оно прекращается, например если доверенность выдана лишь на время пребывания доверителя в больнице или за границей.[714] С этой точки зрения отказ нотариусов удостоверять условные доверенности, о котором говорилось выше, материального основания не имеет. Интересы третьих лиц защищаются не запретом условия, а их правом не вступать в сделку с представителем, полномочия которого зависят от неизвестного им обстоятельства; исключение, как показано выше, составляют лишь лица, для которых заключение договора обязательно.
Свобода включения условий в неинтервентные сделки может быть ограничена и законом.[715] Полагаем, что такой вывод применим и в казахстанском праве.

3.2.3 Условность интервентной сделки

Иная ситуация с интервентными сделками, и именно для них проблема стоит наиболее остро. Общим правилом здесь является запрет постановки под условие. Объясняется он тем, что адресат претерпевает вторжение в свою правовую сферу помимо своей воли, а включенное в сделку условие заставляет его проверять, наступило ли оно, прилагая для этого усилия, а нередко - оставаться в неведении о собственном правовом положении. Такая неопределенность навязывается ему без его согласия, тогда как в договоре она основана на согласованной воле сторон.[716]
Германская доктрина обосновывает запрет теми же соображениями. Отказ от договора, как и любое преобразовательное право, не допускает условий: это служит правовой определенности и защищает адресата от неопределенности, а потому отказ по общему правилу не может быть заявлен ни под отлагательным, ни под отменительным условием.[717]
Создатели ГГУ обосновывали запрет условного зачета тем, что кредитор не обязан принимать платеж под условием, а значит, не обязан мириться и с условным зачетом.[718] В современной германской доктрине недопустимость условий для заявлений о преобразовании правоотношения объясняется тем, что адресату, вынужденному принять преобразование, нельзя навязать состояние подвешенности.[719] Типичные примеры - заявление о зачете, односторонний отказ от договора и его одностороннее изменение, последующее одобрение сделки, выбор в альтернативном обязательстве.[720] Крашенинников и Байгушева сформулировали обобщающее правило: условная односторонняя сделка, поскольку она ущемляет интерес ее адресата, является ничтожной.[721]
Запрет известен и за пределами германской правовой семьи. В испанской доктрине недопустимыми признаются условия в односторонних рецептивных заявлениях, которые затрагивают чужие имущественные отношения и ввиду законных интересов другой стороны допускают лишь немедленное действие и полную ясность: в заявлении о расторжении договора, в принятии завещательного отказа и отказе от него, в выборе в альтернативном обязательстве.[722] Английское право той же цели достигает требованием определенности уведомления: уведомление арендатора о прекращении аренды «не позднее» определенной даты недействительно, поскольку оставляет арендодателя в неведении о том, когда арендатор освободит имущество, тогда как такое же уведомление арендодателя действительно, поскольку арендатор знает, к какому сроку должен выехать.[723] Оба решения подтверждают, что запрет условия служит защите адресата от неопределенности, а не является формальным свойством односторонней сделки.
Запрет этот, однако, не абсолютен, и доктрина называет два исключения. Первое: если правовой эффект интервентной сделки сказывается только на адресате и не затрагивает иных лиц, условие допустимо, когда изъявитель и адресат заранее легализовали такую возможность в

договоре.[724] Второе: условие допустимо, если оно находится в сфере непосредственного информационного контроля адресата, прежде всего если его наступление зависит от поведения самого адресата. Классический пример - отказ от договора под условием, что должник не устранит нарушение в предоставленный тем же письмом дополнительный срок: адресату не нужно прилагать никаких усилий, чтобы понять, наступило ли условие.[725] Германское право прошло к этому решению долгий путь: от догмы о безусловности осуществления преобразовательных прав, выведенной из запрета условного зачета (§ 388 ГГУ), через признание в 1943 г. условного увольнения, вступающего в силу, если работник не примет предложение об изменении должности, к общепризнанной сегодня допустимости условий, зависящих от адресата, вплоть до телеологической редукции самого запрета условного зачета.[726] Сходный подход принят в Австрии, Нидерландах и Швейцарии.[727] Так, в швейцарской доктрине условное преобразовательное заявление признается действительным, если условие не порождает для адресата неопределенности, в частности если его наступление зависит от воли адресата;[728] в нидерландском праве условное заявление об отказе от договора допускается лишь в виде исключения - если это согласовано сторонами или если наступление условия находится во власти контрагента, а условное заявление о расторжении на случай неисполнения должником в установленный срок встречается часто.[729]

В германских комментариях исключение формулируется почти теми же словами. Отказ от договора может быть заявлен под условием, если наступление условия зависит исключительно от воли адресата и от него можно ожидать соответствующего решения.[730] В литературе по праву товариществ критерий выражен шире: допустимы условия, которые не порождают для адресата неразумной неясности относительно наступления преобразующего эффекта, в частности зависящие от его воли либо касающиеся легко устанавливаемого и близкого во времени события.[731] Эта формула по существу совпадает с двумя предпосылками, о которых идет речь ниже: условие должно находиться в сфере информационного контроля адресата и не должно обрекать его на длительное ожидание.

Для применения второго исключения необходимы, по-видимому, две предпосылки одновременно. Первая: условие должно находиться в сфере информационного контроля адресата (возможно, сюда же относятся условия, наступление которых очевидно для любого разумного лица, например вступление в силу решения суда по иному спору между сторонами). Вторая: условие не должно обрекать адресата на длительную неопределенность. Допустим, сразу после заключения 30-летнего договора лицензиар заявляет об отказе на случай любой будущей просрочки лицензиата. Адресату пришлось бы десятилетиями учитывать такое заявление, а подобное обременение едва ли приемлемо.[732] Австрийская практика также требует сочетания двух предпосылок. Условное расторжение трудового договора допускается, лишь когда условие зависит от воли получателя заявления и способно наступить в короткий срок.[733]

Н.В. Резанов ограничивает это исключение отлагательными условиями. Отменительное условие несовместимо с существом большинства интервентных сделок (отказа от договора, зачета, выбора в альтернативном обязательстве); допустить его можно разве что при одностороннем изменении договора.[734] К. Хаттенхауэр предлагает в германской доктрине противоположное исходное правило: условность односторонней сделки следует разрешать, а нарушение интересов адресата устанавливать ex post через добросовестность. Н.В. Резанов в целом признает силу аргументов, но обратную презумпцию не поддерживает.[735]

Для ГК РК, не устанавливающего специальных запретов условий в интервентных сделках, кроме акцепта, пределы допустимого следует определять по существу сделки и добросовестности. При этом п. 3 ст. 150 ГК РК о недобросовестном воспрепятствовании или содействии наступлению условия применим и к односторонней сделке. Под «стороной» в таком случае необходимо понимать изъявителя воли и адресата.[736]

Включение недопустимого условия порождает отдельный вопрос о силе остальной сделки. Само условие ничтожно, но судьба остальной сделки в доктрине решается по-разному. Один подход предполагает выбор между частичной и полной недействительностью по действительной либо предполагаемой воле изъявителя совершить сделку без условия, с учетом разумного восприятия адресата. Для интервентных сделок при этом предлагается либо презумпция полной недействительности, либо право адресата в разумный срок возразить против признания сделки совершенной.[737] По другому подходу сделка ничтожна полностью: правило о частичной недействительности предполагает согласованную волю сторон, которой в одностороннем акте нет.[738] В казахстанском праве исходным служит ст. 161 ГК РК. Она позволяет сохранить сделку без недействительной части при предположении, что сделка была бы совершена и без нее.[739] Следует, значит, устанавливать гипотетическую волю изъявителя, но с учетом ее разумного восприятия адресатом. Если разумный адресат имел основания считать условие необходимым для решения изъявителя, недействительно все волеизъявление. Практическая трудность видна на примере условного принятия наследства. Нотариус должен решить, выражена ли воля на безусловное принятие либо воля на принятие вообще не выражена.[740]

Для найма германская доктрина придерживается второго решения: заявление о расторжении под недопустимым условием недействительно полностью, устранение одного условия его не сохраняет.[741] В казахстанском праве такое решение можно объяснить предложенным критерием. Если разумный адресат не может уверенно предположить совершение интервентной сделки без условия, следует признать недействительность всей сделки. Неопределенность должен нести изъявитель, а не адресат.

3.2.4 Условное завещание

Условное завещание выступает в казахстанском праве одной из форм реализации свободы завещания, в одном ряду с другими особыми завещательными распоряжениями: в силу п. 1 ст. 1047 ГК РК завещатель вправе «обусловить получение наследства определенным условием относительно характера поведения наследника».[742] Тем самым круг допустимых условий сужен законодателем: они должны быть связаны с характером поведения наследников.[743] Такое ограничение известно не всем правопорядкам. ГК Украины позволяет поставить возникновение права на наследование под условие, как связанное, так и не связанное с поведением назначенного в завещании лица (наличие других наследников, проживание в определенном месте, рождение ребенка, получение образования и т.п.), требуя лишь, чтобы условие существовало на время открытия наследства.[744]

При этом ГК РК ограничивает «фантазию» завещателя рядом прямых запретов:[745]

1) характером условий - условия не должны быть противоправными, противоправность условий предопределяет их ничтожность;[746]

2) выполнимостью условий, объективной и субъективной: условие должно быть посильно наследнику с учетом его физических и фактических возможностей. Нежелание наследника выполнить условие, по смыслу п. 3 ст. 1047 ГК РК, на действительность условия не влияет; если же выполнить условие наследнику не позволяют состояние здоровья или иные объективные причины, он вправе оспорить такое условие.[747] На случай невыполнения наследником правомерных условий завещатель может подназначить другого наследника.[748]

Содержание слов «характер поведения» необходимо ограничить посредством телеологической редукции. Условие завещания не должно посягать на правоспособность или дееспособность наследника либо ограничивать их: направленные на такое ограничение сделки ничтожны.[749] Недопустимы, на наш взгляд, и условия аморального содержания, противоречащие общепринятым основам нравственности. Отсутствие

прямого запрета в законе не оправдывает обусловливание ими права на наследование.[750]
Условное завещание служит показательным примером неинтервентной односторонней сделки. Наследник свободен не принимать наследство, поэтому неопределенность условия ему не навязывается. Проверять наступление условия придется нотариусу; этим объясняются нередкие отказы в удостоверении. Но общий запрет условных завещаний был бы несоразмерным ответом. Если установить наступление условия можно без «детективного расследования», оснований отвергать такую конструкцию нет. В иных случаях заинтересованные лица могут обратиться в суд за признанием условия наступившим или ненаступившим.[751]
Условные завещания давно известны частному праву и используются во многих юрисдикциях.[752] В основе условных завещаний лежит принцип свободы завещания: завещатель свободен не только в выборе наследников и распределении между ними имущества, но и в определении условий наследования - если этому не препятствуют императивные нормы, он может установить завещательный отказ или возложение либо подчинить распоряжение отлагательному или отменительному условию. В целом можно выделить две основные модели регулирования условных завещаний:[753]
1) модель общего регулирования, при которой наследственное законодательство не содержит особых правил, сужающих круг условий наследования по завещанию. Ей следует российское право: специальных норм об условных завещаниях ГК РФ не содержит, и к ним применяются общие положения об условных сделках. К этой же модели относится германское право: завещательные распоряжения могут совершаться под отлагательным и отменительным условием, к ним применяются общие правила об условиях, а §§ 2074-2076 ГГУ содержат лишь толковательные правила;[754] допустимы и потестативные условия, наступление которых зависит от воли наследника, поскольку тот всегда может отказаться от наследства.[755] Вместе с тем, толкуя общие правила об условных сделках применительно к завещаниям, правоприменитель вынужден прибегать к телеологической редукции, поскольку ко времени вступления завещания в силу завещателя уже нет в живых. Свобода завещания может, кроме того, вступить в противоречие со свободой наследника, и условия, затрагивающие его право- и дееспособность, силы иметь не могут: в германской практике ничтожными как противоречащие добрым нравам признаются, например, условия о перемене или сохранении вероисповедания или гражданства.[756] Отменительные же условия повышают неопределенность в положении кредиторов и тем самым могут дестабилизировать оборот;
2) модель специального регулирования, при которой закон сужает перечень допустимых условий наследования и ограничивает их виды. Например, законодательство Украины и Казахстана допускает включение в завещание лишь отлагательных условий: отменительные условия прямо не запрещены, однако их недопустимость следует из формулировок специальных норм. Кроме того, ГК РК допускает лишь условия о характере поведения наследника, а значит, ставить наследование в зависимость от иных обстоятельств нельзя.
При специальном регулировании общие положения об условных сделках применимы к условным завещаниям с трудом - за исключением, пожалуй, правил о добросовестности. Не решен и вопрос о том, к какому периоду должно относиться предусмотренное завещанием условие. Может ли завещатель обусловить получение наследства поведением наследника при жизни наследодателя? Или такое поведение должно быть продемонстрировано после открытия наследства, и если так, то в течение какого времени?[757]
В судебной практике редко встречаются дела, связанные с оспариванием условных завещаний. За период с 2009 по 2026 год нами выявлено всего 11 подобных дел, и говорить о сложившейся практике весьма сложно.[758] Показательно дело, в котором одиноко проживавшая пожилая женщина завещала квартиру социальному работнику «на условии ухода за ней до самой смерти». По показаниям нотариуса, это условие было включено по требованию самой завещательницы. После составления завещания наследница перестала посещать завещательницу, уход за ней осуществляли другие лица. Кассационная коллегия согласилась с судом первой инстанции в том, что условие не наступило, и признала завещание недействительным, применив к нему п. 1 ст. 150 ГК РК, а также сославшись на п. 1 ст. 158 ГК РК.[759]
С этим решением трудно согласиться по двум причинам. Во-первых, ненаступление отлагательного условия означает лишь то, что распоряжение не породило правового эффекта, но не делает завещание недействительным: суд смешал ненаступление условия с пороком сделки. Во-вторых, суд не поставил вопрос о допустимости самого условия. Условие об уходе за завещателем до его смерти по существу описывает встречное предоставление при жизни наследодателя в обмен на имущество после его смерти. Такая конструкция предполагает встречное волеизъявление наследника и, следовательно, договор, а не одностороннюю сделку. Как правило, наследник о содержании завещания не знает в силу тайны завещания.[760] И тогда добиться желаемого наследодателем поведения объективно невозможно: наследодатель полагается на «волю случая», и теряется смысл условного завещания, цель которого - позволить наследодателю повлиять на поведение наследника (дать шанс исправиться и т.п.).[761] В рассмотренном деле наследница о завещании знала, но именно поэтому отношения сторон и приобрели договорный характер.
На наш взгляд, ставить наследование в зависимость от поведения наследника в период до смерти наследодателя, когда завещание остается личной и тайной односторонней сделкой - юридический оксюморон: признав такие условия, пришлось бы признать и то, что реализовать их можно лишь посредством наследственного договора, которого казахстанское право не знает. Будучи сторонником презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм и свободы волеизъявления, автор не видит политико-правовых оснований ограничивать право завещателя устанавливать правомерные отлагательные условия. Однако, коль скоро законодатель свел допустимые условия к условиям о характере поведения наследника, смысл такого специального регулирования, по нашему мнению, состоит в том, чтобы дать завещателю возможность побудить наследника «исправить» неугодное, социально порицаемое поведение. Поэтому если завещатель рассчитывает на поведение наследника в свою пользу до открытия наследства, такие отношения разумнее оформлять наследственным договором. Конвертировать подобное завещание в договор ренты нельзя, поскольку при ренте имущество переходит в собственность плательщика еще при жизни получателя ренты.[762]
В германском праве условия в завещаниях должны быть достаточно определенными, а пределы их допустимости устанавливаются прежде всего через запрет сделок, противоречащих добрым нравам.[763] При этом условие и само завещательное распоряжение рассматриваются как единое целое: если условие признано недействительным, ничтожным становится и распоряжение, которое завещатель хотел совершить лишь условно, если не установлено, что он сохранил бы его и без условия.[764] Романские правопорядки решают этот вопрос иначе: по art. 900 Code civil невозможные, а также противоречащие закону или добрым нравам условия в завещательном распоряжении считаются ненаписанными, хотя судебная практика допускает признание недействительным всего распоряжения, если условие было его побудительной и определяющей причиной;[765] согласно art. 634 Codice civile невозможные и незаконные условия также считаются неприставленными, если только они не выражают незаконный мотив, определивший волю завещателя (art. 626).[766] Швейцарское право ближе к германскому: безнравственные или противоправные условия влекут недействительность распоряжения, а неисполнимые (бессмысленные) считаются несуществующими (Art. 482 Abs. 2, 3 ZGB).[767] Германская судебная практика, в свою очередь, проверяет содержание завещательных распоряжений на соответствие добрым нравам ex post: исходя из конституционно защищенной свободы завещания, она допускает ее ограничение лишь при особых обстоятельствах и с применением телеологической редукции выработала критерии допустимости условий для отдельных их групп.[768]

Полагаем, что расширение свободы завещателя в определении условий наследования не создаст проблем, если допустимость условий будет ограничена рядом критериев.[44] Таковыми могли бы стать следующие:[769]
- непосягательство на право- и дееспособность наследника;
- правомерность условий (отсутствие противоправности); - вероятность условий и фактическая возможность их соблюдения, если они касаются характера поведения наследника;
- непротиворечие условий общепризнанным нравственным ценностям;
- отсутствие угрозы любого вреда при их соблюдении (исполнении); - несвязанность условий с какими-либо предоставлениями наследодателю при его жизни.[44]
Существующая свобода договора, на наш взгляд, не препятствует введению в казахстанское гражданское законодательство института наследственного договора. Эта конструкция сходна с договором ренты, но с ним не совпадает: встречное предоставление в ней приурочено к дополнительному условию (сроку) - смерти наследодателя.[44] Подобное нововведение позволило бы расширить свободу наследования участников наследственных отношений.[770]
Отдельный вопрос - сколько может длиться состояние подвешенности, в котором наследник пребывает после открытия и принятия наследства. Допустим, имущество завещано[108] наследнику при условии, что он получит высшее образование.[71] Наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня его открытия, по истечении этого срока нотариус выдает[71] свидетельство о праве на наследство, а[71] принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства.[771] Следует[44] ли отсюда, что наследник связан этим сроком и обязан проявить требуемое поведение в его пределах? При утвердительном ответе многие условия, включая столь социально полезное, как приведенное выше, оказались бы заведомо неисполнимыми. Поэтому положения о сроке[44] при толковании должны быть редуцированы с учетом принципа разумности и интересов кредиторов, находящихся в состоянии ожидания.[772] В германской практике условие признается наступившим, если наследник предпринял попытку его выполнить,[773] но лишь тогда, когда имеются разумные сомнения в его выполнении.[774]
Срок, в течение которого наследник должен проявить желаемое наследодателем поведение, в пределах свободы завещания вправе определить сам завещатель; однако ради защиты кредиторов этот срок не должен превышать одного года - периода, достаточного для проявления такого поведения и соответствующего сроку, который закон устанавливает для охраны прав отсутствующих наследников.[775] Если же возникают сомнения в том, выполнено ли условие, суду следует признавать его выполненным, когда наследник предпринимал попытки его выполнить в пределах установленных сроков.[776] Для сравнения: в германском праве завещательный отказ под отлагательным условием утрачивает силу, если условие не наступило в течение тридцати лет со дня открытия наследства (§ 2162 ГГУ).[777]
Таким образом, нормы казахстанского наследственного права об условных завещаниях формализованы крайне слабо, а в отсутствие устоявшейся судебной практики их неопределенность ощущается еще острее. Поэтому институт фактически не востребован: завещания, содержание которых осложнено условиями о характере поведения наследника, в нотариальной практике встречаются крайне редко.
Выявленная казахстанская судебная практика расходится с известными моделями регулирования и доктринальными подходами к волеизъявлениям mortis causa под условием: недопустимы условия о поведении наследника в пользу наследодателя, которое должно быть проявлено до открытия наследства. Предоставление наследодателю при его жизни в обмен на предоставление после его смерти не может быть содержанием условного завещания: такая схема требует встречного волеизъявления и потому может быть облечена лишь в форму договора. Рентой такие отношения также не являются, поскольку отсутствует ее квалифицирующий признак - передача имущества в собственность плательщика ренты при жизни получателя.[778] Представляется, что, опираясь на существующую свободу договора, законодателю следовало бы прямо допустить заключение наследственного договора, отменив или сузив запрет распоряжаться[44] имуществом на случай смерти в какой-либо иной форме, кроме завещания.[779]
Проведенный анализ показывает, что допустимость постановки одностороннего волеизъявления под условие определяется не общим дозволением или запретом, а видом волеизъявления. Для ряда сделок условность исключена тотально - прямым указанием закона (принятие наследства, отказ от наследства, отказ от завещательного отказа, акцепт) или их существом (регистрационные заявления, признание отцовства, согласие на усыновление). Для неинтервентных сделок по общему правилу допустимы любые условия, поскольку адресат или иные лица не обязаны пользоваться предоставленной возможностью. Для интервентных сделок действует общий запрет, обусловленный недопустимостью навязывания адресату правовой неопределенности; он не срабатывает, когда изъявитель и адресат заранее согласовали такую возможность, а также когда отлагательное условие находится в сфере информационного контроля адресата и не обрекает его на длительное ожидание. Поскольку ГК РК, в отличие от ГГУ, не содержит специальных запретов для интервентных сделок и ограничивается общей нормой ст. 150, сформулированной для «сторон», эти пределы в казахстанском праве пока выводятся лишь доктринально; их законодательное закрепление устранило бы неопределенность для участников оборота.

3.3 Отмена одностороннего волеизъявления

Отмена (отзыв) одностороннего волеизъявления - это совершение нового одностороннего акта, направленного на недопущение или прекращение юридического эффекта ранее совершенной односторонней сделки. Здесь следует различать две ситуации, которые в праве обозначаются одним словом. Отзыв волеизъявления, еще не вступившего в силу, препятствует возникновению его эффекта; отмена уже вступившего в силу волеизъявления направлена на прекращение его эффекта. Это различение известно наднациональным сводам (отзыв оферты до ее получения и отмена уже действующей оферты)[780] и испанской доктрине, разграничивающей изъятие (retirada) и отзыв (revocación) оферты,[781] а также нидерландскому законодательству, которое говорит об изъятии (intrekking) заявления, еще не дошедшего до адресата (п. 5 ст. 3:37 ГК Нидерландов), в отличие от отзыва (herroeping), лишающего силы заявление, уже дошедшее до адресата,[782] тогда как казахстанскому правопорядку такого терминологического различения недостает.
Гражданское законодательство в ряде случаев прямо дозволяет отмену одностороннего волеизъявления.[52] Лицо, выдавшее доверенность, может во всякое время ее отменить,[52] а соглашение об отказе от этого права ничтожно;[783][106] завещатель вправе в любое время отменить или изменить завещание;[784] публичное обещание вознаграждения может быть отменено в той же форме, за исключением указанных в законе случаев.[785] В других случаях закон содержит прямой запрет:[71] отказ от наследства не может быть впоследствии отменен или взят обратно, а наследник, фактически вступивший во владение наследственным имуществом, утрачивает право от наследства отказаться.[786]
Но бывают случаи, когда отсутствует и прямое дозволение, и прямой запрет на отзыв одностороннего волеизъявления, например в отношении заявления о зачете, прощения долга, совершения распорядительной сделки, различного рода согласий. Понятно, что в этом случае вопрос следует разрешать с учетом существа и характера правовых последствий волеизъявления.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что решение этого вопроса строится вокруг двух опорных точек: момента, с которого волеизъявление связывает совершившее его лицо, и характера самого волеизъявления. Первое правило состоит в том, что рецептивная односторонняя сделка может быть отменена стороной такой сделки, «если заявление об отзыве своего волеизъявления дошло до адресата ранее или одновременно с волеизъявлением на совершение сделки».[787] В российском праве это правило выводится из применения по аналогии норм об отзыве оферты и акцепта. В казахстанском праве к тому же результату ведет применение в порядке п. 2 ст. 149 ГК РК правил п. 2 ст. 395 и п. 4 ст. 396 ГК РК.[788] В германском праве оно прямо закреплено в предл. 2 абз. 1 § 130 ГГУ, причем значение имеет исключительно временное соотношение поступления обоих волеизъявлений.[789] Австрийское право исходит из тех же начал применительно к оферте.[790] В Модельных правилах европейского частного права оно распространено на любое уведомление.[791]

Второе правило: после того как волеизъявление доставлено адресату и его правовой эффект наступил, аннулировать его простым заявлением изъявителя по общему правилу нельзя. Если вступил в силу отказ от договора, для возобновления договора потребуется соглашение с контрагентом, то же касается случаев, когда наступление эффекта отложено, но заявление уже доставлено.[792] Так, заявление о зачете порождает правовой эффект по прекращению обязательств сразу после получения его второй стороной обязательства. Соответственно, оно отозвано быть не может. В германском праве безотзывность рассматривается как общее свойство волеизъявлений об осуществлении преобразовательных прав: однажды наступивший эффект не может быть устранен односторонне, за исключением случая, когда адресат сам оспаривает действительность преобразования.[793] Швейцарская доктрина также рассматривает безотзывность наряду с несовместимостью с условием как общее свойство преобразовательных волеизъявлений.[794] Австрийская указывает, что рецептивные волеизъявления находятся под защитой доверия и потому не могут быть свободно отозваны, а могут лишь оспариваться при наличии оснований.[795] В нидерландской доктрине тот же вопрос ставится как проблема неотзывности (onherroepelijkheid) одностороннего юридического акта.[796] В доктрине обсуждается лишь узкое исключение для сообщения, уже доставленного, но еще не прочитанного адресатом, например в мессенджере. Этот вопрос не прояснен.[797] В австрийском праве применительно к оферте господствующее учение, опирающееся на практику Верховного суда Австрии, такое исключение признает: если адресат ознакомился с отзывом раньше, чем с самой офертой, оферта не связывает изъявителя, а бремя доказывания своевременности отзыва лежит на отзывающем.[798] Так же решается вопрос в английском праве: действительное уведомление о прекращении аренды прекращает ее в указанный срок и не может быть отозвано; соглашение сторон об отзыве уведомления его действия не устраняет, а способно лишь породить новую аренду взамен прежней.[799]

Третье правило связывает возможность отмены с характером волеизъявления. Для неинтервентных рецептивных сделок характерно предоставление изъявителю права отменить их эффект на будущее и после доставки: так обстоит дело с доверенностью и, как будет показано ниже, с предварительным согласием на совершение сделки. Для нерецептивных сделок может обсуждаться лишь отмена их дальнейшего эффекта на будущее, иногда ее прямо допускает закон (завещание, публичное обещание награды), в остальных случаях вопрос решается исходя из существа сделки.[800] В нидерландском праве, где односторонние сделки по общему правилу безотзывны, свободная отменяемость завещания прямо закреплена законом (п. 2 ст. 4:42 ГК Нидерландов) и не может быть исключена оговоркой о безотзывности.[801] Например, закон ничего не говорит об отзыве отказа от права собственности на движимую вещь, но нет препятствий к тому, чтобы лицо, выбросившее вещь, передумало и забрало ее назад, пока кто-то другой не вступил во владение ею с целью приобрести право собственности,[802] тем более что по казахстанскому праву оно до этого момента остается собственником.[803] Интервентные сделки, напротив, после доставки безотзывны: чем сильнее вторжение в правовую сферу адресата, тем меньше оснований допускать одностороннее устранение его последствий.[804]

Законодательство об интеллектуальной собственности дает два противоположных решения этого вопроса для неинтервентных волеизъявлений. Автору принадлежит право на обнародование произведения, то есть на открытие доступа к нему неопределенному кругу лиц, и он вправе отказаться от ранее принятого решения об обнародовании (право на отзыв) при условии возмещения пользователю причиненных этим убытков, включая упущенную выгоду; если произведение уже обнародовано, автор обязан публично оповестить о его отзыве. При создании служебных произведений право на отзыв не применяется.[805] Закон разрешает здесь устранить действие уже вступившего в силу волеизъявления, возлагая убытки полагавшегося на него лица на изъявителя. Сходное решение практика выработала для отзыва предварительного согласия на сделку (см. подраздел 3.4). Напротив, заявление патентообладателя о предоставлении любому лицу права на получение лицензии на использование изобретения, полезной модели или промышленного образца (открытая лицензия) не подлежит отзыву.[806] По природе это неинтервентное волеизъявление к неопределенному кругу лиц через публичный реестр. Для него можно было бы допустить отмену на будущее. Однако законодатель исключил ее ради доверия тех, кто мог полагаться на опубликованное заявление и готовиться использовать объект.[807]

До доставки рецептивное волеизъявление отзывно: защищаемого доверия у адресата еще нет. После доставки отзыв по общему правилу исключается; для актов осуществления секундарного права безотзывность составляет общее свойство наряду с несовместимостью с условием. У неинтервентных сделок возможна отмена на будущее, если ее допускает закон или существо сделки. Общих правил об отзыве ГК РК не устанавливает. Поэтому за пределами специального регулирования решение об отзыве необходимо выводить из рецептивности и интервентного либо неинтервентного характера волеизъявления.

3.4 Согласие как одностороннее волеизъявление и его отзыв

Некоторые сделки по законодательству Республики Казахстан требуют согласия лица, которое само в них не участвует. Такие требования установлены для разных отношений. В частности, необходимы:

- согласие участников общей долевой собственности на распоряжение общим имуществом;[808]
- согласие участников общей совместной собственности, которое по общему правилу предполагается, но при совершении сделок, требующих нотариального удостоверения или государственной регистрации, должно быть подтверждено в нотариальном порядке;[809]
- нотариально удостоверенное согласие супруга на распоряжение недвижимостью и на сделки, требующие нотариального удостоверения или регистрации;[810]
- согласие законных представителей на сделки несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет;[811]
- предварительное согласие органа опеки и попечительства в случаях, установленных законами;[812]
- нотариально удостоверенное согласие супруга суррогатной матери на заключение договора суррогатного материнства.[813]

Перечень не исчерпывает всех согласий. Различается прежде всего защищаемый интерес: собственный частный интерес сособственника или супруга, интерес подопечного при согласии законного представителя либо органа опеки, а также публичный интерес.[814]

Из гражданских, брачно-семейных и предпринимательских норм следует направленность согласия на возникновение, изменение или

прекращение гражданских правоотношений. Согласие, следовательно, представляет собой правомерное одностороннее волеизъявление, природа которого не зависит от вида согласуемого действия. Такая квалификация согласуется с предложенным в подразделе 1.1.2 пониманием сделки как волеизъявления, а не действия. Такой же подход принят в российском и германском праве. В России требуемое в силу закона согласие лица, не являющегося стороной сделки, само признается сделкой, причем односторонней рецептивной. К нему применяются общие положения о сделках, в том числе о недействительности и об условных сделках.[815] В Германии согласие (Zustimmung) квалифицируется как одностороннее рецептивное волеизъявление, к которому применяются общие правила о сделках, включая правила о дееспособности, пороках воли и оспаривании, а также специальные нормы об односторонних сделках (§ 111, 180, абз. 3 § 182 ГГУ).[816]

Хотя казахстанский закон прямо не квалифицирует согласие как сделку, основания для такой квалификации дает нотариальное регулирование. Нотариусы удостоверяют согласия, для которых законодательством предусмотрено обязательное нотариальное удостоверение,[817] а в Рекомендациях по удостоверению согласий, утвержденных Республиканской нотариальной палатой, согласие определено как «односторонняя сделка, представляющая собой выражение воли одного лица в утвердительной форме, данное другому лицу, на совершение какого-либо действия (действий) представляющее собой юридический факт права».[818] Форма согласия должна соответствовать форме сделки, на которую оно дается: об этом прямо сказано применительно к согласию законных представителей несовершеннолетнего,[819] а нотариальное удостоверение согласия требуется лишь в случаях, прямо предусмотренных законом.[820]

Особого объяснения требуют согласия, которые предполагаются и не выражаются в установленной форме. Так, согласие другого супруга на распоряжение общим имуществом по общему правилу предполагается, а сделка может быть признана недействительной по мотивам его отсутствия лишь при доказанности того, что другая сторона знала или заведомо должна была знать о несогласии супруга.[821] Сообщая о несогласии, лицо в таком случае не отзывает и не отменяет согласие. Оно указывает, что презумпция расходится с действительной волей.

Основной спор касается возможности отозвать согласие. В Рекомендациях Республиканской нотариальной палаты он решен отрицательно: согласие как односторонняя сделка создает обязанности для совершившего его лица, к нему применяются общие положения об обязательствах, а потому в силу ст. 273 ГК РК его отмена возможна только в судебном порядке.[822] В обоснование такого подхода можно было бы утверждать, что согласие, будучи односторонней сделкой, создает для давшего его лица обязанность не препятствовать совершению согласованной сделки, а потому его отмена недопустима: односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается,[823] а по аналогии с правилом о договоре в пользу третьего лица стороны не вправе изменить договор после того, как третье лицо выразило намерение воспользоваться своим правом.[824] Но обязательство перед сторонами согласуемой сделки из согласия не возникает. Согласие как неинтервентная сделка лишь позволяет им совершить сделку без соответствующего порока. Пользоваться этой возможностью они не обязаны. Поэтому правило ст. 273 ГК РК, рассчитанное на обязательства, к нему неприменимо,[825] а аналогия со ст. 391 ГК РК, касающейся специфической конструкции договора в пользу третьего лица, не обоснована. Не выдерживает критики и довод a contrario о том, что раз закон прямо допускает отмену доверенности и завещания, то отмена согласия, не названная в законе, невозможна: по своему существу предварительное согласие ближе всего именно к доверенности, свободная отменяемость которой закреплена законом.

Иное понимание отзывности принято в сравниваемых правопорядках. По германскому праву предварительное согласие (Einwilligung) по общему правилу свободно отзывается до совершения сделки, если из отношения, на основании которого оно дано, не следует иное; отзыв является односторонним рецептивным волеизъявлением и может быть адресован любой из сторон сделки, а интересы третьих лиц, положившихся на согласие, защищаются по аналогии с правилами о прекращении полномочия.[826] В российском праве Пленум Верховного Суда РФ признал за третьим лицом право отозвать предварительное согласие, пока сделка не совершена, при условии возмещения сторонам вызванных отзывом убытков (п. 57 Постановления от 23 июня 2015 г. No 25). Последующее одобрение, напротив, после его получения отозвано быть не может.[827] Еще в 2012 г. Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева указывали, что разрешение может быть отозвано давшим его лицом до совершения разрешенной сделки.[828]

Более дифференцированное решение предлагает А.А. Громов. Согласие без указания срока, по его мнению, отзывно, поскольку иначе оно связывало бы давшее его лицо без ограничения во времени и возлагало бы на него риск изменения обстоятельств; согласие с указанным сроком по аналогии с офертой следует считать безотзывным, если отзывность не оговорена в нем и не вытекает из его существа. В качестве согласия, отзывного независимо от срока, приводится согласие супруга на отчуждение общей недвижимости: по своей функции оно близко к доверенности и держится на доверии между супругами, поэтому его отзыв оправдан, например, если до совершения сделки супруги начали бракоразводный процесс.[829] В германском праве безотзывность предварительного согласия также может вытекать из сделки: из отказа от права на отзыв, из соглашения, а при сомнении - из того, что согласие дано в интересе его получателя, однако и тогда отзыв по важному основанию сохраняется.[830] В нидерландской доктрине согласие супруга на продажу принадлежащего другому супругу совместно занимаемого жилого дома (ст. 1:88 ГК Нидерландов) признается отзывным, но лишь до заключения конкретного договора купли-продажи, на который оно дано.[831] Это позволяет решить вопрос о супруге, которая дала мужу согласие на продажу общей квартиры и утратила доверие к нему. До купли-продажи она вправе отозвать согласие, уведомив мужа и, по возможности, покупателя. После сделки отзыв не имеет правового значения: защитить интерес можно лишь оспариванием согласия при наличии порока воли.

Вопреки позиции нотариальной палаты, судебной «отмены» согласия как самостоятельного способа защиты не существует: суд может признать согласие недействительным по общим основаниям - например, если оно дано под влиянием заблуждения, обмана, насилия или угрозы,[832] но не «расторгнуть» его по правилам о договоре. Применять судебный порядок изменения или расторжения договора к согласию оснований нет. Согласие не является договором и обязательства не создает.

В казахстанской практике определенного решения пока нет. В одном деле супруга, давшая мужу нотариальное согласие на распоряжение тремя квартирами, обратилась к нотариусу с заявлением об отмене согласий, ссылаясь на аналогию с отменой доверенности. Нотариус отказал в совершении нотариального действия, и суд признал отказ законным, не исследовав вопрос о допустимости отзыва по существу.[833] В другом деле суд расценил отзыв согласия на залог, заявленный уже после совершения сделки залога, как злоупотребление правом, сославшись также на недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства.[834] Результат второго дела правилен, хотя достаточно было указать на момент отзыва: после совершения согласованной сделки согласие отозвать с правовым эффектом уже нельзя.

Расходы на подготовку сделки могут стать напрасными из-за отзыва согласия. Поэтому возникает вопрос об убытках ее сторон. В российской практике лицо, отозвавшее согласие, обязано их возместить, хотя А.А. Громов отмечает, что такая ответственность за правомерное действие представляет собой пример судебного правотворчества.[835] Нидерландская доктрина приходит к сходному результату: отзывность согласия не исключает обязанности возместить расходы, понесенные адресатом в расчете на него.[836] Возможны и неимущественные последствия: например, отмена супругом суррогатной матери согласия на заключение договора суррогатного материнства.[837]

До сих пор речь шла о предварительном согласии. Согласие после сделки - последующее одобрение - имеет иную природу.[838] Последующее одобрение адресовано сторонам уже совершенной сделки и окончательно определяет ее судьбу помимо их воли: в зависимости от того, какое

последствие закон связывает с отсутствием согласия, оно исключает возможность оспаривания сделки либо придает силу сделке, которая до этого не порождала последствий, как это предусмотрено для сделки, совершенной от имени другого лица без полномочия.[839] В последнем случае последующее одобрение является интервентной односторонней сделкой.[840] Это определяет и режим одобрения. Условие по общему правилу исключено (см. подраздел 3.2). С получением одобрения заинтересованным лицом немедленно возникает правовой эффект, поэтому последующий отзыв невозможен. Отзыв возможен лишь тогда, когда он поступил заинтересованным лицам ранее самого одобрения или одновременно с ним.[841]

Предварительное согласие третьего лица следует рассматривать как рецептивное и по общему правилу неинтервентное волеизъявление. Оно расширяет, а не ограничивает правовые возможности сторон согласуемой сделки. Как к одностороннему волеизъявлению, к нему применимы критерии, разработанные в настоящей работе. Отсюда и решение вопроса об отзыве: последующее одобрение после его получения безотзывно, а предварительное согласие может быть отозвано до совершения основной сделки, если иное не вытекает из его содержания или существа отношений. Отсутствие в ГК РК специальных норм о согласии и разноречивость практики делают целесообразным закрепление этого правила в законе: «Предварительное согласие на совершение сделки может быть отозвано до ее совершения, если иное не следует из содержания согласия или существа отношений. Отзыв должен быть доведен до сведения сторон сделки или одной из них». До такого закрепления к отзыву согласия по аналогии подлежат применению правила об отмене доверенности и о последствиях ее прекращения для третьих лиц.

Выводы по главе 3

Проведенное в главе 3 исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Казахстанское регулирование односторонних сделок имеет комбинированный характер: общие положения о сделках применяются к ним непосредственно, общие положения об обязательствах - к обязательствам из односторонних сделок, а общие положения о договорах - по аналогии на основании п. 2 ст. 149 ГК РК, поскольку это не противоречит природе и существу односторонней сделки.
2. Свобода совершения односторонней сделки определяется ее интервентностью. Закрытый перечень оснований (п. 2 ст. 148, п. 1 ст. 149 ГК РК) действует лишь для интервентных сделок; неинтервентная сделка может быть совершена и тогда, когда закон ее не предусматривает (ст. 7 ГК РК), в пределах, установленных законом, существом отношений и принципами их регулирования.
3. Общие правила о форме сделок действуют для односторонних сделок непосредственно, но требования к форме должны быть тем строже, чем сильнее волеизъявление затрагивает правовую сферу адресата.
4. Общие правила о недействительности нуждаются в адаптации, цель которой состоит в защите адресата интервентной сделки от навязанной правовой неопределенности. Интервентная сделка, совершенная без секундарного права, не влечет последствий; при отсутствии необходимого согласия, неподтвержденности полномочий и известном адресату пороке воли адресат должен иметь возможность в разумный срок отвергнуть сделку или потребовать ее подтверждения, а одобрение такой сделки должно действовать лишь на будущее.
5. Допустимость условия зависит от вида односторонней сделки. Для одних сделок условие исключено законом или их существом; в неинтервентную сделку может быть включено любое условие; для интервентных сделок действует общий запрет с исключениями для условий, заранее согласованных с адресатом, и отлагательных условий, находящихся в сфере его информационного контроля.
6. Отзыв одностороннего волеизъявления за пределами специального регулирования определяется его рецептивностью и интервентностью: до доставки рецептивное волеизъявление отзывно, после доставки интервентное волеизъявление безотзывно, а неинтервентное допускает отмену на будущее, если это следует из закона или его существа.
7. Согласие на совершение сделки является односторонним рецептивным волеизъявлением. Предварительное согласие неинтервентно и может быть отозвано до совершения сделки, если иное не вытекает из его содержания или существа отношений; последующее одобрение после его получения безотзывно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В казахстанском гражданском праве пока нет целостной системы правил об одностороннем волеизъявлении. Не сложилось и системного доктринального учения. Восприняв пандектное понятие сделки, ГК РК посвящает односторонним сделкам лишь две статьи (ст. 148 и 149). Общие же положения о форме, недействительности и условиях ориентированы преимущественно на договор и не всегда пригодны для одностороннего акта без изменений. Отсылка п. 2 ст. 149 ГК РК к общим положениям об обязательствах и договорах характерна для систем без пандектной общей части. Сама по себе она проблему не решает и правоприменителю приходится определять применимые нормы, их объем и необходимые изменения.

Судебная практика не восполнила этот пробел. Ссылка на п. 2 ст. 149 ГК РК обычно не сопровождается указанием примененных договорных норм. Так обстоит дело по 17 из 20 последних по дате судебных актов, воспроизводящих эту норму. Отсюда появились ситуативные решения: ненаступление отлагательного условия становится основанием недействительности завещания; отказ нотариуса принять отмену согласия супруга признается законным без выяснения допустимости отзыва; зачет связывается с не предусмотренной законом бесспорностью встречного требования. Само по себе это не дает основания упрекать суды, ведь в отсутствие общих правил и доктринальных ориентиров иного результата трудно ожидать.

Казахстанская доктрина затрагивает отдельные аспекты односторонних сделок в комментариях к Гражданскому кодексу и в учебной литературе, однако самостоятельным предметом исследования односторонние волеизъявления, насколько известно автору, до сих пор не становились. В российской цивилистике, напротив, за последнее десятилетие разработано учение о рецептивных и нерецептивных, интервентных и неинтервентных сделках. В 2013 г. в ГК РФ появились общие нормы о юридически значимых сообщениях, согласии на сделку и решениях собраний. Казахстанское законодательство подобных изменений не претерпело. Сравнение с германским, австрийским, швейцарским и нидерландским правом показывает, что большинство вопросов, остающихся для казахстанского права открытыми, в этих правопорядках давно решены или законом или устойчивой доктриной.

В работе предложены сквозные критерии, позволяющие единообразно решать вопросы о моменте наступления правового эффекта односторонних волеизъявлений, свободе их совершения, форме, недействительности, условиях и отзыве односторонних волеизъявлений в казахстанском праве. Свои выводы мы не считаем неоспоримыми. Рассчитываем, что они дадут основание для дальнейшей дискуссии и совершенствования законодательства. Результаты изложены в выводах по главам и в положениях, выносимых на защиту. Здесь приведем их кратко:

- сделка представляет собой волеизъявление (или совокупность волеизъявлений), а не действие: она может совершаться и бездействием, и

молчанием, если оно признается выражением воли законодательством или соглашением сторон, тогда как действия, правовой эффект которых наступает в силу закона независимо от воли, сделками не являются. Этим обусловлена необходимость уточнить определение ст. 147 ГК РК. Определение сделки через волеизъявление является общим. Односторонняя сделка состоит из одного волеизъявления, договор - из совпадающих волеизъявлений сторон, решение собрания - из однонаправленных волеизъявлений участников гражданско-правового сообщества по общему для них вопросу, которые адресуются лицу, ведущему собрание, складываются в единое решение по правилу большинства в установленной процедуре и связывают также тех участников, которые голосовали против или не голосовали;

- казахстанский закон не проводит последовательно ни одну из теорий соотношения воли и волеизъявления: в большинстве случаев порок воли учитывается независимо от того, была ли к нему причастна другая сторона и могла ли она его распознать, и в этом отношении закон ближе к теории воли. От рецептивности зависит позиция толкования, но не выбор теории соотношения воли и волеизъявления: рецептивное волеизъявление толкуется с позиции разумного адресата, нерецептивное - как правило, исходя из действительной воли изъявителя, а обращенное к неопределенному кругу лиц (публичное обещание награды) - с позиции разумного представителя этого круга. Волеизъявления юридических лиц и публично-правовых образований производны и при их оценке прежде всего проверяется соблюдение установленной процедуры;

- односторонняя сделка отграничивается от смежных конструкций по совокупности признаков: это волеизъявление, которое направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, порождает правовой эффект в силу этой направленности воли и в определяемом ею содержании, само по себе достаточно для наступления этого эффекта и исходит от одной стороны. От сделкоподобного сообщения ее отличает источник правового эффекта: у сделки им служит направленность воли лица, у сообщения - закон, принцип добросовестности или условия ранее совершенной сделки, и последствие сообщения наступает независимо от того, направлена ли на него воля отправителя. Общие положения о сделках применяются к сообщениям избирательно и лишь по аналогии закона. Оферта и акцепт являются рецептивными односторонними волеизъявлениями, образующими фактический состав договора, а голоса участников - волеизъявлениями, входящими в фактический состав решения собрания, которое представляет собой особый вид сделки, не сводимый ни к односторонней сделке, ни к договору. Ни оферта, ни акцепт, ни голос сами по себе не вызывают того результата, на который направлены, и потому самостоятельными сделками не являются. Поэтому порок воли дает основание оспаривать отдельный голос. Прощение долга при этом следует квалифицировать как соглашение, поскольку для его правового эффекта необходима и воля должника;

- деление односторонних волеизъявлений на рецептивные и нерецептивные определяет момент наступления правового эффекта, возможность отзыва и, как показано в работе, место совершения сделки для целей ст. 1116 ГК РК. Рецептивное волеизъявление обращено к определенному адресату, для вступления в силу должно поступить в сферу его контроля так, чтобы он имел возможность с ним ознакомиться, и до доставки правового эффекта не порождает; нерецептивное в доставке не нуждается и совершается объективным выражением воли вовне. В действующем ГК РК отсутствует общее правило о доставке, и правило п. 2 ст. 176 ГК РК построено на противоположной логике. Практическое последствие пробела состоит в том, что при возврате уведомления по истечении срока хранения сторона, располагающая правом на внесудебный отказ, вынуждена расторгать договор в судебном порядке. Объявление о награде за результат, обращенное к неопределенному кругу лиц, следует квалифицировать как публичное обещание, то есть нерецептивную одностороннюю сделку, а не как публичную оферту, хотя суды проводят это разграничение неотчетливо;

- деление на интервентные и неинтервентные односторонние сделки, проводимое по тому, навязывает ли сделка правовые последствия адресату помимо его воли, определяет весь дальнейший правовой режим сделки: свободу ее совершения, требования к форме, допустимость условий, возможность отзыва и особенности недействительности. Интервентной является сделка, правовой эффект которой наступает для определенного лица, не участвующего в ее совершении, состоит в лишении его прав, возложении на него обязанностей, изменении или прекращении правоотношения с его участием либо в ином изменении его правового положения и наступает помимо его воли, независимо от того, желателен ли он для адресата. Неинтервентная сделка ограничивает права самого изъявителя либо предоставляет другим лицам правовые возможности, воспользоваться которыми или нет они решают сами. Интервентность не совпадает с рецептивностью. Рецептивная сделка может быть как интервентной (отказ от договора, зачет), так и неинтервентной (выдача доверенности). Пункт 1 ст. 149 ГК РК должен толковаться как требование правового основания для любой интервентной сделки, тогда как для неинтервентных сделок такое требование не действует. Закон может ограничивать и соглашение, предоставляющее право на интервентную сделку, когда сторона не способна оценить риск такого секундарного права контрагента. Примером служит запрет одностороннего изменения фиксированной ставки вознаграждения по займам с физическими лицами;

- комбинированная модель казахстанского регулирования предполагает непосредственное действие общих положений о сделках и применение общих положений о договорах по аналогии на основании п. 2 ст. 149 ГК РК. Общие положения об обязательствах прямо распространяются на обязательства из односторонних сделок, а нормы о договорных обязательствах применяются по аналогии;

- адаптация правил о недействительности должна защищать адресата интервентной сделки от навязанной правовой неопределенности. Интервентная сделка, совершенная без секундарного права, не влечет последствий, на которые она направлена. При отсутствии согласия третьего лица, неподтвержденности полномочий, нарушении внутренних ограничений полномочий, распознаваемой ошибке изъявителя и известных адресату обмане или угрозе третьего лица адресат должен иметь возможность в разумный срок отвергнуть сделку или потребовать ее подтверждения, а при угрозе подтверждение должно иметь силу лишь после ее прекращения. Одобрение интервентной сделки, совершенной без полномочия, должно действовать лишь на будущее, а оспаривание по мотиву заблуждения - заявляться без неоправданного промедления. Недействительный односторонний отказ от договора не порождает задуманного эффекта и договор продолжает действовать без применения особых последствий недействительности. Правила о кабальной сделке к односторонним сделкам по существу неприменимы, а порок такой сделки, совершенной в тяжелых обстоятельствах, оценивается по правилам об угрозе или заблуждении. При оспаривании интервентной сделки ввиду угрозы третьего лица заслуживает внимания швейцарская модель возмещения добросовестному адресату негативного интереса;

- допустимость условий необходимо устанавливать с учетом вида односторонней сделки: для одних сделок условие исключено законом или их существом, в неинтервентные сделки за рамками этих исключений могут включаться любые условия, для интервентных действует общий запрет с исключениями для условий, заранее согласованных с адресатом, и отлагательных условий, находящихся в сфере его информационного контроля; условия о поведении наследника в пользу завещателя до открытия наследства по своей природе требуют договора. Сделка с недопустимым условием сохраняется без него лишь тогда, когда разумный адресат мог предполагать, что изъявитель воли совершил бы ее и без условия, в противном случае она недействительна в целом;

- при решении вопроса об отмене следует учитывать момент доставки и характер волеизъявления. До доставки рецептивное волеизъявление отзывно, а полученное интервентное волеизъявление безотзывно. Для неинтервентных сделок допускается отмена на будущее, если она

предусмотрена законом либо вытекает из их существа. Поэтому предварительное согласие, будучи неинтервентным, можно отозвать до сделки, тогда как последующее одобрение, являющееся интервентным, после получения безотзывно.

Из этих выводов следуют предложения об изменении и дополнении ГК РК:

- изложить ст. 147 ГК РК в новой редакции, определив сделку как волеизъявление или совокупность волеизъявлений граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей;
- дополнить п. 1 ст. 506 ГК РК указанием на освобождение одаряемого от имущественной обязанности перед самим дарителем и согласовать с ним ст. 373 ГК РК о прощении долга;
- изложить п. 1 ст. 149 ГК РК в следующей редакции: « односторонняя сделка может создавать обязанности для других лиц, прекращать или изменять их права либо иным образом затрагивать их правовое положение помимо их воли лишь в случаях, установленных законами либо соглашением с этими лицами»;
- дополнить ст. 149 ГК РК правилами о том, что интервентная односторонняя сделка, совершенная при отсутствии предусмотренного законом или соглашением основания либо с нарушением требований к ее совершению, не влечет правовых последствий, на которые она направлена и что односторонняя сделка, совершенная без необходимого в силу закона согласия третьего лица и вторгающаяся в правовую сферу адресата, не влечет для него последствий, если он в разумный срок заявил возражение, а при последующем представлении согласия вступает в силу на будущее, а также что адресат интервентной односторонней сделки, который знает или должен знать о пороке, дающем основание для ее оспаривания, вправе в разумный срок запросить у изъявителя воли ее подтверждение либо отвергнуть ее правовой эффект, причем при угрозе со стороны третьего лица право отвергнуть правовой эффект сделки независимо от ответа изъявителя принадлежит лишь адресату, который знает об угрозе, а подтверждение имеет силу, лишь если оно дано после ее прекращения;
- дополнить ст. 165 ГК РК правилом о том, что одобрение интервентной односторонней сделки, совершенной без полномочия, действует с момента его доведения до адресата, а адресат вправе в разумный срок отклонить такую сделку ввиду неподтвержденности полномочий;
- дополнить ст. 159 ГК РК правилами о том, что оспаривание интервентной односторонней сделки по мотиву заблуждения должно быть заявлено без неоправданного промедления после того, как изъявитель воли узнал об основании оспаривания, и что сделка, совершенная под влиянием обмана или угрозы третьего лица, может быть признана недействительной, если другая сторона, а для односторонней сделки - ее адресат или лицо, воспользовавшееся ее эффектом, знали или должны были знать о пороке;
- закрепить общее правило о наступлении правового эффекта рецептивного волеизъявления с момента его доставки адресату, с отнесением на адресата риска неполучения по зависящим от него обстоятельствам, а для волеизъявлений, адресованных недееспособным - с момента поступления законному представителю, и ограничить действие п. 2 ст. 176 ГК РК вопросом своевременности заявления;
- закрепить пределы допустимости условий в односторонних сделках с учетом их интервентного или неинтервентного характера;
- предусмотреть возможность отзыва предварительного согласия до совершения сделки, кроме случаев, когда из содержания согласия или существа отношений следует иное, а также установить обязанность сообщить об отзыве сторонам сделки либо одной из них. До закрепления этого правила следует применять по аналогии правила об отмене доверенности (п. 2 ст. 170, ст. 171 ГК РК);
- закрепить в ГК РК общие положения о решениях собраний, предусмотрев применение к ним общих положений о сделках, в том числе о недействительности, в части, не урегулированной законом и не противоречащей существу решения, а также возможность оспаривания отдельного голоса по мотиву пороков воли;
- рассмотреть возможность признания в казахстанском праве наследственного договора.

Со своей стороны считаем цели и задачи, поставленные в начале исследования, в целом реализованными. Понятие, признаки и соотношение воли и волеизъявления исследованы в главе 1, практическое значение классификаций односторонних волеизъявлений - в главе 2, правовой режим, условия, отмена и согласие - в главе 3, а предложения по совершенствованию ГК РК сформулированы выше. Основу сравнительного анализа составили законодательство и доктрина Германии, Австрии, Швейцарии, Нидерландов и России. Право Франции и Италии, а по отдельным вопросам (свобода совершения односторонних сделок, вступление уведомления в силу, его условность и отзыв) также право Испании и Англии привлекалось в той мере, в какой оно дает самостоятельные решения. Учтены наднациональные своды частного права, а также казахстанская судебная и нотариальная практика. Полагаем, что материал и выводы исследования могут быть полезны в преподавании, научных исследованиях, при совершенствовании законодательства и в правоприменении.

При использовании результатов исследования рекомендуется обратить внимание на следующее:

- интервентность является признаком не столько типа сделки, сколько ее действия в отношении конкретного лица, а одна и та же сделка может быть интервентной для одного лица и неинтервентной для другого, как это видно на примере завещательного отказа. Поэтому квалификацию следует проводить применительно к тому адресату, о защите которого идет речь;
- принцип защиты адресата от правовой неопределенности не означает приоритета адресата во всех случаях. Там, где порок сделки вызван самим адресатом или ему заведомо известен, режим оспоримости вполне уместен, а неинтервентные сделки в такой защите не нуждаются, поскольку лица, к которым они обращены, свободны на них не полагаться;
- «разумный срок» для возражения адресата, «сфера информационного контроля» и иные оценочные категории, используемые в предложениях, неизбежно потребуют конкретизации судебной практикой. Предлагаемые правила должны служить защите адресата от навязанной неопределенности, а не средством затягивания исполнения или уклонения от последствий правомерной сделки.

Все изложенное свидетельствует о многогранности проблем, связанных с односторонними волеизъявлениями. Не претендуя на полный охват темы и безупречность выводов, автор надеется, что его предложения способны внести вклад в развитие казахстанской цивилистики и гражданского законодательства. Автор намерен продолжить исследования в данном направлении и открыт для конструктивного сотрудничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ИНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Республика Казахстан

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г.
2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I.
3. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. No 6- I « Об авторском праве и смежных правах».
4. Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 г. No 415-II «Об акционерных обществах».
5. Закон Республики Казахстан от 16 января 2026 г. No 258-VIII «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан». 6. Закон

Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. No 230-VIII «Об искусственном интеллекте».
7. Закон Республики Казахстан от 27 февраля 2017 г. No 49-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского, банковского законодательства и улучшения условий для предпринимательской деятельности».
8. Закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 г. No 155-I «О нотариате». 9. Закон Республики Казахстан от 22 апреля 1998 г. No 220-I «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью».
10. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. No 518-IV «О браке (супружестве) и семье».
11. Объявление Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан о проведении конкурса на программно-целевое финансирование по научным и (или) научно-техническим программам на 2026-2028 годы от 4 февраля 2026 г.
12. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. No 427.
13. Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева народу Казахстана «Актуальные задачи Казахстана в новом историческом цикле» от 28 октября 2026 г.
14. Рекомендации по удостоверению согласий, утвержденные решением правления Республиканской нотариальной палаты от 21 августа 2019 г. <http://notariat.kz/images/stories/mr/soglasie2019.pdf> accessed 3 October 2026.
15. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. No 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года».

Зарубежные страны
16. Azərbaycan Respublikasının Mülki Məcəlləsi (Гражданский кодекс Азербайджанской Республики) от 28 декабря 1999 г.
17. Bürgerliches Gesetzbuch (Германия).
18. Burgerlijk Wetboek (Нидерланды).
19. Code civil (Франция).
20. Codice civile (Италия).
21. Law of Property Act 1925 (Великобритания).
22. Schweizerisches Zivilgesetzbuch (Швейцария).
23. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть I) от 8 мая 1996 г. No 15.
24. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. No 218-З.
25. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть первая) от 21 декабря 1995 г.
26. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ.
27. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. (введен в действие постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г.).
28. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. No 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Российская Федерация).
29. Гражданское уложение: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения, кн 1: Положения общие (СПб 1905).
30. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. No 435-IV (Відомості Верховної Ради України, 2003, No 40-44, ст. 356).
31. Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական օրենսգիրք (Гражданский кодекс Республики Армения) от 5 мая 1998 г.

Международные документы
32. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (adopted 11 April 1980, entered into force 1 January 1988) 1489 UNTS 3.
33. UNIDROIT, UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016 (UNIDROIT 2016).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Республика Казахстан
34. БЮА Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 г. No 2 «О некоторых вопросах применения законодательства о товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью».
35. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2009 г. No 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» (утратило силу с 1 июля 2026 г.).
36. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 г. No 8 «О применении законодательства об акционерных обществах».
37. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. No 6 «О некоторых вопросах недействительности сделок и применении судами последствий их недействительности».
38. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 мая 2026 г. No 4 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании».
39. Альчуразов БМ v Альчуразова АМ, частный нотариус Султанова ГС (Кассационный суд по гражданским делам, 25 июня 2026 г., No 6003-26-00-2к/412).
40. АО «Банк ЦентрКредит» v Комнатный АЮ и Комнатная ВЮ (Судебная коллегия по гражданским делам Жамбылского областного суда, 25 июня 2025 г., No 3199-25-00-2а/202).
41. АО «Казахтелеком» v ИП «BAISEKEN» (Специализированный межрайонный экономический суд г. Астаны, 2 марта 2021 г., No 7119-21-00-2/2107).
42. АО «Национальная компания «Қазақстан Темір Жолы» v ТОО «Промстрой» (Апелляционная судебная коллегия суда города Астаны, 22 января 2015 г., No 2А-106/2015).
43. АО «Станция Экибастузская ГРЭС-2» v ТОО «Транс Азия нефть» (Специализированный межрайонный экономический суд Павлодарской области, 25 мая 2009 г., No 2-1370/2009).
44. Долгова ТВ v Пономарева ИВ, Цой АР (Кассационная судебная коллегия Акмолинского областного суда, 15 сентября 2011 г., No 2К-424/2011).
45. Жаркешев ЕЕ v ДБ АО «HSBC Банк Казахстан» (Медеуский районный суд г. Алматы, 15 сентября 2011 г., No 2-4988/2011).

46. Ибрагимов ФВ v частный судебный исполнитель Аханов СА (Суд No 2 г. Актау, 25 июня 2020 г., No 4711-20-00-2/2320).
47. Им ДЮ и др. v Им ГВ (Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Казахстан, 12 апреля 2017 г., No 6001-17-00-3ГП/ 161).
48. ИП Жиенбаева ГА v ГКП на ПХВ «Теректі мал жәрдемі» акимата Теректинского района ЗКО (Специализированный межрайонный экономический суд Западно-Казахстанской области, 20 декабря 2017 г., No 2713-17-00-2/3305).
49. Қалихайдар АБ v Аленов ЕС и др. (Апелляционная судебная коллегия суда города Астаны, 14 февраля 2013 г., No 2А-649/2013).
50. Кульбаев БР v Токкожин ЕМ и др. (Медеуский районный суд города Алматы, 17 мая 2021 г., No 7517-20-00-2/16997).
51. Кушекбаева РМ v нотариус г. Алматы (Бостандыкский районный суд г. Алматы, 16 января 2018 г., No 7514-17-00-2/17407).
52. Махметова РБ v ТОО «Корпорация ЗУМРАД» (Апелляционная судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 19 февраля 2018 г., No 7599-17-00-2a/ 9787).
53. Новоселова-Мацковяк ВВ v АО «Альянс Банк» (Апелляционная судебная коллегия Костанайского областного суда, 21 декабря 2011 г., No 2а-2105/2011).
54. Нұртай Е v ТОО «Галаз и Компания» (Кызылординский городской суд, 14 июля 2021 г., No 4319-21-00-2/1988).
55. ТОО «Asia Prom Resources» v [ответчик] (Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 7 апреля 2021 г., No 7599-21-00-2a/ 3216).
56. ТОО «LLP ROYAL» v ТОО «Казахстанско-французское совместное предприятие "Катко“» (Апелляционная судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 4 апреля 2018 г., No 7599-18-00-2a/1174).
57. ТОО «Аулет» v [ответчик] и др. (Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 28 сентября 2020 г., No 7599-20-00-2a/ 6571).
58. ТОО «Байсын-А» v ГУ «Отдел строительства города Павлодара» (Судебная коллегия по гражданским делам Павлодарского областного суда, 15 июня 2022 г., No 5599-22-00-2a/672).
59. ТОО «СП Гермес LTD» v ТОО «Казахойл Актобе» (Судебная коллегия по гражданским делам Актюбинского областного суда, 25 октября 2016 г., No 1599-16-00-2a/1366).
60. ТОО «Шет-энерго» v ТОО «Электржабдықтау» (Судебная коллегия по гражданским делам Карагандинского областного суда, 24 января 2024 г., No 3599-23-00-2a/2919).
61. Усеров АГ v ТОО «Холдинговая компания «КазТурбоРемонт» и др. (Судебная коллегия по гражданским делам суда города Астаны, 9 июня 2026 г., No 7199-26-00-2a/3568).
62. Халметов СБ v ТОО «RG Brands Kazakhstan» (Районный суд No 2 Алмалинского района г. Алматы, 10 июня 2026 г., No 7520-26-00-2/10369).
63. [истец] v [ответчик] (Западно-Казахстанский областной суд, 26 апреля 2023 г., No 2799-23-00-2a/318) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/28317bbc-0b44-4961-ab32-4e79f50ca640> accessed 11 November 2026.
64. [истец] v [ответчик] (Суд города Шымкента, 25 декабря 2024 г., No 5299-24-00-2a/2689) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/476f7da7-1759-40dc-a6b5-16225339ef72> accessed 11 November 2026.
65. [истец] v [ответчик] (Костанайский областной суд, 23 октября 2024 г., No 3999-24-00-2a/1677) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/3e5fec57-1085-4b1d-ba92-d00ec5f024cb> accessed 11 November 2026.
66. [истец] v АО «Казкоммерцбанк» и др. (Бостандыкский районный суд города Алматы, 7 декабря 2017 г., No 7514-17-00-2/10296).
67. [истец] v АОЗТ «Транспорт» (Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 19 сентября 2018 г., No 7599-18-00-2a/6097).
68. [истец] v нотариус города Астаны Сагинбаева ББ, АО «Инвестиционный фонд Казахстана» (Судебная коллегия по гражданским делам суда города Астаны, 1 февраля 2023 г., No 7199-23-00-2a/59).
69. [истец] v ТОО «Албастройдор» и др. (Специализированный межрайонный экономический суд Карагандинской области, 3 июля 2019 г., No 3514-19-00-2/3534).
70. [истцы] v Акимат города Атырау (Атырауский городской суд, 29 сентября 2021 г., No 2310-21-00-2/3493).
71. [истцы] v АО «AsiaCreditBank» и др. (Судебная коллегия по гражданским делам Павлодарского областного суда, 6 сентября 2016 г., No 5599-16-00-2a/1426).

Российская Федерация
72. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 марта 2012 г. No 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий».
73. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. No 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
74. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. No 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».
75. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. No 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств».
76. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. No 306-ЭС19-24912 (ООО «Яна Тормыш»).
77. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2023 г. No 305-ЭС23-13487.
78. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2024 г. No 305-ЭС23-25116.

Нидерланды
79. HR 14 juni 2013, ECLI:NL:HR:2013:BZ4104, NJ 2013/391 (Centavos/Stichting Nieuwenhuis).

ЛИТЕРАТУРА

На русском и других языках, использующих кириллицу

80. Басин ЮГ, Сделки: учебное пособие (2nd edn, Әділет-Пресс 1999) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012151> accessed 11 November 2026.
81. Бевзенко РС, 'Залог из завещания' (2020) 20(4) Вестник гражданского права 220.
82. Братусь ДА, 'Прекращение обязательства' (Параграф, 16 ноября 1998) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33227793> accessed 11 November 2026.
83. Диденко АГ, 'Приобретение наследства (О принятии и приобретении наследства)' (Параграф, 2 июня 2006) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30057145> accessed 11 November 2026.
84. Диденко АГ, 'Толкование завещания' (Параграф, 16 ноября 2006) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30077044> accessed 11 November 2026.
85. Карагаев Р, 'О некоторых вопросах совершенствования законодательства, связанного с признанием недействительными решений общих собраний' (Параграф, 8 июля 2020) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37947246> accessed 11 November 2026.
86. Климкин СИ, 'Оспаривание решений органов товарищества с ограниченной ответственностью' (Параграф, 14 января 2019) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36341733> accessed 11 November 2026.
87. Скрябин СВ, 'Дарение по доверенности: отдельные вопросы толкования и применения гражданского законодательства' (Параграф, 26 мая 2021) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39668496> accessed 11 November 2026.
88. Сулейменов МК (ed), Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): комментарий (постатейный), кн 1: Статьи 1-114 (4th edn, Зангер 2020).
89. Сулейменов МК и Басин ЮГ (eds), Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): комментарий (постатейный), кн 1: Статьи 1-187 (2nd edn, Жеті Жарғы 2003).
90. Сулейменов МК (ed), Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): комментарий (постатейный), кн 2: Статьи 115-187 (4th edn, 2022).
91. Бергманн В (comp), Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению (Яковлева ТФ scientific ed, 4th edn, Инфотропик Медиа 2015).
92. Абраменков МС, 'Институт условных завещаний в наследственном праве зарубежных государств' in Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия части III Гражданского кодекса Российской Федерации) (2022).
93. Агарков ММ, 'Понятие сделки по советскому гражданскому праву' (1946) 3-4 Советское государство и право 41.
94. Акужинов А, 'Сделки, требующие и не требующие восприятия: теоретические и практические основания классификации' (2020) 6 Цивилистика 124.
95. Бабаджанян ЕЛ, 'Устойчивость правового эффекта одностороннего волеизъявления «mortis causa» под условием' (2025) 2(107) Право и государство 68 https://doi.org/10.51634/2307-5201_2025_2_68.
96. Бабаджанян ЕЛ, Ахмади МА и Мальков РМ, 'Презумпция диспозитивности норм о договорах в Гражданском кодексе Республики Казахстан: опыт сплошной оценки и законодательное предложение' (2026) 3(112) Право и государство 49 https://doi.org/10.51634/2307-5201_2026_3_49.
97. Варул ПА и Халлик ЛЯ, 'Волеизъявление и сделка' in Варул ПА (ed), Сборник статей к 55-летию Е.А. Крашенинникова (ЯрГУ 2006) 7.
98. Витрянский ВВ, Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги (2nd edn, Статут 2018).
99. Гемпшир С и Харт ГЛА, 'Решение, намерение и достоверность' in Харт ГЛА, Философия и язык права (Канон+ РООИ «Реабилитация» 2017) 215.
100. Годэмэ Е, Общая теория обязательств (Книга по Требованию 2021).
101. Тримм ДД, Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: пролегомены к общей теории гражданского права, т 1 (Типография ММ Стасюлевича 1900).
102. Диденко АГ (ed), Гражданское право. Общая часть: курс лекций (Нур-Пресс 2006).
103. Евстигнеев ЭА, 'Правовая природа юридически значимых сообщений' (2012) 12(5) Вестник гражданского права 37.
104. Егоров АВ, 'Верховный суд разъяснил понятие сделки. Наступила ли ясность?' (2015) 12 Арбитражная практика для юриста 28 <http://e.arbitrpraktika.ru/article.aspx?aid=432801> accessed 20 February 2024.
105. Егоров АВ, 'Распорядительные сделки: выйти из сумрака' (2019) 19(6) Вестник гражданского права 51.
106. Ешниязов НС, Комментарий к нормам законодательства Республики Казахстан в области международного частного права (по состоянию на 8 августа 2022 г.): практическое и учебное пособие (Smart University Press 2023).
107. Калдыбаев А и Асаинова Л, 'Принудительный выкуп доли участника ТОО' (Параграф, 24 февраля 2020) <https://prg.kz/document/?doc_id=36404913> accessed 10 October 2026.
108. Калдыбаев А, 'Исключение участника из ТОО (принудительный выкуп доли участника ТОО)' (Параграф, 13 сентября 2024) <https://prg.kz/document/?doc_id=34029855> accessed 10 October 2026.
109. Калдыбаев АК, 'Являются ли акты выполненных работ, оказанных услуг сделками и можно ли их признать действительными или недействительными? Анализ через призму обязательственных и распорядительных сделок' (Параграф, 2 октября 2025) <https://prg.kz/document/?doc_id=38548646> accessed 10 October 2026.
110. Карапетов АГ (ed), Договорное право (Общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] (М-Логос 2020).
111. Карапетов АГ (ed), Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] (М-Логос 2022).
112. Карапетов АГ (ed), Недействительность сделки: комментарий к статьям 166-181 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] (М-Логос 2025).
113. Карапетов АГ (ed), Общие положения о сделке: комментарий к статьям 153-165.1, 181.1-181.5 и 190-194 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] (М-Логос 2025).
114. Карапетов АГ (ed), Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] (М-Логос 2018).
115. Крашенинников ЕА и Байгушева ЮВ, 'Односторонние и многосторонние сделки' (2012) 7 Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 30.
116. Кротов МВ, 'Сделки' in Сергеев АП и Толстой ЮК (eds), Гражданское право: учебник, ч 1 (2nd edn, Проспект 1997).

117. Мамбетов ДР, 'О сделкоподобных действиях (часть 1)' (2023) 12 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 46 <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-12-46-64>.
118. Мамбетов ДР, 'О сделкоподобных действиях (часть 2)' (2024) 1 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 96.
119. Новак ДВ, 'Решение собрания как вид сделки' in Суханов ЕА (ed), Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского (Статут 2021) 183.
120. Новиков КА, 'О каузе в сделках и в обязательствах' (2002) 6(245) Известия высших учебных заведений. Правоведение 81.
121. Новицкий ИБ, Избранные труды по гражданскому праву, т 1 (Статут 2006).
122. Нуркова ВВ и Березанская НБ, Психология: учебник (Юрайт-Издат 2004).
123. Оглезнев ВВ и Суровцев ВА, Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты (Канон+ РООИ «Реабилитация» 2023).
124. Оглезнев ВВ, Суровцев ВА и Дидикин АБ, Аналитическая философия права: теория лингвистического значения, Л. Витгенштейн и границы права (Канон+ РООИ «Реабилитация» 2023).
125. Ойгензихт ВА, Воля и волеизъявление: очерки теории, философии и психологии права (Раджабов СА ed, Дониш 1983).
126. Павлов НА, 'Применение общих правил о сделках и их недействительности к решениям собраний: обзор практики' (2024) 5 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 190.
127. Панов АА, 'К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки' (2011) 1 Вестник гражданского права 52.
128. Поваров ЮС, 'Сущность и юридическое значение оферты (критический анализ доктринальных подходов)' (2014) 4(25) Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция 123.
129. Поваров ЮС, 'Юридически значимое сообщение и сделка: анализ концептуальных подходов к соотношению' (2020) 7 Журнал российского права 65 https://doi.org/10.12737/jrl.2020.081.
130. Покровский ИА, Основные проблемы гражданского права (Статут 1998).
131. Покровский ИА, Избранные труды (Статут 2022).
132. Политова ИП, Воля и волеизъявление: монография (Проспект 2015) <https://clck.ru/34WE5y> accessed 24 May 2023.
133. Полуяхтов ИЯ, 'К вопросу о делении сделок на абстрактные и каузальные' (2007) 3 Цивилистическая практика 15.
134. Резанов НВ, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (2022) 9 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 122.
135. Резанов НВ, 'Односторонние сделки: классификации, свобода совершения, возможность включения условий' (2022) 10 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 155.
136. Ровнягина НМ, 'Категория каузы гражданского договора в европейском континентальном праве' in Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (2017) <http://dspace.kgsu.ru/xmlui> accessed 25 May 2023.
137. Савиньи ФК фон, Система современного римского права, т 2 (Жигулин Г tr, Кутателадзе О и Зубарь В eds, Центр исследования права им. Савиньи 2012).
138. Сулейменов МК и Басин ЮГ (eds), Гражданское право: академический курс, т 1 (КазГЮА 2000).
139. Сулейменов МК, 'Возникновение права на долю в хозяйственном товариществе у приобретателя доли' (Параграф, 14 декабря 2018) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38085240> accessed 11 November 2026.
140. Сулейменов МК, 'Применение и толкование норм гражданского законодательства и договора: проблемы теории и практики' (Параграф, 22 июля 2020) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34551164> accessed 11 November 2026.
141. Сулейменов МК, 'Юридические факты в гражданском праве: проблемы теории и практики' (Параграф, 2015) <https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=33796397> accessed 11 November 2026.
142. Суханов ЕА, 'О видах сделок в германском и в российском гражданском праве' (2006) 2 Вестник гражданского права 5.
143. Суханов ЕА (ed), Гражданское право: учебник, т 1 (2nd edn, Статут 2019).
144. Татаркина КП, Форма сделок в гражданском праве России (Издательство ТУСУРа 2012).
145. Титов ЕВ, 'История становления и развития представлений о юридических поступках' (2014) 2 Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права).
146. Томсинова АВ, 'Понятие «Willenserklärung» (волеизъявление) в Германском гражданском уложении 1900 г.' (2012) 5 Вестник Московского университета. Серия 11. Право 69.
147. Томсинова АВ, 'Понятие сделки в Германском гражданском уложении 1900 г.' (2015) 2 Вестник Московского университета. Серия 11. Право 106.
148. Труханов КИ, 'Правовая природа решений собраний' in Егоров АВ (ed), Сделки, представительство, исковая давность: сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (ИЦЧП им. С.С. Алексеева 2017) 36.
149. Уруков ВН, Теория воли и волеизъявления в гражданском праве: монография (Юстицинформ 2019).
150. Хвостов ВМ, Система римского права: конспект лекций, ч 1: Общая часть (Вормс АЭ ed, 4th edn, Типография Вильде 1908).
151. Холоденко ЮВ, 'Недействительность сделок с пороками воли' (автореф дис канд юрид наук, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации 2008).
152. Чантурия ЛЛ, 'Сделка и волеизъявление в гражданском праве' (2006) 3 Юрист <https://journal.zakon.kz/203825-sdelka-i-voleizjavlenie-v-grazhdanskom.html> accessed 24 May 2023.
153. Чупрунов ИС, 'Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве: комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 No 306-ЭС19-24912' (2020) 8 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 25.
154. Шайкенов НА, Правовое обеспечение интересов личности (Издательство Уральского университета 1990).
155. Шаляев Д, 'Сделкоподобные действия в системе юридических фактов' (2022) 5 Цивилистика 182.

На иностранных языках
156. Beale H (ed), Chitty on Contracts, vol 1: General Principles (32nd edn, Sweet & Maxwell 2015).
157. Bercovitz Rodríguez-Cano R (dir), Comentarios al Código Civil, vol 6 (Tirant lo Blanch 2013).
158. Burrows A (ed), Principles of the English Law of Obligations (OUP 2015).

159. Erman. Bürgerliches Gesetzbuch. Handkommentar (17th edn, Otto Schmidt 2023).
160. Harpum C, Bridge S and Dixon M, Megarry & Wade: The Law of Real Property (8th edn, Sweet & Maxwell 2012).
161. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Eckpfeiler des Zivilrechts (Neubearbeitung 2008).
162. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Vorbemerkungen zu §§ 116-124 (Singer R, Neubearbeitung 2021).
163. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 134-138; ProstG (Fischinger PS, Neubearbeitung, Otto Schmidt/De Gruyter 2024).
164. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 145-185 (Bork R, Neubearbeitung, Otto Schmidt/De Gruyter 2025).
165. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 241-254 (Looschelders D and Olzen D, Neubearbeitung, Otto Schmidt/De Gruyter 2024).
166. Kletečka A, Koziol-Welser: Grundriss des bürgerlichen Rechts, vol 1 (14th edn, Manz 2014).
167. Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 3. Vermogensrecht algemeen. Deel V. Gemeenschap (5th edn, Wolters Kluwer 2023).
168. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch, vol 1: Allgemeiner Teil §§ 1-240 (10th edn, C.H. Beck 2025).
169. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 311-312 (10th edn, C.H. Beck 2025).
170. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 387-397 (10th edn, C.H. Beck 2025).
171. Abylaiuly A and others, 'Kazakhstan' in Vanhees H (ed), IEL Intellectual Property (Kluwer Law International 2026) <https://kluwerlawonline.com/EncyclopediaChapter/IEL+Intellectual+Property/IPRO20260001> accessed 1 October 2026.
172. Alpa G, Manuale di diritto privato (11th edn, Wolters Kluwer 2020).
173. Babadzhanyan YeL, 'The Concept and Correspondence between Internal and External Will (Expressed Will) within Structure of a Civil Transaction' (2025) 30(1) Bulletin of the Karaganda University 'Law Series' 118 https://doi.org/10.31489/2025l1/118-129.
174. Bar C von, Clive E and Schulte-Nölke H (eds), Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) (Full edn, Sellier 2009).
175. Bekker EI, System des heutigen Pandektenrechts, vol 2 (Böhlau 1889) <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb11637244?page=29> accessed 11 November 2026.
176. Bercovitz Rodríguez-Cano R (dir), Tratado de Contratos (4th edn, Tirant lo Blanch 2024).
177. Bocchini F and Quadri E, Diritto privato (9th edn, Giappichelli 2022).
178. Boemke B and Ulrici B, BGB Allgemeiner Teil (Springer 2009).
179. Brox H and Walker W-D, Allgemeiner Teil des BGB (45 th edn, Vahlen 2021).
180. Chantepie G and Latina M, Le nouveau droit des obligations (3rd edn, Dalloz 2023).
181. Fages B, Droit des obligations (9th edn, LGDJ 2019).
182. Fenyves A, Kerschner F and Vonkilch A (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 859-887 (3rd edn, Verlag Österreich 2022).
183. Fenyves A, Kerschner F and Vonkilch A (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 897-916 (3rd edn, Verlag Österreich 2011).
184. Flour J, Aubert J-L and Savaux É, Droit civil. Les obligations, vol 1: L'acte juridique (18th edn, Dalloz 2024).
185. Flour J, Aubert J-L and Savaux É, Droit civil. Les obligations. 3. Le rapport d'obligation (11th edn, Dalloz 2024).
186. BGOA Flume W, Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts, vol 2: Das Rechtsgeschäft (4th edn, Springer 1992).
187. Gauch P, Schluep WR and Emmenegger S, Schweizerisches Obligationenrecht: Allgemeiner Teil, vol 2 (11 th edn, Schulthess 2020).
188. Gauch P, Schluep WR and Schmid J, Schweizerisches Obligationenrecht: Allgemeiner Teil, vol 1 (11th edn, Schulthess 2020).
189. Hijma J, Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 7. Bijzondere overeenkomsten. Deel I. Koop en ruil (Wolters Kluwer 2024).
190. Hijma J and others, Rechtshandeling en overeenkomst (Studiereeks Burgerlijk Recht 3, 10th edn, Wolters Kluwer 2022).
191. Huguenin C, Obligationenrecht. Allgemeiner und Besonderer Teil (3rd edn, Schulthess 2019).
192. Kortmann SCJJ and Kortmann JS, Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 3. Vermogensrecht algemeen. Deel III. Volmacht en vertegenwoordiging (10th edn, Wolters Kluwer 2026).
193. Koziol H, Bydlinski P and Bollenberger R (eds), Kurzkommentar zum ABGB (7th edn, Verlag Österreich 2023).
194. Kroeze MJ, Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 2. Rechtspersonenrecht. Deel I. De rechtspersoon (10th edn, Wolters Kluwer 2021).
195. Kroiß L, Ann C and Mayer J, Anwalt Kommentar BGB. Erbrecht, vol 5 (2nd edn, 2007).
196. Lando O and Beale H (eds), Principles of European Contract Law, Parts I and II (Kluwer Law International 2000).
197. Lorenz K and Wolf M, Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts (9 th edn, C.H. Beck 2004).
198. Leenen D and Häublein M, BGB Allgemeiner Teil (3 rd edn, De Gruyter 2021).
199. Lützenkirchen K (ed), Mietrecht: Kommentar (3rd edn, Otto Schmidt 2021).
200. Malaurie P, Aynès L and Stoffel-Munck P, Droit civil. Droit des obligations (11th edn, LGDJ 2020).
201. Medicus D and Lorenz S, Schuldrecht I: Allgemeiner Teil (22nd edn, C.H. Beck 2021).
202. Medicus D and Lorenz S, Schuldrecht II: Besonderer Teil (19th edn, C.H. Beck 2025).
203. Neuner J, Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts (13th edn, C.H. Beck 2023).
204. Savigny FC von, System des heutigen römischen Rechts, vol 3 (Berlin 1840) <https://www.deutschestextarchiv.de/book/view/savigny_system03_1840?p=111> accessed 11 November 2026.
205. Schermaier M, '§§ 116-124' in Schmoeckel M, Rückert J and Zimmermann R (eds), Historisch-kritischer Kommentar zum BGB, vol 1 (Mohr Siebeck 2003).
206. Schickmair M, '§ 861' in Fenyves A, Kerschner F and Vonkilch A (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 859-887 (3rd edn, Verlag Österreich 2022).
207. Schwab J, '§ 241' in Schmidt K and Lutter M (eds), Aktiengesetz: Kommentar (4th edn, Otto Schmidt 2020).
208. Schwenzer I and Fountoulakis C, Schweizerisches Obligationenrecht: Allgemeiner Teil (8th edn, Stämpfli 2020).
209. Sieburgh CH, Asser 6-II: De verbintenis in het algemeen, tweede gedeelte (Wolters Kluwer 2025).
210. Sieburgh CH, Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 6. Verbintenissenrecht. Deel III. Algemeen overeenkomstenrecht (16th edn, Wolters Kluwer 2022).
211. Spierings C, De eenzijdige rechtshandeling (Serie Onderneming en Recht, deel 89, Wolters Kluwer 2016).
212. Spindler G, '§ 119' in Schmidt K and Lutter M (eds), Aktiengesetz: Kommentar (4th edn, Otto Schmidt 2020).

213. Stadler A, Allgemeiner Teil des BGB (20th edn, C.H. Beck 2020).
214. Terré F, Simler P, Lequette Y and Chénedé F, Droit civil. Les obligations (13th edn, Dalloz 2022).
215. Thibaut AFJ, System des Pandekten-Rechts, vol 1 (5th edn, Mauke 1818) <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb11703187?page=125> accessed 11 November 2026.
216. Torrente A and Schlesinger P, Manuale di diritto privato (Anelli F and Granelli C eds, 24th edn, Giuffrè Francis Lefebvre 2019).
217. Vering FH, Geschichte und Institutionen des römischen Privatrechtes (Mainz 1870) <https://books.google.com/books?id=5IYDAAAAQAAJ&pg=PA137> accessed 11 November 2026.
218. Vogenauer S (ed), Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) (2nd edn, OUP 2015).
219. Windscheid B, Lehrbuch des Pandektenrechts, vol 1 (Buddeus 1862) <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10623992?page=165> accessed 11 November 2026.
220. Zaibert L and Smith B, 'The Varieties of Normativity: An Essay on Social Ontology' in Tsohatzidis SL (ed), Intentional Acts and Institutional Facts: Essays on John Searle's Social Ontology (Springer 2007) 157.

Работы, известные автору по вторичным источникам (в сносках отмечены «цит. по»)

221. Алексеев СС, 'Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования' in Алексеев СС, Собрание сочинений в 10 т., т 1 (2010) (цит. по: Резанов НВ, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)').
222. Архипов БН, 'Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества' (2002) 3 Законодательство 46 (цит. по: Новак ДВ, 'Решение собрания как вид сделки').
223. Белов ВА, Гражданское право: Общая часть, т II: Лица, блага, факты (Юрайт 2011) (цит. по: Новак ДВ, 'Решение собрания как вид сделки').
224. Вилкин СС, 'Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица' (дис канд юрид наук, 2009) (цит. по: Новак ДВ, 'Решение собрания как вид сделки').
225. Вилкин СС, 'О нормативной теории решения органа юридического лица' (2008) 8(2) Вестник гражданского права 43 (цит. по: Новак ДВ, 'Решение собрания как вид сделки').
226. Громов АА и Егоров АВ, Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ: самые значимые поправки (Актион-Медиа 2014) (цит. по: Новак ДВ, 'Решение собрания как вид сделки').
227. Иоффе ОС, Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» (Статут 2009) (цит. по: Титов ЕВ, 'История становления и развития представлений о юридических поступках' (2014) 2 Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)).
228. Ломакин ДВ, Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства (Статут 2005) (цит. по: Новак ДВ, 'Решение собрания как вид сделки').
229. Манигк А, 'Развитие и критика учения о волеизъявлении' (2008) 4 Вестник гражданского права 192 (цит. по: Резанов НВ, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)').
230. Третьяков СВ, Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике (2022) (цит. по: Резанов НВ, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)').
231. Цепов ГВ, Акционерные общества: теория и практика (Проспект 2007) (цит. по: Новак ДВ, 'Решение собрания как вид сделки').
232. Черепахин ББ, 'Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву' in Черепахин ББ, Труды по гражданскому праву (2001) (цит. по: Резанов НВ, 'Односторонние сделки: классификации, свобода совершения, возможность включения условий').
233. Эннекцерус Л, Курс германского гражданского права (Издательство иностранной литературы 1950) (цит. по: Акужинов А, 'Сделки, требующие и не требующие восприятия').
234. Crome C, System des deutschen bürgerlichen Rechts, vol 1 (Tübingen 1900) (цит. по: Томсинова АВ, 'Понятие «Willenserklärung» (волеизъявление) в Германском гражданском уложении 1900 г.').
235. Hattenhauer C, Einseitige private Rechtsgestaltung (Mohr Siebeck 2011) (цит. по: Резанов НВ, 'Односторонние сделки: классификации, свобода совершения, возможность включения условий').
236. Heise GA, Grundriss eines Systems des gemeinen Civilrechts zum Behuf von Pandecten- Vorlesungen (3 rd edn, Heidelberg 1819) (цит. по: Томсинова АВ, 'Понятие «Willenserklärung» (волеизъявление) в Германском гражданском уложении 1900 г.').
237. Hüffer U, Aktiengesetz (C.H. Beck 1993) (цит. по: Крашенинников ЕА и Байгушева ЮВ, 'Односторонние и многосторонние сделки').
238. Schapp J, Grundfragen der Rechtsgeschäftslehre (Tübingen 1986) (цит. по: Томсинова АВ, 'Понятие «Willenserklärung» (волеизъявление) в Германском гражданском уложении 1900 г.').
239. Tuhr A von, Der allgemeine Teil des deutschen bürgerlichen Rechts, Bd 2, Hälfte 1 (1914) (цит. по: Крашенинников ЕА и Байгушева ЮВ, 'Односторонние и многосторонние сделки').

----------FOOTNOTES----------

1. Послание Президента Республики Казахстан К-Ж Токаева народу Казахстана «Актуальные задачи Казахстана в новом историческом цикле» (28 октября 2026 г.) <https://akorda.kz/ru/poslanie-prezidenta-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-aktualnye-zadachi-kazahstana-v-novom-istoricheskom-cikle-2894356> accessed 8 November 2026.
2. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. No 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года», разд 4, п. 4.5 Концепции.
3. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 147.
4. [истцы] v Акимат города Атырау (Атырауский городской суд, 29 сентября 2021 г., No 2310-21-00-2/3493) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/92f4d90f-6d85-441b-9f47-fb3d04b0b89a> accessed 10 October 2026 (нотариус отказал наследникам, проживавшим в доме наследодателя, в принятии отказа от наследства, сочтя, что они фактически приняли наследство; суд, отказывая в продлении срока для отказа от наследства, указал, что проживание по адресу наследодателя «свидетельствует, что они фактически вступили во владение, поэтому считаются принявшими наследство»).
5. АО «Банк ЦентрКредит» v Комнатный АЮ и Комнатная ВЮ (Судебная коллегия по гражданским делам Жамбылского областного суда, 25 июня 2025 г., No 3199-25-00-2a/202) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/3aa94097-20bc-49f9-aa33-db203c633809> accessed 10 October 2026 (взыскание обращено на заложенный дом, поскольку наследник получил пенсионные накопления отца и «проживает в спорном доме,

фактически приняв наследство»; в иске к наследнице, которая в доме не проживала и от наследства отказалась, отказано).
6. Долгова ТВ v Пономарева ИВ, Цой АР (Кассационная судебная коллегия Акмолинского областного суда, 15 сентября 2011 г., No 2К-424/2011) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/b33e3722-ebaa-4645-bc60-ec28ca43996c> accessed 3 October 2026.
7. Кушекбаева РМ v нотариус г. Алматы (Бостандыкский районный суд г. Алматы, 16 января 2018 г., No 7514-17-00-2/17407) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/b1e83be9-e8ed-4ad5-9b78-7d41a77b3e85> accessed 10 October 2026 (суд проверил лишь соблюдение нотариусом порядка совершения нотариального действия и доводы о пороках воли, оставив без оценки довод о возможности отзыва согласия по аналогии с отменой доверенности по п. 2 ст. 170 ГК РК); Рекомендации по удостоверению согласий, утвержденные решением правления Республиканской нотариальной палаты от 21 августа 2019 г., п. 7 <http://notariat.kz/images/stories/mr/soglasie2019.pdf> accessed 10 October 2026 («отмена согласия возможна только в судебном порядке, поскольку иной порядок законодательством не предусмотрен»).
8. Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, «Объявление о проведении конкурса на программно-целевое финансирование по научным и (или) научно-техническим программам на 2026-2028 годы» (НЦГНТЭ, 4 февраля 2026 г.) <https://www.ncste.kz/ru/pczf-2026-2028> accessed 8 October 2026.
9. АВ Томсинова, 'Понятие «Willenserklärung» (волеизъявление) в Германском гражданском уложении 1900 г.' (2012) 5 Вестник Московского университета. Серия 11. Право 69; АВ Томсинова, 'Понятие сделки в Германском гражданском уложении 1900 г.' (2015) 2 Вестник Московского университета. Серия 11. Право 106.
10. НВ Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (2022) 9 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 122.
11. M Schermaier, '§§ 116-124' in M Schmoeckel, J Rückert and R Zimmermann (eds), Historisch-kritischer Kommentar zum BGB, vol 1 (Mohr Siebeck 2003).
12. GA Heise, Grundriss eines Systems des gemeinen Civilrechts zum Behuf von Pandecten-Vorlesungen (3rd edn, Heidelberg 1819) (цит. по: Томсинова, 'Понятие «Willenserklärung»...' (n 9) 71).
13. AFJ Thibaut, System des Pandekten-Rechts, vol 1 (5th edn, Mauke 1818) <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb11703187?page=125> accessed 11 November 2026.
14. FC von Savigny, System des heutigen römischen Rechts, vol 3 (Berlin 1840) <https://www.deutschestextarchiv.de/book/view/savigny_system03_1840?p=111> accessed 11 November 2026; ФК фон Савиньи, Система современного римского права, т 2 (Г Жигулин tr, О Кутателадзе и В Зубарь eds, Центр исследования права им. Савиньи 2012).
15. B Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts, vol 1 (Buddeus 1862) <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10623992?page=165> accessed 11 November 2026.
16. EI Bekker, System des heutigen Pandektenrechts, vol 2 (Böhlau 1889) <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb11637244?page=29> accessed 11 November 2026.
17. C Crome, System des deutschen bürgerlichen Rechts, vol 1 (Tübingen 1900) 321 (цит. по: Томсинова, 'Понятие «Willenserklärung»...' (n 9) 74).
18. ИА Покровский, Избранные труды (Статут 2022).
19. ВМ Хвостов, Система римского права: конспект лекций, ч 1: Общая часть (АЭ Вормс ed, 4th edn, Типография Вильде 1908) <https://www.prlib.ru/item/725030> accessed 10 October 2026.
20. ДД Гримм, Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: пролегомены к общей теории гражданского права, т 1 (Типография ММ Стасюлевича 1900).
21. ММ Агарков, 'Понятие сделки по советскому гражданскому праву' (1946) 3-4 Советское государство и право 41.
22. BUA W Flume, Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts, vol 2: Das Rechtsgeschäft (4th edn, Springer 1992).
23. K Larenz and M Wolf, Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts (9th edn, C.H. Beck 2004).
24. J Neuner, Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts (13th edn, C.H. Beck 2023).
25. A Stadler, Allgemeiner Teil des BGB (20th edn, C.H. Beck 2020).
26. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in АГ Карапетов (ed), Общие положения о сделке: комментарий к статьям 153-165.1, 181.1-181.5 и 190-194 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] (М-Логос 2025) 47-48.
27. АВ Егоров, 'Верховный суд разъяснил понятие сделки. Наступила ли ясность?' (2015) 12 Арбитражная практика для юриста 28 <http://e.arbitrpraktika.ru/article.aspx?aid=432801> accessed 20 February 2024.
28. ВА Ойгензихт, Воля и волеизъявление: очерки теории, философии и психологии права (СА Раджабов ed, Дониш 1983).
29. ВВ Оглезнев и ВА Суровцев, Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты (Канон+ РООИ «Реабилитация» 2023).
30. ВВ Оглезнев, ВА Суровцев и АБ Дидикин, Аналитическая философия права: теория лингвистического значения, Л. Витгенштейн и границы права (Канон+ РООИ «Реабилитация» 2023).
31. С Гемпшир и ГЛА Харт, 'Решение, намерение и достоверность' in ГЛА Харт, Философия и язык права (Канон+ РООИ «Реабилитация» 2017) 215.
32. L Zaibert and B Smith, 'The Varieties of Normativity: An Essay on Social Ontology' in SL Tsohatzidis (ed), Intentional Acts and Institutional Facts: Essays on John Searle's Social Ontology (Springer 2007) 157.
33. АА Панов, 'К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки' (2011) 1 Вестник гражданского права 52.
34. ЛЛ Чантурия, 'Сделка и волеизъявление в гражданском праве' (2006) 3 Юрист <https://journal.zakon.kz/203825-sdelka-i-voleizjavlenie-v-grazhdanskom.html> accessed 24 May 2023.
35. ИП Политова, Воля и волеизъявление: монография (Проспект 2015).
36. ВН Уруков, Теория воли и волеизъявления в гражданском праве: монография (Юстицинформ 2019).
37. МВ Кротов, 'Сделки' in АП Сергеев и ЮК Толстой (eds), Гражданское право: учебник, ч 1 (2nd edn, Проспект 1997) 217-218.
38. ЮВ Холоденко, 'Недействительность сделок с пороками воли' (автореф дис канд юрид наук, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации 2008) 4.
39. Stadler (n 25) § 17 Rn 6.
40. КА Новиков, 'О каузе в сделках и в обязательствах' (2002) 6(245) Известия высших учебных заведений. Правоведение 81.
41. НМ Ровнягина, 'Категория каузы гражданского договора в европейском континентальном праве' in Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (2017) <http://dspace.kgsu.ru/xmlui> accessed 25 May 2023.

42. ИЯ Полуяхтов, 'К вопросу о делении сделок на абстрактные и каузальные' (2007) 3 Цивилистическая практика 15.
43. Flume (n 22) § 4, 6, 54-55.
44. Larenz and Wolf (n 23) § 24 Rn 29-30, 442-443.
45. ПА Варул и ЛЯ Халлик, 'Волеизъявление и сделка' in ПА Варул (ed), Сборник статей к 55-летию Е.А. Крашенинникова (ЯрГУ 2006) 7.
46. СС Алексеев, 'Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования' in СС Алексеев, Собрание сочинений в 10 т., т 1 (2010) 466 (цит. по: Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы...' (n 10) 125).
47. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы...' (n 10); НВ Резанов, 'Односторонние сделки: классификации, свобода совершения, возможность включения условий' (2022) 10 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 155.
48. А Акужинов, 'Сделки, требующие и не требующие восприятия: теоретические и практические основания классификации' (2020) 6 Цивилистика 124.
49. ЕА Крашенинников и ЮВ Байгушева, 'Односторонние и многосторонние сделки' (2012) 7 Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 30.
50. ЕА Суханов, 'О видах сделок в германском и в российском гражданском праве' (2006) 2 Вестник гражданского права 5.
51. АВ Егоров, 'Распорядительные сделки: выйти из сумрака' (2019) 19(6) Вестник гражданского права 51.
52. Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26); АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 123-130.
53. АГ Карапетов (ed), Недействительность сделки: комментарий к статьям 166-181 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] (М-Логос 2025).
54. C Spierings, De eenzijdige rechtshandeling (Serie Onderneming en Recht, deel 89, Wolters Kluwer 2016).
55. ДР Мамбетов, 'О сделкоподобных действиях (часть 1)' (2023) 12 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 46; ДР Мамбетов, 'О сделкоподобных действиях (часть 2)' (2024) 1 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 96.
56. Д Шаляев, 'Сделкоподобные действия в системе юридических фактов' (2022) 5 Цивилистика 182.
57. ЭА Евстигнеев, 'Правовая природа юридически значимых сообщений' (2012) 12(5) Вестник гражданского права 37.
58. ЮС Поваров, 'Юридически значимое сообщение и сделка: анализ концептуальных подходов к соотношению' (2020) 7 Журнал российского права 65; ЮС Поваров, 'Сущность и юридическое значение оферты (критический анализ доктринальных подходов)' (2014) 4(25) Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция 123.
59. О нормативной теории и ее направлениях см.: СС Вилкин, 'О нормативной теории решения органа юридического лица' (2008) 8(2) Вестник гражданского права 43 (цит. по: ДВ Новак, 'Решение собрания как вид сделки' in ЕА Суханов (ed), Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского (Статут 2021) 183).
60. ДВ Ломакин, Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства (Статут 2005) 157-158 (цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59)).
61. ВА Белов, Гражданское право: Общая часть, т II Лица, блага, факты (Юрайт 2011) 781 (цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59)).
62. ИС Чупрунов, 'Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве: комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 No 306-ЭС19-24912' (2020) 8 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 25, 38-39.
63. Крашенинников и Байгушева (n 49) 31, 40-41.
64. АА Громов и АВ Егоров, Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ: самые значимые поправки (Актион-Медиа 2014) 128-130 (цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59)).
65. Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59) 195; ДВ Новак, 'Комментарий к ст. 181.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26); ДВ Новак, 'Комментарий к ст. 181.3 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26); ДВ Новак, 'Комментарий к ст. 181.5 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26).
66. КИ Труханов, 'Правовая природа решений собраний' in АВ Егоров (ed), Сделки, представительство, исковая давность: сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (ИЦЧП им. С.С. Алексеева 2017) 36.
67. НА Павлов, 'Применение общих правил о сделках и их недействительности к решениям собраний: обзор практики' (2024) 3 Вестник экономического правосудия Российской Федерации 190.
68. ДО Тузов, 'Комментарий к ст. 166 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53).
69. АА Павлов, 'Комментарий к ст. 171 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53); АА Павлов, 'Комментарий к ст. 175 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53).
70. АА Новицкая, 'Комментарий к ст. 180 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53).
71. АГ Карапетов и ИС Чупрунов, 'Комментарий к ст. 170 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53).
72. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации...' (n 47).
73. МС Абраменков, 'Институт условных завещаний в наследственном праве зарубежных государств' in Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия части III Гражданского кодекса Российской Федерации) (2022).
74. АА Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 323-325.
75. H Brox and W-D Walker, Allgemeiner Teil des BGB (45th edn, Vahlen 2021); D Leenen and M Häublein, BGB Allgemeiner Teil (3rd edn, De Gruyter 2021); B Boemke and B Ulrici, BGB Allgemeiner Teil (Springer 2009); Erman. Bürgerliches Gesetzbuch. Handkommentar (17th edn, Otto Schmidt 2023); Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch, vol 1: Allgemeiner Teil §§ 1-240 (10th edn, C.H. Beck 2025); J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Vorbemerkungen zu §§ 116-124 (R Singer, Neubearbeitung 2021); см. также: Schermaier (n 11).
76. H Koziol, P Bydlinski and R Bollenberger (eds), Kurzkommentar zum ABGB (7th edn, Verlag Österreich 2023); A Fenyves, F Kerschner and A Vonkilch (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 859-887 (3rd edn, Verlag Österreich 2022).
77. P Gauch, WR Schluep and J Schmid, Schweizerisches Obligationenrecht: Allgemeiner Teil, vol 1 (11th edn, Schulthess 2020); P Gauch, WR Schluep and S Emmenegger, Schweizerisches Obligationenrecht: Allgemeiner Teil, vol 2 (11th edn, Schulthess 2020); C Huguenin, Obligationenrecht. Allgemeiner und Besonderer Teil (3rd edn, Schulthess 2019).
78. CH Sieburgh, Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 6. Verbintenissenrecht. Deel III. Algemeen overeenkomstenrecht (16th edn, Wolters Kluwer 2022); J Hijma and others, Rechtshandeling en overeenkomst (Studiereeks Burgerlijk Recht 3, 10th edn, Wolters Kluwer 2022); SCJJ Kortmann and JS Kortmann, Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 3.

Vermogensrecht algemeen. Deel III. Volmacht en vertegenwoordiging (10th edn, Wolters Kluwer 2026); Spierings (n 54).
79. J Flour, J-L Aubert and É Savaux, Droit civil. Les obligations, vol 1: L'acte juridique (18th edn, Dalloz 2024); P Malaurie, L Aynès and P Stoffel-Munck, Droit civil. Droit des obligations (11th edn, LGDJ 2020); F Terré, P Simler, Y Lequette and F Chénedé, Droit civil. Les obligations (13th edn, Dalloz 2022); G Chantepie and M Latina, Le nouveau droit des obligations (3rd edn, Dalloz 2023).
80. G Alpa, Manuale di diritto privato (11th edn, Wolters Kluwer 2020); F Bocchini and E Quadri, Diritto privato (9th edn, Giappichelli 2022); A Torrente and P Schlesinger, Manuale di diritto privato (F Anelli and C Granelli eds, 24th edn, Giuffrè Francis Lefebvre 2019); R Bercovitz Rodríguez-Cano (dir), Tratado de Contratos (4th edn, Tirant lo Blanch 2024).
81. C von Bar, E Clive and H Schulte-Nölke (eds), Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) (Full edn, Sellier 2009); O Lando and H Beale (eds), Principles of European Contract Law, Parts I and II (Kluwer Law International 2000); S Vogenauer (ed), Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) (2nd edn, OUP 2015).
82. МК Сулейменов и ЮГ Басин (eds), Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): комментарий (постатейный), кн 1: Статьи 1-187 (2nd edn, Жеті Жарғы 2003); МК Сулейменов (ed), Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): комментарий (постатейный), кн 2: Статьи 115-187 (4th edn, 2022).
83. МК Сулейменов и ЮГ Басин (eds), Гражданское право: академический курс, т 1 (КазГЮА 2000).
84. АГ Диденко (ed), Гражданское право. Общая часть: курс лекций (Нур-Пресс 2006).
85. НА Шайкенов, Правовое обеспечение интересов личности (Издательство Уральского университета 1990).
86. НС Ешниязов, Комментарий к нормам законодательства Республики Казахстан в области международного частного права (по состоянию на 8 августа 2022 г.): практическое и учебное пособие (Smart University Press 2023) 193 (комментарий к ст. 1116).
87. А Калдыбаев и Л Асаинова, 'Принудительный выкуп доли участника ТОО' (Параграф, 24 февраля 2020) <https://prg.kz/document/?doc_id=36404913> accessed 10 October 2026; А Калдыбаев, 'Исключение участника из ТОО (принудительный выкуп доли участника ТОО)' (Параграф, 13 сентября 2024) <https://prg.kz/document/?doc_id=34029855> accessed 10 October 2026; АК Калдыбаев, 'Являются ли акты выполненных работ, оказанных услуг сделками и можно ли их признать действительными или недействительными? Анализ через призму обязательственных и распорядительных сделок' (Параграф, 2 октября 2025) <https://prg.kz/document/?doc_id=38548646> accessed 10 October 2026.
88. ЮГ Басин, Сделки: учебное пособие (2nd edn, Әділет-Пресс 1999) гл 1 <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012151> accessed 11 November 2026.
89. МК Сулейменов, 'Юридические факты в гражданском праве: проблемы теории и практики' (Параграф, 2015) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33796397> accessed 11 November 2026; МК Сулейменов, 'Возникновение права на долю в хозяйственном товариществе у приобретателя доли' (Параграф, 14 декабря 2018) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38085240> accessed 11 November 2026; МК Сулейменов, 'Применение и толкование норм гражданского законодательства и договора: проблемы теории и практики' (Параграф, 22 июля 2020) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34551164> accessed 11 November 2026.
90. СИ Климкин, 'Оспаривание решений органов товарищества с ограниченной ответственностью' (Параграф, 14 января 2019) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36341733> accessed 11 November 2026.
91. Р Карагаев, 'О некоторых вопросах совершенствования законодательства, связанного с признанием недействительными решений общих собраний' (Параграф, 8 июля 2020) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37947246> accessed 11 November 2026.
92. АГ Диденко, 'Приобретение наследства (О принятии и приобретении наследства)' (Параграф, 2 июня 2006) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30057145> accessed 11 November 2026; АГ Диденко, 'Толкование завещания' (Параграф, 16 ноября 2006) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30077044> accessed 11 November 2026.
93. СВ Скрябин, 'Дарение по доверенности: отдельные вопросы толкования и применения гражданского законодательства' (Параграф, 26 мая 2021) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39668496> accessed 11 November 2026.
94. ДА Братусь, 'Прекращение обязательства' (Параграф, 16 ноября 1998) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33227793> accessed 11 November 2026.
95. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы...' (n 10); Резанов, 'Односторонние сделки: классификации...' (n 47).
96. Акужинов (n 48).
97. Крашенинников и Байгушева (n 49).
98. Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26); Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53).
99. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. No 230-VIII «Об искусственном интеллекте», ст. 4, 7, 8.
100. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. No 230-VIII «Об искусственном интеллекте», ст. 23 п. 1; Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. No 6-I «Об авторском праве и смежных правах», ст. 2 подп. 1).
101. Акужинов (n 48).
102. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации...' (n 47) 161-162.
103. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 123-130.
104. YeL Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence between Internal and External Will (Expressed Will) within Structure of a Civil Transaction' (2025) 30(1) Bulletin of the Karaganda University 'Law Series' 118 <https://doi.org/10.31489/2025l1/118-129>.
105. ЕЛ Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта одностороннего волеизъявления «mortis causa» под условием' (2025) 2(107) Право и государство 68 <https://doi.org/10.51634/2307-5201_2025_2_68>.
106. A Abylaiuly and others, 'Kazakhstan' in H Vanhees (ed), IEL Intellectual Property (Kluwer Law International 2026) <https://kluwerlawonline.com/EncyclopediaChapter/IEL+Intellectual+Property/IPRO20260001> accessed 1 October 2026.
107. ЕЛ Бабаджанян, МА Ахмади и РМ Мальков, 'Презумпция диспозитивности норм о договорах в Гражданском кодексе Республики Казахстан: опыт сплошной оценки и законодательное предложение' (2026) 3(112) Право и государство 49 <https://doi.org/10.51634/2307-5201_2026_3_49>.
108. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 128 (со ссылкой на: А Маниг к, 'Развитие и критика учения о волеизъявлении' (2008) 4 Вестник гражданского права 192-194).
109. Thibaut (n 13) §§ 131-133, 105-106; русский перевод фрагмента приводится по: Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 128-129 (со ссылкой на: Маниг к (n 108) 195, где указаны с. 93 § 120 и с. 102 § 130).
110. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 128.
111. Ibid 129.

112. Windscheid (n 15) § 69, 145; см. также: Томсинова, 'Понятие сделки...' (n 9) 108.
113. FH Vering, Geschichte und Institutionen des römischen Privatrechtes (Mainz 1870) § 77, 137 <https://books.google.com/books?id=5IYDAAAAQAAJ&pg=PA137> accessed 11 November 2026; см. также: Томсинова, 'Понятие сделки...' (n 9) 108-109.
114. Томсинова, 'Понятие сделки...' (n 9) 109.
115. Bekker (n 16) § 82, 11; см. также: Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 129; Манигк (n 108) 201-202.
116. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 129.
117. Neuner (n 24) § 28 Rn 4, 330.
118. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 128-129.
119. Гражданское уложение: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения, кн 1: Положения общие (СПб 1905) ст. 56.
120. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 153, 154; Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. No 435-IV, ст. 202; Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. No 218-З, ст. 154, 155; Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական օրենսգիրք (Гражданский кодекс Республики Армения) от 5 мая 1998 г., ст. 289, 290; Azərbaycan Respublikasının Mülki Məcəlləsi (Гражданский кодекс Азербайджанской Республики) от 28 декабря 1999 г., ст. 324; Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть первая) от 21 декабря 1995 г., ст. 101, 102; Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть I) от 8 мая 1996 г. No 15, ст. 172.
121. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 147, 148.
122. Покровский, Избранные труды (n 18) 146.
123. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению (В Бергманн ed, ТФ Яковлева sci ed, 4th edn, Инфотропик Медиа 2015) §§ 105, 116-120, 123, 125, 130, 133, 134, 138, 139, 142.
124. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. (введен в действие постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г.), ст. 26 и сл.
125. Code civil (France), art. 1100-1 (в ред. Ордонанса No 2016-131 от 10 февраля 2016 г.); Flour, Aubert and Savaux, L'acte juridique (n 79) n° 65.
126. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 147.
127. фон Савиньи (n 14) 212-213 (§ 104); см. также: Акужинов (n 48) 130.
128. ЕВ Титов, 'История становления и развития представлений о юридических поступках' (2014) 2 Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права); ОС Иоффе, Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» (Статут 2009) 626 (цит. по: Титов); Gauch, Schluep and Schmid (n 77) Rn 162-166, 34-35.
129. Neuner (n 24) § 31 Rn 2, 359.
130.Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 124 (со ссылкой на: СВ Третьяков, Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике (2022) 96).
131. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 47-48 (п. 5 комментария).
132. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 69-70 (пп. 8.3, 9 комментария); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. No 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 50.
133. Neuner (n 24) § 17 Rn 46, 191; Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 34, 51-52.
134. Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 28, 50; Neuner (n 24) § 28 Rn 4, 330.
135. Hijma and others (n 78) nr 3.
136. Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 125-126.
137. Басин (n 88) гл 1.
138. Сулейменов и Басин (eds), Гражданское право: академический курс (n 83) гл 11 § 1.
139. Сулейменов, 'Юридические факты в гражданском праве' (n 89) (заключение).
140. [истцы] v Акимат города Атырау (n 4); АО «Банк ЦентрКредит» v Комнатный АЮ и Комнатная ВЮ (n 5).
141. Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 31, 51; Neuner (n 24) § 29 Rn 2, 339.
142. Gauch, Schluep and Schmid (n 77) N 128-129, 30.
143. Koziol, Bydlinski and Bollenberger (n 76) § 859 Rz 13 (R Bollenberger and P Bydlinski).
144. Flour, Aubert and Savaux, L'acte juridique (n 79) n° 66.
145. Hijma and others (n 78) nr 5; Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 99.
146. A Kletečka, Koziol-Welser: Grundriss des bürgerlichen Rechts, vol 1 (14th edn, Manz 2014) Rz 363, 125.
147. Neuner (n 24) § 29 Rn 2, 339.
148. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 124-125.
149. Положения настоящего подраздела опубликованы автором: Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 118-126.
150. Панов (n 33) 53.
151. Чантурия (n 34).
152. ЕА Суханов (ed), Гражданское право: учебник, т 1 (2nd edn, Статут 2019) 392.
153. Ойгензихт (n 28) 9.
154. Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 118-119.
155. См., например: Кротов (n 37) 217.
156. Политова (n 35) 5.
157. Ойгензихт (n 28) 9.
158. Панов (n 33) 53.
159. Уруков (n 36) 11.
160. Ойгензихт (n 28) 16.
161. ВВ Нуркова и НБ Березанская, Психология: учебник (Юрайт-Издат 2004) 208-209.
162. Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 120.
163. Кротов (n 37) 217.
164. Оглезнев и Суровцев (n 29) 205.

165. Оглезнев и Суровцев (n 29) 216.
166. Гемпшир и Харт (n 31) 215-229.
167. Оглезнев и Суровцев (n 29) 218.
168. Zaibert and Smith (n 32) 169.
169. Томсинова, 'Понятие «Willenserklärung» (волеизъявление) в Германском гражданском уложении 1900 г.' (n 9) 70.
170. Heise (n 12) 29-32 (цит. по: Томсинова, 'Понятие «Willenserklärung»...' (n 9) 71).
171. Savigny (n 14) § 114, 99; см. также: Томсинова, 'Понятие «Willenserklärung»...' (n 9) 71.
172. Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 123.
173. Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 120-121.
174. Холоденко (n 38) 4.
175. Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 122.
176. Панов (n 33) 68; Flume (n 22) § 4, 6, 54-55.
177. J Schapp, Grundfragen der Rechtsgeschäftslehre (Tübingen 1986) 1 (цит. по: Томсинова, 'Понятие «Willenserklärung»...' (n 9) 74).
178. Варул и Халлик (n 45) 10.
179. Flume (n 22) § 4, 6, 54.
180. ИА Покровский, Основные проблемы гражданского права (Статут 1998) 246-248 (цит. по: КП Татаркина, Форма сделок в гражданском праве России (Издательство ТУСУРа 2012) 14).
181. Татаркина (n 180) 14.
182. Neuner (n 24) § 30 Rn 4, 356.
183. Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 139.
184. Flume (n 22) § 4, 6, 55; Singer in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Vorbemerkungen zu §§ 116-124 (n 75) Rn 16; Schermaier (n 11) Rn 34, 430-431.
185. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 159 пп. 5, 8.
186. Ibid ст. 159 пп. 5, 7-9.
187. Сулейменов и Басин (eds), Гражданское право: академический курс (n 83) гл 11 § 1.
188. Е Годэмэ, Общая теория обязательств (Книга по Требованию 2021) 42.
189. Панов (n 33) 61-62.
190. Гримм (n 20) 234.
191. Гримм (n 20) 234.
192. Гражданский кодекс ЬЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1072-1 пп. 1, 2; Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 124.
193. Хвостов (n 19) 128.
194. Гражданский кодекс ЬЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.07.2006) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30087423&sub_id=10720000&pos=3436;-53#pos=3436;-53> accessed 25 May 2023.
195. Диденко, 'Приобретение наследства' (n 92).
196. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 331 п. 3.
197. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 396 п. 2; Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 124.
198. Панов (n 33) 67 (со ссылкой на: ИБ Новицкий, Избранные труды по гражданскому праву, т 1 (Статут 2006) 195).
199. Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 124.
200. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 126-127 (п. 1-3.2.1.3 комментария).
201. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 65-66 (п. 8.1 комментария).
202. Ibid 66.
203. Babadzhanyan, 'The Concept and Correspondence' (n 104) 125-126.
204. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 62-64; о возникновении авторского права с момента создания произведения см.: Abylaiuly and others (n 106) ch 2, s 3.
205. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. No 427, ст. 6 п. 4; Abylaiuly and others (n 106) ch 3, s 10.
206. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 62.
207. Ibid 64.
208. Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 26, 49.
209. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 126-127.
210. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 99-100.
211. Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 27, 49-50.
212. Neuner (n 24) § 28 Rn 8-10, 331.
213. Мамбетов, 'О сделкоподобных действиях (часть 1)' (n 55) 50.
214. Закон Республики Казахстан от 22 апреля 1998 г. No 220-I «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», ст. 46 п. 1.
215. Закон Республики Казахстан от 22 апреля 1998 г. No 220-I «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», ст. 50.
216. Калдыбаев и Асаинова, 'Принудительный выкуп доли участника ТОО' (n 87) раздел 1.
217. Закон Республики Казахстан от 22 апреля 1998 г. No 220-I «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», ст. 31 п. 2, 3, 5.
218. Закон Республики Казахстан от 22 апреля 1998 г. No 220-I «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», ст. 31 п. 5, 6.
219. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. No 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 21 п. 5 абз. 1 (в ред. Федерального закона от 7 июля 2025 г. No 186-ФЗ); по прежней редакции см.: Карапетов, 'Комментарий к ст. 165.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 659.

220. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 165.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 659 (со ссылкой на абз. 1 п. 5 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. No 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).
221. Ibid 652.
222. Закон Республики Казахстан от 22 апреля 1998 г. No 220-I «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», ст. 37 п. 2, 4.
223. Калдыбаев, 'Исключение участника из ТОО (принудительный выкуп доли участника ТОО)' (n 87) раздел 1.4.
224. ТОО «LLP ROYAL» v ТОО «Казахстанско-французское совместное предприятие "Катко“» (Апелляционная судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 4 апреля 2018 г., No 7599-18-00-2a/1174).
225. ТОО «СП Гермес LTD» v ТОО «Казахойл Актобе» (Судебная коллегия по гражданским делам Актюбинского областного суда, 25 октября 2016 г., No 1599-16-00-2a/1366).
226. [истец] v АО «Казкоммерцбанк» и др. (Бостандыкский районный суд города Алматы, 7 декабря 2017 г., No 7514-17-00-2/10296).
227. [истцы] v АО «AsiaCreditBank» и др. (Судебная коллегия по гражданским делам Павлодарского областного суда, 6 сентября 2016 г., No 5599-16-00-2a/1426).
228. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 100.
229. Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 26-27, 49-50.
230. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации, свобода совершения, возможность включения условий' (n 47) 166.
231. Мамбетов, 'О сделкоподобных действиях (часть 1)' (n 55) 47-50; Мамбетов, 'О сделкоподобных действиях (часть 2)' (n 55) 96-98, 141-142.
232. Шаляев (n 56) 187-193.
233. Евстигнеев (n 57) 45-50.
234. Code civil, art 1100-1, 1100-2; B Fages, Droit des obligations (9th edn, LGDJ 2019) n° 20, 41-42.
235. См., например: Law of Property Act 1925, s 136(1).
236. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 153 п. 1, 2.
237. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 98.
238. von Bar, Clive and Schulte-Nölke (n 81) art II.-1:101(1), 170; см. также: АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in АГ Карапетов (ed), Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] (М-Логос 2020) 50.
239. Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 51.
240. Leenen and Häublein (n 75) § 11 Rn 1, 337.
241. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in АГ Карапетов (ed), Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] (М-Логос 2018) 58.
242. Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 55-62; Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 140-148; Крашенинников и Байгушева (n 49) 32, 41-42; Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 162.
243. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 140-141.
244. Крашенинников и Байгушева (n 49) 32.
245. Ср.: Bürgerliches Gesetzbuch § 351 (применительно к отказу от договора - Rücktritt).
246. Leenen and Häublein (n 75) § 11 Rn 3-4, 337-338.
247. Lützenkirchen and Selk in Erman (n 75) § 542 Rn 15, 2506.
248. Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 33, 51.
249. Neuner (n 24) § 29 Rn 5, 339-340.
250. Larenz and Wolf (n 23) § 23 Rn 6, 404.
251. Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 15.
252. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 220 п. 2, 3.
253. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 141; Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 56.
254. Brox and Walker (n 75) § 26 Rn 7, 273-274.
255. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 163 п. 3.
256. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 141-142; Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 56-57.
257. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 142.
258. Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 536.
259. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 378 п. 3.
260. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 142-144; Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 58-59.
261. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 144-145; Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 59.
262. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 387-397 (Derstadt, 10th edn, CH Beck 2025) § 387 Rn 54-55.
263. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 145-146; Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 59-60.
264. Lando and Beale (n 81) art 2:204, note 2, 170.
265. Vogenauer (n 81) art 2.1.6, para 19.
266. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 143.
267. Крашенинников и Байгушева (n 49) 42 n 56 (со ссылкой на п. 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 марта 2012 г. No 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий»).
268. D Medicus and S Lorenz, Schuldrecht II: Besonderer Teil (19th edn, CH Beck 2025) § 54 Rn 3, 394.
269. Закон Республики Казахстан от 27 февраля 2017 года No 49-VI «БЮА О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского, банковского законодательства и улучшения условий для

предпринимательской деятельности»; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года No 409-I (ГК РК, Особенная часть), ст 506, п 1 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_> accessed 3 October 2026.
270. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный), кн 1 (4th edn, Зангер 2020).
271. Сулейменов и Басин (eds), Гражданское право: академический курс (n 83) гл 11 § 1.
272. Братусь (n 94).
273. Derstadt in Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 387-397 (n 262) § 397 Rn 1.
274. Ibid § 397 Rn 4.
275. Gauch, Schluep and Emmenegger (n 77) N 3118, 230.
276. Chantepie and Latina (n 79) n° 1040, 1074-1075.
277. J Flour, J-L Aubert and É Savaux, Droit civil. Les obligations. 3. Le rapport d'obligation (11th edn, Dalloz 2024) n° 307.
278. Hijma and others (n 78) nr 73, 63.
279. CH Sieburgh, Asser 6-II: De verbintenis in het algemeen, tweede gedeelte (Wolters Kluwer 2025) nr 316.
280. UNIDROIT (n 81) art 5.1.9, 166-167.
281. Torrente and Schlesinger (n 80) § 227, 437.
282. Bocchini and Quadri (n 80) 758-759.
283. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 146-147; Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 60; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. No 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», п. 34; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 415 п. 2.
284. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 147.
285. Крашенинников и Байгушева (n 49) 42 n 57.
286. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 162.
287. Leenen and Häublein (n 75) § 11 Rn 10, 339.
288. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 657.
289. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 395 п. 5.
290. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 147-148; Карапетов, 'Комментарий к ст. 420 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 61-62.
291. Busche in Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch, vol 1 (n 75) Vor § 145 Rn 23.
292. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 435 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 956-957.
293. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 145-185 (R Bork, Neubearbeitung, Otto Schmidt/De Gruyter 2025) § 145 Rn 34.
294. Armbrüster in Erman (n 75) § 145 Rn 19, 498.
295. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 395 п. 2, 3.
296. Карапетов, 'Комментарий к ст. 435 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 957.
297. Крашенинников и Байгушева (n 49) 41.
298. Крашенинников и Байгушева (n 49) 41.
299. Bork in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 145-185 (n 293) § 145 Rn 1.
300. Armbrüster in Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch, vol 1 (n 75) § 134 Rn 37.
301. Поваров, 'Сущность и юридическое значение оферты' (n 58) 123-124.
302. Hijma and others (n 78) nr 57, 53; nr 72, 62.
303. M Schickmair, '§ 861' in A Fenyves, F Kerschner and A Vonkilch (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 859-887 (3rd edn, Verlag Österreich 2022) Rz 34, 177.
304. Карапетов, 'Комментарий к ст. 435 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 956; АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 436 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 963-964; АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 439 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 991.
305. Lando and Beale (n 81) art 2:202, comment A, 164; United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (adopted 11 April 1980, entered into force 1 January 1988) 1489 UNTS 3, arts 15(2), 16(1).
306. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 70-72 (п. 9.1 комментария).
307. Сулейменов и Басин (eds), Гражданское право: академический курс (n 83) гл 11 § 1.
308. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 71-72; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 397 п. 4.
309. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 396 п. 3.
310. Карапетов, 'Комментарий к ст. 433 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 727 (со ссылкой на п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. No 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»).
311. Larenz and Wolf (n 23) § 30 Rn 14, 577.
312. Подробнее о нормативной теории и ее направлениях см.: Вилкин, 'О нормативной теории решения органа юридического лица' (n 59) 43-67 (цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59)).
313. Белов (n 61) 772 (цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59)).
314. См., например: Ломакин (n 60) 157-158; Белов, Гражданское право (n 61) 781 (оба цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59)).
315. Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59) 195.
316. Крашенинников и Байгушева (n 49) 31, 40-41, 46.
317. Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 32.
318. См. изложение этого довода: Павлов (n 67) 195-196.
319. Brox and Walker (n 75) § 4 Rn 34; Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59) 195-196.
320. U Hüffer, Aktiengesetz (CH Beck 1993) 599 (цит. по: Крашенинников и Байгушева (n 49) 47 n 79).
321. Крашенинников и Байгушева (n 49) 47.
322. Крашенинников и Байгушева (n 49) 46.
323. Brox and Walker (n 75) § 34 Rn 19.

324. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 70.
325. Ibid 151-153.
326. Суханов, 'О видах сделок в германском и в российском гражданском праве' (n 50) 25-26.
327. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 128-129.
328. Чупрунов (n 62) 38-39.
329. Крашенинников и Байгушева (n 49) 31, 40-41; см. также: Громов и Егоров (n 64) 128-130 (цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59)).
330. См.: СС Вилкин, 'Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица' (дис канд юрид наук, 2009) 153-177; ГВ Цепов, Акционерные общества: теория и практика (Проспект 2007) 144-147; БН Архипов, 'Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества' (2002) 3 Законодательство 46-55 (все цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59) 196); Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59) 196.
331. Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59) 196.
332. Leenen and Häublein (n 75) § 4 Rn 17, 47-48 (излагается позиция: W Ernst, Liber Amicorum Leenen (2012) 1 ff).
333. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 70-71 (п. 9.1 комментария).
334. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 43, 71-72 (п. 1, 9.1 комментария), со ссылкой на: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2023 г. No 305-ЭС23-13487; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2024 г. No 305-ЭС23-25116.
335. Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 г. No 415-II «Об акционерных обществах», ст. 27 п. 1 подп. 1), 3).
336. Spierings (n 54) nr 29, 25-26; MJ Kroeze, Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 2. Rechtspersonenrecht. Deel I. De rechtspersoon (10th edn, Wolters Kluwer 2021) nr 284.
337. G Spindler, '§ 119' in K Schmidt and M Lutter (eds), Aktiengesetz: Kommentar (4th edn, Otto Schmidt 2020) Rn 6; J Schwab, '§ 241' in Schmidt and Lutter (eds) Rn 4.
338. Новак, 'Комментарий к ст. 181.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 666.
339. Ibid 667 (со ссылкой на п. 104 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. No 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).
340. Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59) 185.
341. ВВ Витрянский, Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги (2-е изд, Статут 2018) 177 (цит. по: Новак, 'Решение собрания как вид сделки' (n 59) 185).
342. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 181.3 п. 1; ДВ Новак, 'Комментарий к ст. 181.3 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 707.
343. Новак, 'Комментарий к ст. 181.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 674-675, 677-678 (со ссылкой на определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. No 306-ЭС19-24912 и от 16 ноября 2023 г. No 305-ЭС23-13487).
344. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 181.3 п. 1, ст. 181.4 п. 1 подп. 1, 3; Новак, 'Комментарий к ст. 181.3 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 708.
345. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 181.5; ДВ Новак, 'Комментарий к ст. 181.5 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 758.
346. Новак, 'Комментарий к ст. 181.3 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 708-709.
347. Kroeze (n 336) nr 301, 305.
348. Schwab, '§ 241' (n 337) Rn 4.
349. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. No 306-ЭС19-24912 (ООО «Яна Тормыш»).
350. Павлов, 'Применение общих правил о сделках и их недействительности к решениям собраний' (n 67) 226.
351. Новак, 'Комментарий к ст. 181.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 675.
352. Труханов (n 66) 36.
353. Чупрунов (n 62).
354. Нұртай Е v ТОО «Галаз и Компания» (Кызылординский городской суд, 14 июля 2021 г., No 4319-21-00-2/1988).
355. Ibid.
356. ТОО «Аулет» v [ответчик] и др. (Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 28 сентября 2020 г., No 7599-20-00-2а/6571).
357. ТОО «Asia Prom Resources» v [ответчик] (Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 7 апреля 2021 г., No 7599-21-00-2а/3216).
358. ТОО «Asia Prom Resources» v [ответчик] (n 357).
359. Кульбаев БР v Токкожин ЕМ и др. (Медеуский районный суд г. Алматы, 17 мая 2021 г., No 7517-20-00-2/16997); постановлением судебной коллегии по гражданским делам Алматинского городского суда от 11 октября 2021 г. No 7599-21-00-2а/11001 решение изменено: договор купли-продажи доли признан недействительным полностью, в остальной части решение оставлено без изменения.
360. Закон Республики Казахстан от 22 апреля 1998 г. No 220-I «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», ст. 11 п. 1 подп. 6, ст. 50.
361. Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 г. No 415-II «Об акционерных обществах», ст. 14 п. 1 подп. 6, ст. 41 п. 1.
362. [11] БЮА Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 г. No 2 «[11] БЮА О некоторых вопросах применения законодательства о товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», п. 11-13; Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 г. No 8 «О применении законодательства об акционерных обществах», п. 7.
363. [истец] v ТОО «Албастройдор» и др. (Специализированный межрайонный экономический суд Карагандинской области, 3 июля 2019 г., No 3514-19-00-2/3534); Закон [7] БЮА Республики Казахстан «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» (n 214) ст. 46 п. 1.
364. [истец] v АОЗТ «Транспорт» (Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 19 сентября 2018 г., No 7599-18-00-

2a/6097).
365. Усеров АГ v ТОО «Холдинговая компания «КазТурбоРемонт» и др. (Судебная коллегия по гражданским делам суда города Астаны, 9 июня 2026 г., No 7199-26-00-2a/3568).
366. Сулейменов, 'Возникновение права на долю в хозяйственном товариществе у приобретателя доли' (n 89).
367. Климкин (n 90) п. 5-6.
368. Карагаев (n 91).
369. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 г. No 2 (n 362) п. 12-13.
370. Ср.: Крашенинников и Байгушева (n 49) 50 (недействительность отдельного голоса влечет недействительность решения лишь тогда, когда без этого голоса решение оказывается принятым без необходимого большинства).
371. См.: АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Сделки, представительство, исковая давность (n 241) 58; Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 156-157 <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2022-17-10-155-190>.
372. Положения настоящего подраздела и параграфа 2.2 о свободе совершения интервентных и неинтервентных односторонних сделок в переработанном виде опубликованы автором в соавторстве: Бабаджанян, Ахмади и Мальков (n 107) 58-59.
373. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 131.
374. См., например: Егоров, 'Верховный суд разъяснил понятие сделки. Наступила ли ясность?' (n 27) 28-29.
375. Armbrüster in Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch, vol 1 (n 75) Vor § 116 Rn 5; Акужинов (n 48) 126.
376. Sieburgh, Asser 6-III (n 78) nr 99.
377. Акужинов (n 48) 128.
378. Ibid 128.
379. Ibid 129.
380. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 123-124.
381. Ibid 125.
382. von Bar, Clive and Schulte-Nölke (n 81) art II.-4:301(c), 366.
383. Акужинов (n 48) 124, 136-150.
384. Ibid 132-135, 151.
385. Ibid 135.
386. Л Эннекцерус, Курс германского гражданского права (Издательство иностранной литературы 1950) 115, цит. по: Акужинов (n 48) 129.
387. Акужинов (n 48) 130; Поваров, 'Юридически значимое сообщение и сделка: анализ концептуальных подходов к соотношению' (n 58) 73.
388. Malaurie, Aynès and Stoffel-Munck (n 79) no 242, 229-230.
389. Акужинов (n 48) 135, 151.
390. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 395 п. 2.
391. Ibid ст. 396 п. 4.
392. UNIDROIT (n 81) art 2.1.3(2) and comment 2, 37-38.
393. Ibid art 1.10(2), (4), 27-29.
394. Lando and Beale (n 81) art 1:303(3), (5), art 2:202 comment A, 164; von Bar, Clive and Schulte-Nölke (n 81) art I.-1:109(3)-(5), 159.
395. Lando and Beale (n 81) art 1:303(3), art 6:109 comment D; von Bar, Clive and Schulte-Nölke (n 81) art I.-1:109(3), 159.
396. von Bar, Clive and Schulte-Nölke (n 81) art I.-1:109(5), 159; Vogenauer (n 81) art 1.10, para 18.
397. Arnold in Erman (n 75) § 130 Rn 3, 5, 383-384.
398. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch (n 75) Vor § 116 Rn 5 (C Armbrüster).
399. Larenz and Wolf (n 23) § 26 Rn 49, 481.
400. Arnold in Erman (n 75) § 130 Rn 8, 384; Larenz and Wolf (n 23) § 26 Rn 24, 474.
401. Акужинов (n 48) 133-134.
402. Hijma and others (n 78) nr 29, 28-29.
403. Ibid nr 29, 28-30 (со ссылкой на HR 14 juni 2013, ECLI:NL:HR:2013:BZ4104, NJ 2013/391 (Centavos/Stichting Nieuwenhuis)).
404. J Hijma, Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 7. Bijzondere overeenkomsten. Deel I. Koop en ruil (Wolters Kluwer 2024) nr 296.
405. Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 100.
406. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 165.1.
407. Акужинов (n 48) 143 (со ссылкой на п. 66 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. No 25).
408. Ibid 143-145.
409. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 124; Акужинов (n 48) 143-144.
410. Koziol, Bydlinski and Bollenberger (n 76) § 862a Rz 3-4 (R Bollenberger and P Bydlinski).
411. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 194 п. 2.
412. Акужинов (n 48) 145-150, 152.
413. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 176 п. 2.
414. Bocchini and Quadri (n 80) 150-153.
415. R Bercovitz Rodríguez-Cano (dir), Comentarios al Código Civil, vol 6 (Tirant lo Blanch 2013) art 1133, 8334.
416. H Beale (ed), Chitty on Contracts, vol 1: General Principles (32nd edn, Sweet & Maxwell 2015) para 22-051.
417. Ibid para 2-053.
418. C Harpum, S Bridge and M Dixon, Megarry & Wade: The Law of Real Property (8th edn, Sweet & Maxwell 2012) para 17-095, 789.
419. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 401 п. 3.
420. Ibid ст. 404 п. 4.
421. ТОО «Байсын-А» v ГУ «Отдел строительства города Павлодара» (Судебная коллегия по гражданским делам Павлодарского областного суда, 15 июня 2022 г., No 5599-22-00-2a/672).
422. АО «Станция Экибастузская ГРЭС-2» v ТОО «Транс Азия нефть» (Специализированный межрайонный экономический суд Павлодарской области, 25 мая 2009 г., No 2-1370/2009) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/ffca5a98-de79-48b8-80dc-eadbee4abf27> accessed 1 October 2026.

423. АО «Национальная компания «Қазақстан Темір Жолы» v ТОО «Промстрой» (Апелляционная судебная коллегия суда города Астаны, 22 января 2015 г., No 2A-106/2015) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/07fff119-b211-40af-875b-71845c4ff350> accessed 10 October 2026 (оставлено без изменения решение Специализированного межрайонного экономического суда г. Астаны от 15 октября 2014 г.).
424. АО «Казахтелеком» v ИП «BAISEKEN» (Специализированный межрайонный экономический суд г. Астаны, 2 марта 2021 г., No 7119-21-00-2/2107) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/ff133be7-ae3c-4ca2-b027-95153e99aa9c> accessed 10 October 2026.
425. Ибрагимов ФВ v частный судебный исполнитель Аханов СА (Суд No 2 г. Актау, 25 июня 2020 г., No 4711-20-00-2/2320) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/9f1462c0-4248-4da4-8bb1-770c5a6ac24d> accessed 10 October 2026.
426. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 171 п. 1, 2.
427. Қалихайдар АБ v Аленов ЕС и др. (Апелляционная судебная коллегия суда города Астаны, 14 февраля 2013 г., No 2A-649/2013) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/1bd227cf-5dfc-4454-bffa-4ee55dfc0ec2> accessed 10 October 2026.
428. Акужинов (n 48) 127, 129; Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 99; Stadler (n 25) § 17 Rn 35.
429. Акужинов (n 48) 129, 135, 151.
430. Гражданский кодекс ЕЬЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1072-1 п. 1, 2.
431. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 125.
432. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1046 п. 1; ст. 1050 п. 1.
433. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 125.
434. Акужинов (n 48) 135, 151.
435. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1046 п. 1, 1-1, 3.
436. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1038 п. 2; о завещании как нерецептивном одностороннем волеизъявлении mortis causa с отложенным правовым эффектом см.: Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта одностороннего волеизъявления «mortis causa» под условием' (n 105) 68-69; о завещании как строго личном одностороннем акте, не требующем принятия, см. также: Abylaiuly and others (n 106) ch 12, s 7.
437. Malaurie, Aynès and Stoffel-Munck (n 79) no 242, 229-230.
438. Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 99.
439. Spierings, De eenzijdige rechtshandeling (n 54) nr 276, 239.
440. Stadler (n 25) § 17 Rn 35.
441. Neuner (n 24) § 33 Rn 4, 376-377.
442. Hijma and others (n 78) nr 29, 30.
443. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 250.
444. Акужинов (n 48) 136-139.
445. Ibid 141-142, 151-152.
446. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 138.
447. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1046 п. 6; ст. 1053 п. 1, 2.
448. Ibid ст. 912 п. 1.
449. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 911 п. 1.
450. Халметов СБ v ТОО «RG Brands Kazakhstan» (Районный суд No 2 Алмалинского района г. Алматы, 10 июня 2026 г., No 7520-26-00-2/10369) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/312884b7-a809-41aa-9199-61c86670152e> accessed 10 October 2026.
451. Махметова РБ v ТОО «Корпорация ЗУМРАД» (Апелляционная судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 19 февраля 2018 г., No 7599-17-00-2a/9787) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/567765d9-be39-4830-87e9-62a35cf93158> accessed 10 October 2026.
452. Гражданский кодекс ЕЬЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1074 п. 2, 3, 8.
453. Им ДЮ и др. v Им ГВ (Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Казахстан, 12 апреля 2017 г., No 6001-17-00-3ГП/161) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/dadcb8fa-995e-45b7-9e95-67025fbf5c9a> accessed 10 October 2026.
454. Альчуразов БМ v Альчуразова АМ, частный нотариус Султанова ГС (Кассационный суд по гражданским делам, 25 июня 2026 г., No 6003-26-00-2к/412) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/3813b13a-bd13-45df-aabc-6172cea2af7e> accessed 10 October 2026 (со ссылкой на п. 9 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2009 г. No 5 «ЕЬЮА О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании», утратившего силу с 1 июля 2026 г.; то же разъяснение содержится в п. 11 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 20 мая 2026 г. No 4 «ЕЬЮА О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании»).
455. Stadler (n 25) § 18 Rn 15.
456. Larenz and Wolf (n 23) § 28 Rn 5, 509; Rn 94-95, 535-536.
457. Neuner (n 24) § 35 Rn 32, 416.
458. Stadler (n 25) § 18 Rn 19.
459. Neuner (n 24) § 35 Rn 33, 416; Larenz and Wolf (n 23) § 28 Rn 5, 509.
460. Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 133.
461. Гражданский кодекс ЕЬЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1055.
462. M Schickmair, '§ 860' in A Fenyves, F Kerschner and A Vonkilch (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 859-887 (3rd edn, Verlag Österreich 2022) Rz 3, 129-130.
463. Гражданский кодекс ЕЬЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1116.
464. Ешниязов (n 86) 193 (комментарий к ст. 1116, п. 2); Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 148 п. 2, ст. 398.
465. Ешниязов (n 86) 192-193 (комментарий к ст. 1116, п. 1).
466. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 126.
467. Ibid.
468. Ibid 127.
469. ББ Черепахин, 'Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву' in ББ Черепахин, Труды по гражданскому праву (2001), цит. по: Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 156-158.

470. Алексеев (n 46) 466-467, 470-474, цит. по: Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 125-126; Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 158-159.
471. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 159-160.
472. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 370 п. 1.
473. Ibid ст. 401 п. 3, ст. 403 п. 1.
474. Черепахин (n 469), цит. по: Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 157.
475. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 373.
476. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 129.
477. См.: Бабаджанян, Ахмади и Мальков (n 107) 58-59.
478. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 149 п. 1.
479. Ibid ст. 367 п. 2, ст. 404 п. 1.
480. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 155 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 156.
481. Code civil (124th edn, Dalloz 2025) art 1100-1; Malaurie, Aynès and Stoffel-Munck (n 79) no 243, 230-231.
482. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Сделки, представительство, исковая давность (n 241) 58.
483. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 161-162.
484. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 128-129.
485. Ibid 156.
486. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 128.
487. Ibid 129.
488. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 162.
489. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 128.
490. Leenen and Häublein (n 75) § 11 Rn 6-10, 338-339 (деление на «einseitig-gestaltende» и «sonstige einseitige Rechtsgeschäfte»; во второй группе в качестве примеров названы завещание и публичное обещание награды). Там же подчеркнуто, что одностороннее воздействие на чужие правоотношения представляет собой исключение, нуждающееся в оправдании (Rn 8).
491. Neuner (n 24) § 20 Rn 31, 239.
492. Ibid § 20 Rn 39, 41, 241.
493. Brox and Walker (n 75) § 25 Rn 6, 255-256.
494. Kortmann and Kortmann (n 78) nr 51.
495. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Сделки, представительство, исковая давность (n 241) 58.
496. Ibid 58.
497. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 132-136.
498. Stadler (n 25) § 28 Rn 6.
499. ТОО «Байсын-А» (n 421).
500. ТОО «Шет-энерго» v ТОО «Электржабдықтау» (Судебная коллегия по гражданским делам Карагандинского областного суда, 24 января 2024 г., No 3599-23-00-2a/2919) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/90aef19f-eff2-4a4a-8739-15ce64f5fd12> accessed 3 October 2026.
501. ИП Жиенбаева ГА v ГКП на ПХВ «Теректі мал жәрдемі» акимата Теректинского района ЗКО (Специализированный межрайонный экономический суд Западно-Казахстанской области, 20 декабря 2017 г., No 2713-17-00-2/3305) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/a16a68bf-a293-4dd6-a55f-07b61ae272b2> accessed 10 October 2026.
502. Жаркешев ЕЕ v ДБ АО «HSBC Банк Казахстан» (Медеуский районный суд г. Алматы, 15 сентября 2011 г., No 2-4988/2011) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/cda58bcc-c446-4126-8dcd-5e9f1b809322> accessed 10 October 2026 (со ссылкой на ст. 39 Закона Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. No 2444 «[8]БЮА О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» в редакции Закона Республики Казахстан от 23 октября 2008 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам устойчивости финансовой системы»; названный Закон утратил силу, в действующем Законе Республики Казахстан от 16 января 2026 г. No 258-VIII «[8]БЮА О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» тот же запрет закреплен в п. 9 ст. 53).
503. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Сделки, представительство, исковая давность (n 241) 58.
504. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 130.
505. Ibid 157; Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 163-164.
506. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 163; см. также: Бабаджанян, Ахмади и Мальков (n 107) 59.
507. Гражданский кодекс [10]БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1074 п. 5.
508. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 130-131.
509. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 162-163.
510. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1057 п. 1.
511. Ibid ст. 1075 п. 1, 3.
512. von Bar, Clive and Schulte-Nölke (n 81) art II.-4:303, 371.
513. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1057 п. 3.
514. Ibid ст. 1072-1 п. 2.
515. Ibid ст. 1074 п. 4.
516. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 158.
517. Гражданский кодекс [10]БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 996, 997; Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. No 427, ст. 10 п. 2; Abylaiuly and others (n 106) ch 3, s 5.
518. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. No 427, ст. 10 п. 4-7.
519. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. No 427, ст. 10 п. 5, 7; АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 239.
520. О разграничении свободы совершения односторонней сделки и свободы определения ее содержания применительно к ГК РК см.: Бабаджанян, Ахмади и Мальков (n 107) 58-59.
521. Суханов, 'О видах сделок в германском и в российском гражданском праве' (n 50) 5.
522. Егоров, 'Распорядительные сделки: выйти из сумрака' (n 51) 51; Гражданский кодекс [9]БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1

июля 1999 г. No 409-I, ст. 1002 п. 1, 2; Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. No 427, ст. 30 п. 2 подп. 1; о досрочном прекращении действия охранного документа по заявлению патентообладателя см.: Abylaiuly and others (n 106) ch 7, s 7.
523. Гражданский кодекс [10] БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1046 п. 1, ст. 1038 п. 2, ст. 1072 п. 1, 4; о завещании как основном способе перехода интеллектуальных прав посредством односторонней сделки см.: Abylaiuly and others (n 106) ch 12, s 7.
524. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1057 п. 1.
525. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1072-1, 1074.
526. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 138-139.
527. Ibid 130-131.
528. Карапетов, 'Комментарий к ст. 153 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 39-40.
529. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 131-132.
530. Code civil (124th edn, Dalloz 2025) art 1100-1; Flour, Aubert and Savaux, L'acte juridique (n 79) no 67.
531. Flour, Aubert and Savaux, L'acte juridique (n 79) no 1013.
532. Alpa (n 80) ch XLIII, para 1, 865.
533. Koziol, Bydlinski and Bollenberger (n 76) § 876 Rz 1 (R Bollenberger and P Bydlinski).
534. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 134.
535. Lando and Beale (n 81) art 1:107.
536. UNIDROIT (n 81) art 3.2.17, 123-125.
537. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 134-135; von Bar, Clive and Schulte-Nölke (n 81) art II.-7:101(3), II.-8:201, II.-8:202.
538. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 149 п. 2.
539. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 162-163.
540. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 132.
541. Burgerlijk Wetboek, art 6:216; Mr. C. Assers Handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht. 3. Vermogensrecht algemeen. Deel V. Gemeenschap (5th edn, Wolters Kluwer 2023) nr 215 (Perrick); Sieburgh, Asser 6-III (n 78) nr 104.
542. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 132.
543. Положения настоящего подраздела о применении к односторонним сделкам норм о договорах через п. 2 ст. 149 ГК РК опубликованы автором в соавторстве: Бабаджанян, Ахмади и Мальков, 'Презумпция диспозитивности норм о договорах' (n 107) 58-59.
544. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 165.
545. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 2 п. 2, ст. 380 п. 2.
546. Бабаджанян, Ахмади и Мальков, 'Презумпция диспозитивности норм о договорах' (n 107) 58-59.
547. Bocchini and Quadri (n 80) 1394-1395.
548. D Medicus and S Lorenz, Schuldrecht I: Allgemeiner Teil (22nd edn, C.H. Beck 2021) § 6 Rn 2, 25.
549. Emmerich in Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 311-312 (10th edn, C.H. Beck 2025) § 311 Rn 25.
550. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Eckpfeiler des Zivilrechts (Neubearbeitung 2008), Sachenrecht - Allgemeine Lehren, IV 2 a.
551. Neuner (n 24) § 29 Rn 21, 342.
552. Gauch, Schluep and Schmid (n 77) N 275, 55.
553. Chantepie and Latina (n 79) n° 66, 67-70.
554. Bercovitz Rodríguez-Cano, Comentarios al Código Civil (n 415) art 1089, 7967-7968.
555. A Burrows (ed), Principles of the English Law of Obligations (OUP 2015) para 1.31.
556. von Bar, Clive and Schulte-Nölke (eds), DCFR (n 81) art II.-1:103 comment B, 178-179.
557. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 148 п. 2, ст. 149 п. 1.
558. Бабаджанян, Ахмади и Мальков, 'Презумпция диспозитивности норм о договорах' (n 107) 58.
559. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 7 подп. 1), ст. 2 п. 2.
560. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 148 п. 2.
561. Карапетов, 'Комментарий к ст. 155 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 157; Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 131.
562. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации...' (n 47) 163-165.
563. РС Бевзенко, 'Залог из завещания' (2020) 20(4) Вестник гражданского права 220, 227-229.
564. Басин (n 88) гл 1.
565. Карапетов, 'Комментарий к ст. 155 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 157.
566. Ibid.
567. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 18 п. 3, ст. 34 п. 2.
568. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 195 п. 1.
569. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 300 п. 1.
570. Бевзенко (n 563) 229.
571. Ibid.
572. Гражданский кодекс [9] БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1046 п. 5, ст. 1057 п. 1.
573. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации...' (n 47) 163.
574. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 2 п. 1, ст. 149 п. 1.
575. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1050 п. 1.
576. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 167 п. 1, 2.
577. Гражданский кодекс [10] БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1074 п. 2.
578. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 151 п. 2, 4.
579. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 158 ГК РФ (п. 1.5)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 365-366.
580. Gauch, Schluep and Schmid (n 77) N 571-572.

581. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 152 п. 1-3.
582. Карапетов, 'Комментарий к ст. 158 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 366-368.
583. Ibid 368-370.
584. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 402 п. 1.
585. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 153 п. 1, 2, ст. 154 п. 1.
586. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 133.
587. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 154 п. 2, ст. 155 п. 2.
588. Карапетов, 'Комментарий к ст. 158 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 370-375.
589. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 159 п. 5.
590. АА Павлов, 'Комментарий к ст. 171 ГК РФ (п. 1.10)' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 584-585.
591. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 26 п. 2, ст. 164; о малолетних: ст. 23 п. 1.
592. Bürgerliches Gesetzbuch § 131 Abs 2.
593. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 22 п. 1.
594. АГ Карапетов и ИС Чупрунов, 'Комментарий к ст. 170 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 526-527.
595. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. No 6 «О некоторых вопросах недействительности сделок и применении судами последствий их недействительности», п. 21.
596. ДО Тузов, 'Комментарий к ст. 166 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 133, 167; АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 178 ГК РФ (п. 1.5.3)' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 938.
597. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 157 п. 3; Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. No 6 «О некоторых вопросах недействительности сделок и применении судами последствий их недействительности», п. 1, 19.
598. Neuner (n 24) § 41 Rn 20, 22.
599. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 158 п. 1.
600. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 168 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 420-421.
601. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. No 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 51; Карапетов, 'Комментарий к ст. 168 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 413, 423-424; та же идея подтверждена в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. No 54 (цит. по: ibid 423).
602. Карапетов, 'Комментарий к ст. 168 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 423.
603. Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 320.
604. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 163.
605. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. No 6 «О некоторых вопросах недействительности сделок и применении судами последствий их недействительности».
606. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 149 п. 1, ст. 273, ст. 404 п. 1.
607. АА Павлов, 'Комментарий к ст. 410 ГК РФ' in АГ Карапетов (ed), Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] (М-Логос 2022) 1166.
608. Карапетов, 'Комментарий к ст. 155 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 157-158.
609. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 159 п. 4.
610. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 220 п. 3.
611. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. No 518-IV «О браке (супружестве) и семье», ст. 34 п. 2.
612. В ранней редакции п. 1 ст. 159 ГК РК говорилось о сделке, «совершенной без получения необходимой лицензии либо после окончания срока действия лицензии»: Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) (старая редакция) <https://prg.kz/m/amp/document/30933617/7/1880000> accessed 10 October 2026.
613. АА Павлов, 'Комментарий к ст. 175 ГК РФ (п. 1.12)' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 832-833.
614. Leenen and Häublein (n 75) § 11 Rn 32.
615. Bürgerliches Gesetzbuch §§ 111, 182 Abs 3.
616. Müller in Erman (n 75) § 111 Rn 1, 1a, 323.
617. Карапетов, 'Комментарий к ст. 173.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 658-660.
618. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 8 п. 4, 6.
619. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 165.
620. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 132-134.
621. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 134-135; Leenen and Häublein (n 75) § 11 Rn 33.
622. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 133.
623. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 133-135; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 8 п. 4, ст. 165.
624. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 174 п. 1.
625. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 159 п. 10, 11, ст. 163 п. 1.
626. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 174 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 725-726.
627. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 241-254 (D Looschelders and D Olzen, Neubearbeitung, Otto Schmidt/De Gruyter 2024) § 242 Rn 517.
628. Neuner (n 24) § 49 Rn 107.
629. Карапетов, 'Комментарий к ст. 174 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 730-731.
630. Ibid 731-732.
631. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 159 п. 8.
632. Карапетов, 'Комментарий к ст. 178 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 996.
633. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 157-1 п. 4.

634. Neuner (n 24) § 41 Rn 156-158.
635. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы' (n 10) 137.
636. Карапетов, 'Комментарий к ст. 178 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 946-947.
637. Ibid 948-949.
638. Ibid 949-950; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 178, ст. 180 п. 1.
639. I Schwenzer and C Fountoulakis, Schweizerisches Obligationenrecht: Allgemeiner Teil (8th edn, Stämpfli 2020) N 39.15, 39.22, 328, 331.
640. Карапетов, 'Комментарий к ст. 178 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 949-950. Автор комментария оставляет вопрос о последствиях молчания открытым, допуская и иное решение - наступление эффекта сделки с блокированием права на ее оспаривание.
641. Bürgerliches Gesetzbuch § 121 Abs 1.
642. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 179 ГК РФ (п. 2.3.4, 2.16.2)' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 1063, 1104.
643. Ibid 1046-1047.
644. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 159 п. 9; см.: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. No 6 «О некоторых вопросах недействительности сделок и применении судами последствий их недействительности».
645. Карапетов, 'Комментарий к ст. 179 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 1060, 1063; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. No 51-ФЗ, ст. 179 п. 2; Bürgerliches Gesetzbuch § 123 Abs 2.
646. Gauch, Schluep and Schmid (n 77) N 865, 202.
647. Huguenin (n 77) N 595, 184; Schwenzer and Fountoulakis (n 639) N 39.35, 334.
648. Карапетов, 'Комментарий к ст. 179 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 1047-1048.
649. Ibid 1048-1049.
650. Карапетов, 'Комментарий к ст. 179 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 1049-1050.
651. Закон 7 БЮА Республики Казахстан «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» (n 214) ст. 11 п. 1 подп. 5), а право выйти из товарищества с выплатой стоимости доли закреплено, в частности, для участника полного товарищества (Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 67).
652. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 162 п. 2.
653. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 8 п. 5, 7.
654. Карапетов, 'Комментарий к ст. 179 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 1140.
655. Gauch, Schluep and Schmid (n 77) N 733, 168-169.
656. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 159 п. 9.
657. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 161.
658. АА Новицкая, 'Комментарий к ст. 180 ГК РФ (п. 11)' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 1213-1214.
659. Новицкая, 'Комментарий к ст. 180 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 1215-1216.
660. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 157-1 п. 3.
661. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 165; Гражданский кодекс 10 БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1039 п. 2.
662. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 157-1 п. 2.
663. Гражданский кодекс 10 БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 953 п. 1, 2, ст. 954 подп. 1.
664. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 8 п. 6, ст. 359 п. 1, 2.
665. Карапетов, 'Комментарий к ст. 173.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 660.
666. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 163.
667. Поиск в информационной системе «ОпенСуд» по точному словосочетанию «к односторонним сделкам соответственно применяются общие положения об обязательствах и о договорах» <https://opensud.bestprofi.com> accessed 11 November 2026. Конкретные нормы названы в постановлениях апелляционной инстанции: [истец] v [ответчик] (Костанайский областной суд, 23 октября 2024 г., No 3999-24-00-2a/1677) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/3e5fec57-1085-4b1d-ba92-d00ec5f024cb> (п. 1 ст. 348 ГК РК); [истец] v [ответчик] (Суд города Шымкента, 25 декабря 2024 г., No 5299-24-00-2a/2689) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/476f7da7-1759-40dc-a6b5-16225339ef72> (п. 1 ст. 392 ГК РК); [истец] v [ответчик] (Западно-Казахстанский областной суд, 26 апреля 2023 г., No 2799-23-00-2a/318) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/28317bbc-0b44-4961-ab32-4e79f50ca640> (ст. 268, 272, 273 ГК РК).
668. [истец] v нотариус города Астаны Сагинбаева ББ, АО «Инвестиционный фонд Казахстана» (Судебная коллегия по гражданским делам суда города Астаны, 1 февраля 2023 г., No 7199-23-00-2a/59) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/62efd600-93ed-4273-948e-b5a289ad4d35> accessed 3 October 2026.
669. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 329 п. 2, 3.
670. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 163; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 381.
671. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 163; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 382 п. 1.
672. Бабаджанян, Ахмади и Мальков, 'Презумпция диспозитивности норм о договорах' (n 107) 59.
673. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 163-164; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 383 п. 2.
674. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 164; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 396 п. 4.
675. Sieburgh, Algemeen overeenkomstenrecht (n 78) nr 99.
676. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 165; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 359 п. 3. Пример гарантии, приводимый в российской литературе, для казахстанского права не подходит: гарантия здесь оформляется договором (ст. 329 ГК РК), и к ней п. 3 ст. 359 ГК РК применяется непосредственно.
677. Карапетов, 'Комментарий к ст. 158 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 369; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 402 п. 1.

678. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 392; Гражданский кодекс БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1055.
679. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 164.
680. Сулейменов, 'Применение и толкование норм гражданского законодательства и договора' (n 89).
681. Скрябин (n 93) разд 3.1.
682. АК Байрамкулов и АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 431 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 566-571.
683. Диденко, 'Толкование завещания' (n 92).
684. A Fenyves, F Kerschner and A Vonkilch (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 897-916 (3rd edn, Verlag Österreich 2011) § 914 Rz 71-72.
685. Gauch, Schluep and Schmid (n 77) N 207.
686. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 392 п. 1, 2.
687. Резанов, 'Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1)' (n 10) 136-137; ср. von Bar, Clive and Schulte-Nölke (n 81) art II.-8:201(1).
688. Байрамкулов и Карапетов, 'Комментарий к ст. 431 ГК РФ' in Карапетов (ed), Договорное право (n 238) 566-571; Schickmair, '§ 860' (n 462) Rz 3, 129-130.
689. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 164-165; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 380.
690. Бабаджанян, Ахмади и Мальков, 'Презумпция диспозитивности норм о договорах' (n 107) 58.
691. Карапетов, 'Комментарий к ст. 156 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 165.
692. A von Tuhr, Der allgemeine Teil des deutschen bürgerlichen Rechts, Bd 2, Hälfte 1 (1914) 211, цит. по: Крашенинников и Байгушева (n 49) 38.
693. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 234-235.
694. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 150 п. 1, 2.
695. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 370 п. 1; Neuner (n 24) § 20 Rn 39, 241.
696. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.5)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 246.
697. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 170.
698. Гражданский кодекс БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1072 п. 2.
699. Ibid ст. 1074 п. 8.
700. Ibid ст. 1075 п. 1.
701. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 396 п. 1.
702. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 173, 180-181.
703. Крашенинников и Байгушева (n 49) 38; Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 181.
704. Sieburgh, Asser 6-III (n 78) nr 349.
705. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.1)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 238.
706. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 243; Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 181.
707. Brox and Walker (n 75) § 21 Rn 8, 228.
708. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. No 427, ст. 30 п. 2 подп. 1; Abylaiuly and others (n 106) ch 7, s 7.
709. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.1)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 238.
710. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.1)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 235.
711. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.1)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 235-237; Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 182-183.
712. Крашенинников и Байгушева (n 49) 39.
713. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.1)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 236-237.
714. Larenz and Wolf (n 23) § 47 Rn 15, 63, 873, 884.
715. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.1)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 238.
716. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 239; Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 170, 174.
717. K Lützenkirchen (ed), Mietrecht: Kommentar (3rd edn, Otto Schmidt 2021) § 542 Rz 45, 721 (Lützenkirchen).
718. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 174.
719. Neuner (n 24) § 20 Rn 39, 241.
720. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 239.
721. Крашенинников и Байгушева (n 49) 38.
722. Bercovitz Rodríguez-Cano (n 80) 768 (n.o 346, nota 497).
723. Megarry & Wade (n 418) para 17-090, 787.
724. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 239; Крашенинников и Байгушева (n 49) 39.
725. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 239-240.
726. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 173-176.
727. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 240.
728. Gauch and others, Schweizerisches Obligationenrecht. Allgemeiner Teil, vol I (n 77) N 155, 33.
729. Sieburgh, Asser 6-III (n 78) nr 349.
730. Nietsch in Erman (n 75) § 488 Rn 76, 2212.
731. Lieder in Erman (n 75) § 725 Rn 7, 3861.
732. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 240-242.
733. Koziol, Bydlinski and Bollenberger, Kurzkommentar zum ABGB (n 76) § 1159 Rz 4 (Spenling and Kietaibl).
734. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 187-188.
735. C Hattenhauer, Einseitige private Rechtsgestaltung (Mohr Siebeck 2011) 286-293, цит. по: Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 176-179.

736. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 150 п. 3.
737. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.3)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 243-245.
738. Резанов, 'Односторонние сделки: классификации' (n 47) 187-188.
739. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 161.
740. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ (п. 1-2.17.3)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 244.
741. Dickersbach in Lützenkirchen, Mietrecht (n 717) § 561 Rz 10, 2126.
742. Гражданский кодекс ЭБЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1047 п. 1.
743. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 69.
744. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. No 435-IV (Відомості Верховної Ради України, 2003, No 40-44, ст. 356), ст. 1242 ч. 1.
745. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 69.
746. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1047 п. 2.
747. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1047 п. 3.
748. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1048 п. 1.
749. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 18 п. 3.
750. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 70.
751. Карапетов, 'Комментарий к ст. 157 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 238.
752. См., напр.: Bürgerliches Gesetzbuch §§ 2074-2076; Codice civile art. 633-634; Schweizerisches Zivilgesetzbuch Art. 482; Code civil art. 900.
753. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 70.
754. Schmidt and Nobis in Erman (n 75) § 2074 Rn 1, 6511.
755. M Schmidt and Nobis in Erman (n 75) § 2065 Rn 5, 6503-6504.
756. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 134-138; ProstG (PS Fischinger, Neubearbeitung, Otto Schmidt/De Gruyter 2024) § 138 Rn 687.
757. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 70.
758. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 70-71.
759. Долгова ТВ v Пономарева ИВ, Цой АР (встречный иск Пономаревой ИВ) (Кассационная судебная коллегия Акмолинского областного суда, 15 сентября 2011 г., No 2К-424/2011) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/b33e3722-ebaa-4645-bc60-ec28ca43996c> accessed 3 October 2026.
760. Гражданский кодекс ЭБЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1054.
761. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 71.
762. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 71.
763. Schmidt and Nobis in Erman (n 75) § 2074 Rn 1, 4, 6511-6512; Fischinger in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 134-138 (n 756) § 138 Rn 686.
764. Schmidt and Nobis in Erman (n 75) § 2074 Rn 2, 6511-6512.
765. Chantepie and Latina, Le nouveau droit des obligations (n 79) n° 485, 509-510.
766. Alpa, Manuale di diritto privato (n 80) ch LVI, para 2, 1114.
767. Gauch, Schluep and Emmenegger (n 77) N 3989, 411.
768. Fischinger in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: §§ 134-138 (n 756) § 138 Rn 686-687.
769. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 71-72.
770. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 72.
771. Гражданский кодекс ЭБЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1072 п. 4, ст. 1072-2 п. 1, ст. 1073 п. 2.
772. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 72.
773. L Kroiß, C Ann and J Mayer, Anwalt Kommentar BGB. Erbrecht, vol 5 (2nd edn, 2007) 451.
774. Абраменков (n 73).
775. Гражданский кодекс ЭБЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1077 п. 3.
776. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 72-73.
777. Nobis in Erman (n 75) § 2162 Rn 2, 6600-6601.
778. Гражданский кодекс ЭБЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 517 п. 1.
779. Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 72.
780. UNIDROIT (n 81) art 2.1.3 comment 2, 37-38; Lando and Beale (n 81) art 2:202 comment A, 164; von Bar, Clive and Schulte-Nölke (eds), DCFR (n 81) art II.-4:202 comment A, 325.
781. Bercovitz Rodríguez-Cano (n 80) 853.
782. Spierings, De eenzijdige rechtshandeling (n 54) nr 296, 260; Sieburgh, Asser 6-III (n 78) nr 99.
783. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 170 п. 2.
784. Гражданский кодекс ЭБЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1046 п. 6, ст. 1053 п. 1.
785. Ibid ст. 912 п. 1.
786. Ibid ст. 1074 п. 3, 4.
787. АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Сделки, представительство, исковая давность (n 241) 64; АГ Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ (п. 1-3.2.3)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 136-137.
788. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 149 п. 2, ст. 395 п. 2, ст. 396 п. 4.
789. Neuner (n 24) § 33 Rn 46, 387.
790. Fenyves, Kerschner and Vonkilch (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 859-887 (n 76) § 862 Rz 18.
791. von Bar, Clive and Schulte-Nölke (eds), DCFR (n 81) art I.-1:109(5) comment F, 160.
792. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ (п. 1-3.2.3)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 137.
793. Neuner (n 24) § 20 Rn 41, 241.
794. Gauch, Schluep and Schmid (n 77) Rn 156-157; Huguenin (n 77) N 76.
795. Koziol, Bydlinski and Bollenberger (n 76) § 876 Rz 1 (R Bollenberger and P Bydlinski).
796. Spierings, De eenzijdige rechtshandeling (n 54) nr 18, 16.

797. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ (п. 1-3.2.3)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 138.
798. Fenyves, Kerschner and Vonkilch (eds), Klang Kommentar zum ABGB: §§ 859-887 (n 76) § 862 Rz 18.
799. Megarry & Wade (n 418) para 17-090, 787.
800. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 138.
801. Spierings, De eenzijdige rechtshandeling (n 54) nr 296, 259-260.
802. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ (п. 1-3.2.3)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 139.
803. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 250.
804. О разграничении интервентных и неинтервентных односторонних сделок применительно к казахстанскому праву см. также: Бабаджанян, Ахмади и Мальков (n 107) 58-59; о завещании как нерецептивной и, по общему правилу, неинтервентной сделке: Бабаджанян, 'Устойчивость правового эффекта' (n 105) 68-69.
805. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. No 6-I «Об авторском праве и смежных правах», ст. 15 п. 1, 2; Abylaiuly and others (n 106) ch 2, s 5.
806. Гражданский кодекс БЮА Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. No 409-I, ст. 1002.
807. Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ (п. 1-3.2.3)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 138.
808. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 212 п. 1.
809. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 220 п. 2, 3.
810. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. No 518-IV «О браке (супружестве) и семье», ст. 34 п. 3.
811. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 22 п. 1.
812. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 24.
813. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. No 518-IV «О браке (супружестве) и семье», ст. 56 п. 2.
814. АА Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ (п. 2.4)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 290-291.
815. АА Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ (п. 2.4.1)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 291-292.
816. Bayreuther in Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch, vol 1 (n 75) § 182 Rn 12.
817. Закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 г. No 155-I «О нотариате», ст. 58 п. 3.
818. Рекомендации по удостоверению согласий (n 7) п. 2.
819. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 22 п. 1.
820. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 220 п. 3; Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. No 518-IV «О браке (супружестве) и семье», ст. 34 п. 3.
821. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. No 518-IV «О браке (супружестве) и семье», ст. 34 п. 2.
822. Рекомендации по удостоверению согласий (n 7) п. 7.
823. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 273.
824. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 391 п. 2.
825. О пределах применения к односторонним сделкам общих положений об обязательствах и договорах в силу п. 2 ст. 149 ГК РК см.: Бабаджанян, Ахмади и Мальков, 'Презумпция диспозитивности норм о договорах' (n 107) 58-59.
826. Stadler (n 25) § 28 Rn 7.
827. АА Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ (п. 2.16)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 322-327; Карапетов, 'Комментарий к ст. 154 ГК РФ (п. 1-3.2.3)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 138.
828. Крашенинников и Байгушева (n 49) 39.
829. Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 323-325.
830. Bayreuther in Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch, vol 1 (n 75) § 183 Rn 16.
831. Spierings, De eenzijdige rechtshandeling (n 54) nr 363, 311-312 (излагается позиция De Bruijn).
832. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 159 п. 8, 9.
833. Кушекбаева (n 7).
834. Новоселова-Мацковяк ВВ v АО «Альянс Банк» (Апелляционная судебная коллегия Костанайского областного суда, 21 декабря 2011 г., No 2a-2105/2011) <https://opensud.bestprofi.com/lawsuits/d2959d05-0be2-4aa6-93a2-0c80b8eadaca> accessed 3 October 2026 (оставлено без изменения решение Костанайского городского суда от 7 ноября 2011 г., в котором приведены эти же мотивы).
835. АА Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ (п. 2.16.2)' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 326-327.
836. Spierings, De eenzijdige rechtshandeling (n 54) nr 364, 312.
837. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. No 518-IV «О браке (супружестве) и семье», ст. 56 п. 2.
838. Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 295.
839. Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 318-319; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г., ст. 165.
840. Карапетов, 'Комментарий к ст. 178 ГК РФ' in Карапетов (ed), Недействительность сделки (n 53) 947.
841. Громов, 'Комментарий к ст. 157.1 ГК РФ' in Карапетов (ed), Общие положения о сделке (n 26) 322; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. No 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 57.

----------FOOTNOTES----------

1.